Поэты — Революции

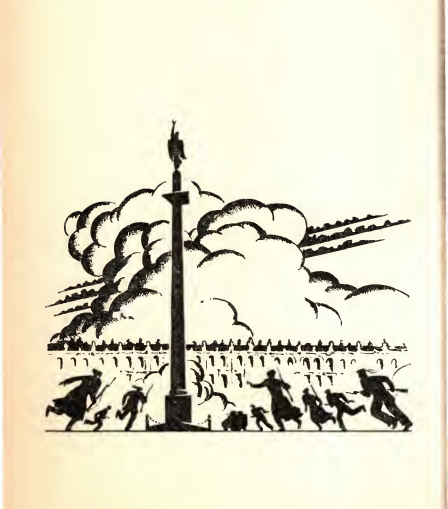
Русская поэзия первых десятилетий Советской власти о Великом Октябре

К 70-летию
Великой Октябрьской социалистической
революции

Поэты — Революции

Русская поэзия первых десятилетий Советской власти о Великом Октябре

Москва
Издательство
«Правда»
1987

84 Р 7
П 41

Составление и вступительная статья
Феликса Бурташова

Иллюстрации и оформление
Валентина Горелова

$П\frac{4702010200-1346}{080(02)-87}1346-87$

СЛУШАЙТЕ МУЗЫКУ РЕВОЛЮЦИИ

(Заметки о книге поэзии Октября)

Он был и есть начало всех начал,
И мы тому свидетели живые,
Что в этот день народ наш повстречал
Судьбу свою великую впервые.

Михаил Исаковский.
25 октября 1917 года

Перед вами, читатель, сборник поэтических произведений о Великом Октябре 1917 года, написанных русскими поэтами в первые десятилетия Советской власти. Тема Октября в поэзии огромна — это тысячи, десятки тысяч строк стихотворений и поэм, баллад и песен, гимнов и народных частушек, создателями которых были и активные участники исторических революционных событий, и те, кто в Октябре был еще слишком юн — «лобастые мальчики невиданной революции» (П. Коган), чтобы с винтовкой в руках или с шашкой наголо сражаться за свободу пробудившихся к свету миллионов трудового народа.

Но и тем и другим — и опаленным огненными вихрями боев красногвардейцам, и конникам Буденного, партизанам Сибири и подпольщикам Крыма, солдатам под Перекопом и на Тихом океане, и первым чоновцам, комсомольцам и пионерам, «фабзайцам» и «двадцатипятитысячникам» — всем им выпало счастье слышать начальные аккорды музыки социалистической революции, дышать ее вольными ветрами, вдохнуть ее ни с чем не сравнимый аромат.

Не поэт, но большой писатель, активнейший участник гражданской войны и социалистического строительства последующих десятилетий Александр Фадеев в одном из писем Всеволоду Иванову так написал о судьбе литераторов того молодого времени: «Ты принадлежишь к тому поколению писателей, на долю которого выпала честь-счастье сказать первые слова о том, что принесла людям Октябрьская революция».

С теми массами, которые вышли «строить и месть» во имя новой жизни, были и поэты, стоявшие у колыбели советской поэзии, ее активные строители. Они тоже были «музыкантами» революции. И тем из них, кому судьба вручила истинный поэтический талант, суждено было стать первыми запевалами ширящейся и становящейся богаче с каждым годом и десятилетием поэтической Октябрианы в советской литературе.

Нет сомнения, что знающий и любящий поэзию читатель без особого труда назовет имена поэтов, стихи которых не попали на страницы предлагаемой его вниманию книги. А в творчестве представленных здесь мастеров слова он отыщет иные строки, имеющие полное право быть включенными в эту антологию. Безусловно, это так. Ведь из океана поэзии Октября взято немного. Но, думается, каждый из любителей поэзии согласится с тем, что нельзя в одном, да даже и в десятке поэтических томов собрать все лучшее, что написано о российском революционном Октябре. Хотя бы только в русской советской поэзии.

А сколько блистательных произведений, подаренных поэтическим гением Октябрю, создано в литературах наших союзных и автономных республик на всех без исключения языках и наречиях, звучащих под небом Советской Родины. Не менее величественна и многогранна мировая Октябриана, сокровищница которой с первых дней рождения в России мира труда и братства народов полнится поэтическими дарами на всех материках планеты.

Быть может, уже не в столь отдаленном будущем, ну хотя бы к столетию Великого Октября поэты и издатели Земли соберут и подарят читателям «все сто томов» октябрьских поэтических книжек. Но и тогда, уверен, это собрание не будет полным — ведь стихи об Октябре, Ленине, революции, свободе, интернационализме и дружбе народов будут рождаться вечно.

После долгого отбора и обсуждений в эту книгу были включены стихи небольшого числа русских поэтов. О выборе их имен и произведений судить самому читателю.

Менее всего книгу эту мыслилось видеть своего рода академическим изданием. У строго научных книг своя высокая и ответственная задача — рассказать все, в полном объеме, о творчестве одного поэта или о четко отобранной — по тому или иному объединяющему признаку — группе поэтов. А говоря о данном сборнике, составитель так бы сформулировал стоявшую перед ним задачу: подарить читателям лучшие, опять-таки по его субъективному выбору, стихи из русской поэтической Октябрианы.

* * *

Но воды идут, разбивая лед,
Но падает ярый гром,
Семнадцатый дышит над миром год,
Увенчанный Октябрем.

Эдуард Багрицкий.
1905

Эта книга создавалась в канун 70-й годовщины Великого Октября. Семь десятилетий созидания нового мира были в самом высоком поэтическом смысле слова «этапами большого пути», как образно сказал в одной из своих песен Михаил Светлов. И вместе со всем советским народом шагали по этому пути его поэты.

...«И идут державным шагом»... Эта чеканная строка из поэмы А. Блока «Двенадцать» стала своеобразным камертоном од-

ной из генеральных тем новой поэзии молодой Республики Советов — темы пути, вечиого движеиия вперед строителей иевидаииой дотоле страны социализма, пути через все преграды и трудности — от описаииых поэтом январских улиц революциоиного Петрограда в иаши — и дальше — дии.

Вот оии идут, люди, взявшие власть в державе в свои мозолистые трудовые руки, люди разиых судеб и взглядов, ио дети одиой Родииы, которую им защищать, строить, возвеличивать иа века. Блок ие случайио иесколько раз повторяет эту строку, подчеркивая торжествеииую поступь иовых вершителей истории, в ией — в строе и даже в звучаиии слов — слышится иеотвратимость победы иового мира иад миром старым («старый мир, как пес безродиый...»).

Я как-то взял иаугад иесколько песен из числа самых популяриых и любимых нашим иародом. Песия — быть может, самый демократичный жаир в поэзии — всегда пропитаиа истииио иародиым духом. Расположив отобраииые песни в порядке их хроиологического иаписаиия, я выстроил, точиее оиа выстроилась сама, «цепочку», которая, как вечиозелеиый росток, протяиулась из революциоииой музыки блоковской поэмы в будущее. Вслушайтесь, читатель:

«И идут державиым шагом»...— «Смело мы в бой пойдем за власть Советов»...— «Среди зноя и пыли мы с Будеииым ходили иа рысях иа большие дела»...— «Шел отряд по берегу»...— «Наш паровоз, вперед лети!»...— «Мы жизии выходим иавстречу, иавстречу труду и любви»...— «Человек проходит как хозяии»...— «Идет войиа иародиая, свящеииая войиа»...— «Молодые, смелые ребята, иа заре уходим мы в поход»...— «А до смерти — четыре шага»...— «Я шагаю с работы устало. Я люблю тебя, жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала»...— «На пыльиых тропиках далеких плаиет остаиутся иаши следы»...— «Сегодия мы ие иа параде, мы к коммуиизму иа пути»...

Коиечио, иа месте процитированиых песен могут быть и другие. Но суть, ие сомиеваюсь, остается та же: революция продолжается, оиа идет через все семь десятилетий иашей иовой, Советской истории, по пути, протяиувшемуся из сырой и тумаииой октябрьской иочи 1917 года, иачатого красногвардейцами со взятия Зимиего и завещаииого ими грядущим поколениям.

Наверное, можно развериуть подобиые «цепочки» (и ие только иа примере песен), рассматривая и другие темы революциоииой поэзии, родившейся в «первое утро свободиой России», по словам поэта-красногвардейца А. Вермишева, и всегда мы будем свидетелями иеразрывиости виутреиией логики и гармоиии советской поэзии — от первых ее шагов до сегодияшиих диеи.

Задачи, поставлеииые революцией перед ее поэтами, были разиообразны и трудиы. Попросту говоря, место и роль поэта тех диеи ие с чем сравиить в предыдущей истории. Ведь тогда, в октябре 1917 года, народы бывшей царской России под руководством партии коммуиистов ие просто свергли царя и его последышей, ие просто измеиили форму политической власти в огромиой страие. Падеиие Зимиего дворца образио обозиачило коиец целой исторической эпохи — иа смену миру капитала, миру обмаиа и грабежа, иеравеиства и войи пришел еще иеизвестиый человеческой цивилизации мир социализма с его лозуигом — «Свобода, труд, мир».

Его рождение и влияние на судьбы народов всей планеты, на весь последующий ход мировой, или, как ее принято называть в науке, новейшей, истории нельзя сравнить с другими, даже крупномасштабными, историческими преобразованиями. Родилась не новая империя, не новый союз временно возвысившихся личностей или даже народов, родился новый мир. И потому творчество поэтов Октября с первых его шагов можно без преувеличения назвать новаторским.

Вся поэзия Октября — это, если попытаться развернуть блоковский образ революции, многоголосый оркестр, хор разбуженных голосов поэзии, в своих лучших достижениях выразившей мысли и надежды, поиск и веру миллионов людей, которые каждый по-своему вслушиваются в эту музыку новой жизни. Поэты, представлявшие разные социальные пласты российского общества, разные политические взгляды и позиции, имевшие различный уровень культуры и знаний, были едины в своем сопричастии к вершащимся историческим событиям. И каждый в меру сил и возможностей стремился выразить свое отношение к революции. Весь этот огромный, многозвучный, порою перебивающий сам себя и убеждающий самого себя в реальности происходящего хор голосов обращался к революции от имени ее современников и в то же время был обращен в будущее. Он должен был донести до последующих поколений, коим не довелось воочию увидеть Октябрь, его величие и трагедии, торжество его справедливости и горечь потерь, его героев и жертвы, невиданные планы и поиски путей я подходов к ним. Сквозь толщу лет — сквозь гражданскую войну, через десятилетия 20-х, 30-х и далее годов в наш с вами, современняк, день и еще дальше, уже вместе с нами, в грядущие века донести, «выкричать» неприкрашенную, а потому совершенную в своей красоте правду об Октябре.

Об этом хорошо сказал Алексей Недогонов в стихотворении «Завещание»:

Может, песни забудутся.
Но следы Моего Человека
будут ясно видны
под звездой двадцать пятого века.

Совсем не обязательно, чтобы в каждом из стихотворений, написанных в те годы, звучали гордые и высокие слова—Октябрь, революция, свобода. Но их дух, их смысл чутко жили в каждой строке, и эту высокую степень гражданского служения делу революции молодая поэзия завещала поэтам новых времен. Ибо — и это главное — революция продолжается.

Вслушайся, читатель, в строки молодого Виктора Гусева, который в канун 15-летия Советской власти пишет стихотворение «Октябрьский смотр» — о революции, совершающей ночной обход по Советской стране:

...Она проверяет оружие,
она проверяет людей.
И прежде всего она спрашивает
каждого из нас:
— Под знаменем партии Ленина
идет ли рабочий класс?

И в ответ звучат слова юных, тех, кто уже подхватил эстафету первых солдат Октября:

Наша приходит очередь
    Революцию защищать.
Мы, конечно, молоды,
    Но поступь у нас тверда.
— Вперед,—
    говорит Революция.
И мы отвечаем:
    — Да!

Эти строки звучат рапортом и сегодня. И, быть может, удаляясь во времени от Октября 1917 года, они обретают все более громкое и ответственное звучание.

Отгремели сражения гражданской войны. Идеи и идеалы революции стали воплощаться в мирную созидательную жизнь первого в истории государства рабочих и крестьян. Эта гигантская стройка не была и не могла быть одномоментным действом. Отрешиться от старого мира, взяв штурмом штабы буржуазии, было подвигом высоким, но только началом большой и архисложной работы по перестройке — сверху донизу — бытия и быта миллионов советских людей.

У Владимира Ильича, назвавшего революцию локомотивом истории, есть слова — в продолжение этой мысли — о том, что локомотив следует разогнать и удержать на рельсах [1]. Сделать это непросто, ибо на пути множество препятствий. Зодчий революции зорко провидел судьбы и трудности, достижения и конфликты всеобщего российского переустройства.

Наш Октябрь — это не только фиксированная дата в летописи жизни человечества — 25 октября 1917 года (7 ноября — по новому стилю). Смысл, который мы, советские люди, вкладываем в это слово-понятие, когда произносим и пишем его с большой буквы, намного шире, емче и многограннее. Октябрь для нас — это и гражданская война, и 30 декабря 1922 года — день рождения Союза Советских Социалистических Республик, и май 1945-го, и апрель 1961-го, когда русский парень Юрий Гагарин совершил первый в мире космический полет. Это все дни, недели, месяцы, годы, все события, светлые и трагические, семи десятилетий жизни нашей Советской власти. И мы, ныне живущие,— наследники и продолжатели его, Октября, заветов. Не потерять, не разменять на мелочи его страстность, смелость, убежденность — задача, которую нам решать всем вместе и каждому в отдельности и, уходя, передать ее следующим поколениям.

Это же — и высшая задача нашей поэзии.

Народ вершил революцию. Его поэты словом утверждали ее правду. С первых послеоктябрьских дней из искусства, доступного узкому кругу аристократов, поэзия превратилась в оружие масс, из поэтических салонов и кафе она выплеснулась на шумные площади и вокзалы, стихи зазвучали на политических митингах и в солдатских окопах.

С ними, стихами и песнями, восставший народ порывал со старым миром — «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний

[1] Ленин В. И. Дневник публициста.— Полн. собр. соч., т. 35, с. 189.

приходит, буржуй» (В. Маяковский), с ними шли «в Красную Армию служить» (Д. Бедный). Стихи поднимали на бой — «Наш паровоз, вперед лети! В коммуне остановка. Иного нет у нас пути — в руках у нас винтовка» (А. Безыменский), отражали мечты о светлом завтра — «Пусть там, где пушки грохотали, спокойно сеятель пройдет...» (И. Ионов).

Октябрьская революция положила начало строительству общества, где складывался нравственный климат, прообраз человеческих взаимоотношений будущего. Эта новая социалистическая нравственность стала краеугольным камнем революционного обновления жизни, а значит, и рожденной ею новой социалистической поэзии. Ибо истинный поэт, уже по своей натуре «гласа народного», а на Руси поэт испокон веку — учитель, наставник, носитель и проповедник нравственных начал бытия, становясь под знамена революционной нравственности, сам становился частицей революции, ее кровным сыном и братом. Об этом говорят судьбы многих мастеров слова той эпохи.

Через сложности миропонимания вершащихся перемен прорывался к революции лирический дар Сергея Есенина:

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

Бесповоротно вручил революции свою лиру строгий классицист Валерий Брюсов, прямо заявивший о своем полном приятии новой жизни:

...Счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

С первых октябрьских рассветов стал глашатаем революции Александр Блок. Спустя всего лишь три месяца после «торжественнейшего дня земли» он написал свою вершинную поэму «Двенадцать» и проникнутую верой в правоту и жизненность нового строя статью, своего рода манифест поэта — «Интеллигенция и революция». В последней он открыто обозначил свое отношение к социальному перевороту, написал слова, ставшие с тех пор призывом ко всем творческим силам России: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».

И еще одно весьма показательное высказывание Блока тех дней. Как бы предвосхищая вопрос, который поставил спустя почти два десятка лет позднее М. Горький — «С кем вы, мастера культуры?», Блок, тончайший романтик и беспощадный реалист, в ответе на анкету «Может ли интеллигент работать с большевиками?», которую проводила одна из петроградских газет, отвечает четко и однозначно: «Может и обязан». «Я... не берусь,— развивает он свою мысль,— судить о тактике соглашения между интеллигенцией и большевиками. Но по внутреннему побуждению это будет соглашение музыкальное...» [1].

Вновь и вновь чуткий поэтический слух Блока улавливает в грохоте революции ее высшую музыку, перекрывающую все шумы и вопли событий. В стихотворении «З. Гиппиус», написанном в ответ на полученную книгу поэтессы «Последние стихи», книгу, пропитанную ядом ненависти к революционному Октябрю, поэт

[1] Блок А. А. Избранные произведения.— Л., 1970, с. 532.

еще раз подтверждает свою непоколебимую позицию на революционной стороне баррикад:

Высоко — над нами — над волнами,—
Как заря над черными скала́ми —
Веет знамя — Интернационал!

Примечательно и время написания этих строк — 1—6 июня 1918 года, дни, когда на просторах России разгорались сражения гражданской войны.

В зареве классовых боев, в кипящем тигле переустройства всего многовекового уклада жизни, рядом с утверждением новых декретов, вместе с укреплением новых взаимоотношений между людьми, между новой государственной властью и отдельной личностью, росла и мужала молодая советская поэзия.

Веселись, душа
Молодецкая.
Нынче наша власть,
Власть Советская! —

писал С. Есенин от имени впервые почувствовавших себя хозяевами собственной жизни миллионов русских мужиков — крестьян, солдат, мастеровых. И поэт имел на это полное право.

Уже в первый год революции поэт Василий Александровский написал строки, утверждающие веру народа в необратимость победы свободного труда:

И никогда в метельном звоне,
Среди овьюженных коряг,
Твои ладони не уронят
Завоеваний Октября.

А десять лет спустя представитель уже новой волны советской поэзии Дмитрий Кедрин напишет слова, в которых зазвучал голос первого поколения советских граждан:

Всё для того, чтобы каждый,
Смертью дышавший в борьбе,
Мог бы тихонько однажды
В сердце сказать о себе:

«Я создавал это племя,
Миру несущее новь,
Я подарил тебе, время,
Молодость, слово и кровь».

* * *

Не прежнею спесью
наш разум строг,
но новые песни
все — с красных
строк.

Николай Асеев.
Кумач

Семнадцатый год — водораздел русской и всемирной истории. Весь мир раскололся на две социальные, идейно диаметрально противоположные системы. Из оков старого общества

вырвалась одна шестая часть Земли «с названьем кратким Русь», и к ней уже стали неприложимы более мерки, с которыми жизнь воспринималась еще за сутки до взятия Зимнего.

1917-й стал и водоразделом всей русской поэзии. С ним в горнило гражданской войны и далее на строительство социализма ушла — это подтвердила история — лучшая, самая талантливая часть литературы страны. Не принявшие революцию, в испуге или с ненавистью ушедшие в сторону или покинувшие родину, фактически все потеряли и свое поэтическое имя.

Новая Россия, истерзанная войнами и бедами, не могла существовать без молодой культуры. Плохо было с хлебом и жильем, не хватало одежды и паровозов, но вчера еще не имевший голоса народ потребовал: «Даешь знания!» Невольно вспоминается признание, сделанное Гербертом Уэллсом в его известной книге «Россия во мгле»: «В этой непостижимой России, воюющей, холодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, немыслимое сейчас в богатой Англии и богатой Америке» [1].

Речь шла о задуманной и осуществляемой по инициативе Максима Горького серии книг «Всемирной литературы». Выдающийся английский фантаст, до сих пор поражающий читателей своими вымыслами и идеями, так и не смог постигнуть всей глубины рождавшегося в «российской мгле» нового образа мышления, нового отношения обретшего независимость народа к духовным сокровищам всемирной культуры.

Они были разными, поэты тех лет — выходцы из крестьян и рабочих, представители интеллигенции и разночинных кругов. Но всех их, обручившихся с революцией, объединяла главная идея поэзии первых послеоктябрьских лет — идея сплочения, вера во всеобщее братство, которая на их глазах и с их участием утверждалась на реальной, политой потом и кровью земле. Вот он — «Левый марш» Маяковского, прогремевший набатным призывом к единению всех революционных колонн, идущих туда, где «за горами горя солнечный край непочатый»:

Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Хочется обратить внимание еще на один примечательный факт. На фоне рушащегося старого мира каждый эпизод, каждый день и час новой эпохи обретал особую духовную цену. Наверно, можно, собрав воедино стихи той поры, сложить из них почти документальную летопись («день за днем»), написанную русскими поэтами — свидетелями рождения Советской власти. Смотрите, читатель!

25 октября 1917 года, в самый канун восстания, в большевистской газете «Рабочий путь» рядом с лозунгом дня — «Вся власть Советам рабочих, солдат и крестьян! Мира! Хлеба! Земли!» — были напечатаны стихи — поэма Д. Бедного «Про землю, про волю,

[1] Уэллс Г. Россия во мгле.— М., 1958, с. 29.

про рабочую долю». Революция с винтовкой в руках властно стучалась в двери истории, и рядом, с пером и блокнотом, стояла поэзия.

По нынешним меркам поэму эту можно назвать репортажем с места событий. Говорится в ней о событиях последних предреволюционных дней, а завершается она словами автора о том, что он сам не знает, чем окончится его произведение,— он уходит в бой против засевшего в Зимнем последнего буржуазного правительства России:

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну — что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.

Таково историческое и одновременно поэтическое свидетельство о последних часах старого мира. А наутро следующего дня А. Вермишев напишет:

ПЕРВОЕ УТРО СВОБОДНОЙ РОССИИ

Скоро забытое солнце взойдет.
Верьте, товарищи, братья родные,
Счастье оно принесет.

А еще буквально через день из-под пера молодого Рюрика Ивнева выплеснутся строки:

Довольно! Довольно! Довольно!
Кликушам нет места в бою.
Весь твой я, клокочущий Смольный,
Всю жизнь я тебе отдаю!

Так буквально по дням поэты начинают создавать послеоктябрьскую летопись страны.

Было бы неверным полагать, что истоки новой поэзии, ее идеи и темы рождались на совершенно пустом месте. Их можно проследить и в лучших произведениях предреволюционного периода, в первую очередь в творчестве тех поэтов, чей талант в полной мере раскрылся после Октября (В. Маяковский, Д. Бедный и другие мастера, в том числе авторы, объединяемые под общим названием — пролетарские поэты). А если подходить к этой проблеме более внимательно, то корни «наследственности» Октябриаиы можно убедительно вывести из всего духа блистательной русской поэзии XIX века, начиная с Державина и Пушкина.

Не вдаваясь здесь в литературоведческие споры, думается, не стоит занимать читателя разбором позиций и «платформ», на которых стояли те или иные поэтические группы, группки, объединения, «братства» и тому подобное, хотя именно те годы отмечены бурным половодьем всевозможных литературных течений и направлений. Главное представляется в другом: насколько творчество того или иного поэта или группы поэтов отвечало мыслям и умонастроениям сложной послереволюционной поры.

Конечно, «первые скрипки» в музыке революционной поэзии по праву принадлежали мастерам, чьи имена стали гордостью советской литературы и достойно продолжают ряд имен великих русских классиков прошлого столетия: Владимир Маяковский, Александр Блок, Сергей Есенин. Рядом с ними — Валерий Брюсов, Борис Пастернак, Николай Асеев, Владимир Луговской, Михаил Светлов, Николай Тихонов, целый ряд их современников и несколько позднее вышедшие на широкую поэтическую дорогу Александр Твардовский, Михаил Исаковский, Николай Заболоцкий и другие.

Оговоримся сразу: эти имена не составляют так называемые «поэтические обоймы», всегда субъективно ограниченные и спорные. В данном случае нам, читателям 80-х годов, уже правомерно говорить о справедливом суде истории — именно эти поэты, их творчество, как показало наше требовательное и жесткое время, остались не только в памяти специалистов в области литературы, но продолжают жить в сердцах благодарных читателей и «работать» на социализм.

Нет сомнения, что большой, подробный разговор о советской поэзии — вещь интересная и поучительная. Но цель статьи несколько иная, да и место, отведенное для нее, невелико. Поэтому стоит, кажется, остановиться чуть подробнее на самых первых годах советской поэзии, лишь на некоторых ее направлениях. В связи с этим несколько мыслей об упомянутых выше пролетарских поэтах.

Не вызывает сомнения, что название, объединившее их имена,— не более чем литературоведческий термин. Появление пролетарских поэтов и, отметим, их довольно широкая популярность в первые послеоктябрьские годы (такой авторитет, как В. Брюсов, отводил им «завтра» — будущий день поэзии) отнюдь не случайно. Практически все они выступили в поэзии еще до Октября и встретили его в большинстве своем активным участием в утверждении его завоеваний на просторах России. Не будучи профессиональными поэтами, они тем не менее хорошо знали жизнь трудового народа, его мысли, надежды, его язык. И, оказавшись в водовороте октябрьских событий, они, подчас не обладавшие высоким уровнем образования, безоговорочно пошли в новую литературу, видя в этой работе свой пролетарский, партийный и гражданский долг пропагандистов нового строя. Как позднее вспоминал один из них — партработник и поэт Владимир Кириллов, «революция 1917 года явилась для наших поэтов величайшим праздником. Мы снова запели восторженно, исступленно, кто как умел, а «умели» мы плохо, но петь, кроме нас, было некому, а надо было петь во что бы то ни стало» [1].

Ясно, что в этих словах слышится присущий этим поэтам максимализм. «Петь, кроме нас, было некому» — в эпоху, когда рядом с ними творили Маяковский и Блок, Есенин и Брюсов, множество других великолепных мастеров, не «подпадавших» под название пролетарских. Сегодня, за далью прошедших лет, можно понять и простить эту категоричность.

Да, в их творчестве было много беспомощного, оно, если быть откровенным до конца, было во многом далеко от истинной поэзии. Но это сегодня, из далёкого далека, нам легче судить и срав-

---

[1] Кириллов В. Стихотворения.— М., 1958, с. 10—11.

нивать, сопоставлять произведения, которые создавались порою в одно и то же время в разных уголках страны; но в разрушенной, воюющей России стихи эти не становились и не могли, даже по чисто техническим причинам, быстро стать достоянием широкого читателя, который мог бы сравнить их тогда.

Голод масс на культуру, жажда духовного просвещения требовали расширения активной деятельности поэтов, если угодно — роста «количества» стихов. И, отражая непреложность этих требований, пролетарская поэзия шла к народу.

Вызывает уважение следующее обстоятельство. Поэты первых лет Октября жили суровой жизнью своего народа, но в поэзии показ этой суровости практически отсутствовал, особенно у пролетарских поэтов. Там царили пафос, радость, «величайший праздник». В ней преобладала монументальность бытия, лишенная всяческих бытовых черт и деталей. Появилось и утвердилось как отличительная черта пролетарской поэзии такое понятие, как «космизм»,— стремление поэтов-«космистов» (В. Кириллов, М. Герасимов, Н. Филипченко и др.) возвеличить могущество человека труда до гигантских, абстрактных, космических масштабов.

В. Кириллов писал в стихотворении «Железный Мессия»:

Вот он — спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме приводов, в блеске машин,
В сиянии солнц электрических.
. . . .
Где прозвенит его властный крик —
Недра земные вскрываются,
Горы пред ним расступаются вмиг,
Полюсы мира сближаются.

Ему вторил Михаил Герасимов:

Воздвигнем на каналах Марса
Дворец Свободы Мировой,
Там будет башня Карла Маркса
Сиять, как гейзер огневой.

Павел Арский:

Мы, как стихия, грозно встали
Из царства хаоса и тьмы...

Всюду — преобладание заглавных, как бы возвеличивающих смысл сказанного букв, всюду широкое «мы» — символ всеобщего подъема.

Следует признать, что подобный пафос преобразователей мира, нашедший свое крайнее выражение в «космизме», коснулся творчества и других поэтов. Его проблески без труда можно встретить и у Маяковского тех лет, и у Брюсова, и даже у Есенина:

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

Лексика пролетарской поэзии своеобразна. Она полна таких слов и выражений, как «мятежные раскаты», «буйный ветер», «очистительный шторм» (или — буря), «слепящий вихрь», «вольный труд», «праздник Свободы», «вулкан», «взвив», «сдвиг», и им подобных. В этом, несомненно, сказывалось жгучее желание людей суровой эпохи украсить и «приподнять» свою новую судьбу, сделать все, чтобы, перефразируя цитированные слова Г. Уэллса, вырвать Россию из мглы.

У нас у всех одна забота,
Одной мечтою мы горим:
Гнилые тундры и болота
Мы в сад цветущий превратим.

Так писал в 1918 году пролетарский поэт Филип Шкулев в стихотворении с примечательным для той поры названием «Гимн коммунаров».

Что ж, можно говорить о не слишком высоком художественном уровне этой поэзии. Но без нее картина молодой советской литературы была бы не полной и не объективной. И скажем прямо, среди произведений этого поэтического течения были и истинные жемчужины, которые и поныне составляют гордость нашей поэзии. Вспомните хотя бы строки Н. Полетаева:

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Или знакомые всем с детства слова из «Песни коммунаров» В. Князева:

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,—
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

И последнее. Пролетарские поэты в порыве преобразования действительности договаривались до требований уничтожить все созданные до Октября богатства мировой и национальной культуры. Опять-таки вряд ли правомерно судить их по нормам и взглядам сегодняшнего дня. Для нас призывы к отказу от Рафаэля и Тютчева, Пушкина и Баха звучат ныне кощунственно, как болезненный бред, ведущий, свершись это, к духовному одичанию. А ведь тогда это было если не нормой, то точкой зрения, убеждением многих революционеров. Но, переболев этим, пролетарская поэзия совершила и много добрых дел — сумела донести до своего читателя очень нужные мысли. Она учила, что трудовой народ — хозяин и творец всего на земле, что революция и ее завоевания — кровное дело всех трудящихся, что чистота и открытость, непримиримость и бескомпромиссность принципов революции в борьбе со злом — непременное требование обновления мира.

И главное — она учила мечтать. Мечтать и строить тот мир, которого достоин трудовой человек. Хочется обратить внимание

читателя на одно стихотворение А. Безыменского, которому по принятому в нашем литературоведении «раскладыванию по полкам» отведено место на «полке» комсомольских поэтов. Вчитайтесь, что написал в стихотворении «На штурм небес» (чем не заголовок из арсенала «космизма») автор уже популярной тогда песни «Молодая гвардия»:

Я для взлета в космос
Колесницы выкатил.
Колесницы быстры, прочны и легки.
Я доставлю людям с Солнца вечный двигатель,
Привезу на Землю Марсовы станки.

А ведь написаны эти строки в 1920 году. Разве мог тогдашний комсомолец знать, что не колесницами, а спутниками назовут через сорок лет аппараты, посланные людьми в космос. Не знал он, но чувствовал, что это свершится. А что? Может быть, «космизм» двадцатых годов расчищал, готовил «космодромы» для нынешней поэзии, столь много пишущей о полетах наших космонавтов? Тоже ведь можно нащупать «цепочку» поэтической темы, выходящей сегодня на передовые рубежи художественной литературы.

Не правы те, кто утверждает, что молодая советская поэзия сплошь представляла собою плакаты и декларации. Возьмите хотя бы стихи Д. Бедного, которого критики часто обвиняли в подобных «грехах». Можно по-разному относиться к его стихам, многие из которых он открыто озаглавливал «агитками», но не надо забывать и о времени, в котором он жил. Недаром его часто называют классиком короткой, но сложной и важной поры военного коммунизма. И нельзя отрицать, что он сумел ухватить, услышать в разноголосье улиц новой России грубовато-веселые, пересыпанные пока еще малознакомыми «культурными» словами разговоры солдат и крестьян, мастеровых и прачек. Д. Бедный услышал новый язык и в доверительной, беседующей форме обратился к народу на его языке. В умении объяснить, растолковать людям, по большей части тогда еще неграмотным, смысл законов и декретов новой власти — в этом, а не в декларативности сила и суть его агитационной поэзии.

Не случайно в 1923 году, поздравляя поэта с орденом Красного Знамени, его коллеги — журналисты «Правды» писали, что он «первый прорвал вековую духовную блокаду народных масс буржуазией, которая не давала к ним доступа художественному слову... Он первый собрал многомиллионного рабоче-крестьянского читателя и показал другим путь к нему» [1].

...«Разгромили атаманов, разогнали воевод и на Тихом океане свой закончили поход». Строки — аккорд победы в гражданской войне. Вихри атак сменились буднями восстановления и строек. И многое из того, что виделось голубыми городами изобилия, предстало в образах конкретных, земных трудностей, повседневная жизнь была слишком далека от пафоса песен. Пришел нэп, не сразу и не до конца понятый многими. Непреложные законы общественной перестройки требовали новых подходов к их претворению в жизнь. И тот же Д. Бедный в «Главной улице», на которую вышел «Новый Хозяин», звал именно к этому:

---

[1] Революция, герой, литература.— М., 1969, с. 181.

Красного фронта всемирная линия
Пусть прерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Борьба за утверждение революции потребовала отбросить ставшие уже привычными абстрактные понятия — «вольный труд», «штурм небес», «бескрайнее море свободы» и тому подобное. Голод и беспризорщина, разруха и малограмотность, борьба с контрреволюцией и укрепление обороноспособности страны звали к конкретной, часто черной, но всегда честной работе на конкретных трудовых местах. Становление нэпа рождало новую ситуацию на всей линии «красного фронта» страны. Ибо, как подчеркивал Ленин на примере французской революции, опасность победы шкурных интересов над единством народных масс более серьезна, чем военное столкновение с любой вражеской силой. Революционная поэзия тоже видела эту угрозу:

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

(А. Безыменский. О шапке.)

А провидение поэта позволило Маяковскому уже в 1922 году написать:

...там,
впереди,
может новый Октябрь случиться.

Январь 1924 года принес всенародное горе — под Москвой, в заснеженных Горках умер Владимир Ильич. И если ленинская тема жила в советской поэзии с первых дней Советской власти [1], то

[1] В этой связи, думается, интересным для читателя будет такой факт из истории мировой литературы. Выдающийся поэт Индии С. Бхарати (1882—1921 гг.) уже на седьмой день после Октябрьского восстания написал стихи, в которых в традиционной для него аллегорической форме воспел—первым в мировой поэзии — русскую Революцию и В. И. Ленина (14 ноября 1917 года — по новому стилю):

Этот край так необычен,
необычен в ием народ.
Сбросил он совсем недавно
зла невиданного гнет.
А глава того народа
честный, мудрый, словно бог,
Уничтожить мир жестокий,
мир людских болезней смог.
Управляет государством
семь всего лишь славных дней,
Но страна уже иная,
нет страданий больше в ией.

(Перевел с тамильского Анатолий Парпара.)

И это написано в дни, когда информация из революционного Петрограда почти не попадала за границу. Такова была призывная сила идей народного восстания в русском Октябре, потрясшая весь мир.

после января она обогатилась новыми красками и гранями. Можно прямо сказать, что тема Октября, тема Революции и тема Ленина неразрывны и взаимопроникновенны. Октябрь — Ленин — народ — таков монолит, на котором строилась поэзия Революции.

Этой высокой теме отдали свою музу, свое сердце все мастера поэтического цеха России:

Владимир Маяковский (1924 год):

Улица
будто рана сквозная,
так болит
и стонет так.
Здесь
каждый камень
Ленина знает
по топоту
первых
октябрьских атак.

Сергей Есенин (1924 год):

...— Скажи,
Кто такое Ленин?
Я тихо ответил:
«Он — вы»...

Валерий Брюсов (1924 год):

Мир прежний сякнет, слаб и тленен:
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: *Ленин*
На рубеже, как великан.

Три поэта, строки одного лишь 1924 года. Они взяты из огромного количества стихов. Это цитирование безгранично, как безгранична любовь народа к гению революции, вождю, учителю, «человечнейшему из людей».

Столь, быть может, большое внимание, которое здесь уделено некоторым моментам, выхваченным из жизни советской поэзии послеоктябрьских лет, представляется правомерным. Оно вызвано желанием еще раз всмотреться в один из наиболее сложных периодов ее становления, утверждения новой, новаторской — по содержанию и формам — поэзии. Именно в том времени можно увидеть ростки, давшие такой богатый и благодатный урожай поэтических талантов, которыми по праву гордится сегодня и будет гордиться всегда великая советская культура.

Здесь нет и не может быть упрека поэтам последующих поколений. Просто первые были первыми, а быть пионером или разведчиком всегда труднее.

В годы гражданской войны и начальных побед социализма, несмотря на все трудности, окрепла и дала удивительный цвет — завязь множества талантов русской литературы первых советских десятилетий. Это были, по крылатому выражению Маяковского, поэты хорошие и разные. Были среди них романтики и философы, в их стихах лирика сопутствовала эпосу, а чеканность классиче-

ских размеров браталась с фольклором улиц и частушками. Впрочем, трудно «прилепить» к таланту истинному одномерный ярлык типа «он был романтиком», «ярко выраженный философ» и так далее. Да и правомерно ли это? Не обедняет ли подобная «расфасовка» сокровищницу нашей поэзии, у которой единственный хозяин — внимательный друг-читатель? Не отсюда ли, между прочим, и отмечаемое в последние годы падение интереса к поэзии — из «фасовочных цехов» школьного обучения молодых поколений?

Читатель любит поэзию «целиком». Намеренно не привожу здесь фамилии любимых поэтов, поскольку о каждом из них с полным правом можно сказать, что он и философ, и романтик, и агитатор. А если это не так, то поэт ли он? Попробуйте, уважаемый читатель, вот так подойти к стихам любого из ваших любимых авторов.

20-е, 30-е и последующие годы — период складывания в советской поэзии образа нового человека. И уже потому только она вся заслуживает высокого звания — революционной. Новый человек, патриотизм и интернационализм, братство народов, самоотверженный труд на самих себя, защита мира и свободы, слитность судеб Родины и твоей, личной,— вот лишь некоторые из магистральных путей рвущейся вперед поэзии революции и социализма.

Делил луга, взимал налог,
И землю нарезал,
И свято линию берег,
Что Ленин указал.

Разве судьба персонажа из поэмы Твардовского не есть символ пришедшего в этот мир нового человека? О нем и о земле, которую «завоевал и вынянчил»,— главная песнь советской поэзии, ведущая мелодия в музыке Октябрьской революции.

* * *

Всей планете делая погоду,
мы в плоть одели слово «Человек!»

Николай Майоров. *Мы*

В предисловии к старому, давно уже ставшему библиографической редкостью сборнику «К мировому Октябрю» видный деятель российского и международного коммунистического движения Феликс Кон написал: «Весь мир голодных и рабов», охваченный огнем революции, двинулся в бой, и пламя Октября своими лучами осветило мир».

Разум человечества, объективные, необратимые законы развития земной цивилизации ждали революцию. Нет, не обязательно в России, скорее, где-нибудь в развитой по тем временам Европе. Но гений Ленина оказался наиболее дальнозорким — брешь в крепостных бастионах старого мира была пробита в самом благодатном для социалистической революции месте. Огромная Российская империя стала первой на планете страной, где трудовые массы взяли власть в свои руки. И лучшая часть землян восторженно приветствовала это эпохальное событие, увидев в нем прообраз буду-

щего мира. Известны и часто цитируются проникновенные слова мудрого француза Ромена Роллана, который еще в самый канун Октября писал, обращаясь к русским революционерам: «Идите вперед! Мы последуем за вами... Помните, русские братья, что вы сражаетесь и за себя и за нас»[1].

С первых дней Октября советская поэзия провозгласила идею интернационального братства одной из своих высших задач. Не было ни одного поэта, который бы не соединил в своих стихах приветствие свободе Родины с надеждой и уверенностью в скором приходе революции мировой. Так, например, уже осенью 1917 года Сергей Городецкий напишет, обращаясь к матери-России:

О вечном мире всей вселенной,
О воле братства и любви
Запела ты самозабвенно
Народам, гибнущим в крови.

А Александр Блок в «Двенадцати» выразил ту же мысль в словах солдата, суть которых поэт, несомненно, уловил в общей музыке революционных улиц Петрограда:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем!..

И это стремление было всеобщим для тех дней. Уже потом ход событий показал, что искренняя вера во всемирную революцию — всюду, сразу и одновременно — не могла быть подкреплена реальностями общественного развития. Но в этом, в своей сути добром желании миллионов российских граждан, которые, как впоследствии скажет один из шолоховских героев, все «были заострены на мировую революцию», не было и тени агрессивных намерений, в чем пытались и поныне пытаются убедить мир адвокаты антисоветизма. Эта гуманная вера шла от нетерпения раз и навсегда разделаться с вековечной несправедливостью, победить обман и грабеж, и поделиться плодами этой победы со всем человечеством.

Российская «заостренность на мировую революцию» звала к миру и сотрудничеству, своим примером она как бы посылала привет «племенам, что века враждовали» (В. Брюсов): «и шар земной сплотить нам суждено». У Блока в «Скифах» (1918 год!) мы слышим слова, которые с полным основанием могут быть начертаны на плакатах, развернутых над колоннами борцов за мир в наши дни — дни середины 80-х годов:

Придите к нам! От ужасов войны,
  Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
  Товарищи! Мы станем — братья!

Товарищи! «Пока не поздно!» — сегодня этот отсчет сжимающегося времени особенно важен и безотлагателен.

В противовес антисоветским мифам о дикости восставших русских поэзия Октября выступила за действительно равноправ-

[1] Роллан Р. Собр. соч., т. 13.— М., 1958, с. 78.

ные отношения между всеми без исключения народами, за братство всех народов России и всех жителей Земли. Эта прямая и четкая тема интернационального равноправия свободно прослеживается от «космических» стихов пролетарских поэтов через поэзию 20-х годов, яркий пример — светловская «Гренада», через 30-е годы, возьмите хотя бы «Мою Африку» Бориса Корнилова, и далее — во всей нашей поэзии, вплоть до сегодняшнего дня.

И понятно, что эта линия не могла не встретить отклик и взаимопонимание в творчестве революционных поэтов всего мира. У нас немало хороших литературоведческих работ, в которых глубоко исследованы пути и формы мощного взаимопритяжения поэзий разных народов, влияние новаторских открытий советских поэтов на произведения их зарубежных коллег. Здесь же позволим себе привести несколько примеров, подтверждающих истину: одинаковое восприятие действительности, одинаковые идейные устремления приводят поэтов, независимо от места проживания, к удивительным совпадениям не только в тематике, но в сюжетах, затрагиваемых ими.

Особенно хорошо просматривается это в стихах европейских поэтов. Вот, например, строки из раннего Иоганнеса Бехера. И рядом — стихи нашего поэта-«космиста» Владимира Кириллова.

И. Бехер «Первобытный человек»:

Мы мечем горы. Наши пульсы гулки.
Рука — наш меч. И панцирь — тел латунь.
Хватай смелей лугов златые сколки,
На шатком мчись вперед плоту.

(Перевод В. Нейштадта.)

В. Кириллов «Мы»:

Мы несметные, грозные легионы Труда.
Мы победим пространства морей, океана и суши,
Светом искусственных солнц мы зажгли города,
Пожаром восстаний горят наши гордые души.

И там и тут гигантские масштабы, та же раскованность восстающего духа, та же уверенность в правоте своего дела. Совпадения пусть и несколько абстрактные в этом примере не случайны — революция вершилась в Советской республике, ею был наэлектризован воздух Германии начала 20-х годов.

Но вот пример из индийской поэзии. Шубхашчондро Мукхопадхай — активный участник национально-освободительной борьбы своего народа против британского колониализма, поэт-коммунист, пишущий на бенгальском языке, так определил трудный путь своей родины, давая ее людям верный компас на этом пути:

Левее, левее, левее, брат!
Слева — заря, справа — закат,
Слева — единство, справа — разлад,
Слева — расцвет, справа — распад.
Левее, левее, брат!

(Перевод С. Северцева.)

Безусловно, за строками индийского поэта читатель отчетливо слышит чеканность «Левого марша» Маяковского, чье влияние на творчество поэтов мира очень велико.

Совпадение тем его поэзии и поэзии индийского коммуниста несомненно: ведь оба поэта, пусть в разное время и на большом расстоянии друг от друга, выполняли одну и ту же задачу — указывали своему народу путь в революцию, к освобождению.

И еще один пример — из современной поэзии сопротивления борющейся Южной Африки. С ним автор этих строк столкнулся при работе над переводом стихотворения поэта АНК Кумало «Бизнесмену из Лондона».

Модный франт,
спекулянт,
бизнесмен,
паук,
веселись в шикарной вилле,
в Сохо иль на Пикадилли,
но взгляни вокруг...
В золоте и бриллиантах...
среди слуг-официантов
оглянись!
Среди рябчиков и джина
в ресторанах и гостиных
БЕРЕГИСЬ!
Мы конец положим, клоп,
твоему обжорству...
ХЛОП!!!

Встретившись через некоторое время с поэтом, я рассказал ему о поразившем меня совпадении его стихов с двумя, ставшими классическими строками Маяковского: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй». Поэт удивленно посмотрел на меня и спросил: «А разве эпиграф вам ничего не говорит?»

Оказалось, что в рукописи стихотворения Кумало предпослал ему именно эти слова Маяковского, но в издательстве, выпускавшем книгу, по которой делался перевод, эпиграф был снят.

В приведенных выше строках немецкого, индийского и южноафриканского поэтов тематические (и даже строфические) совпадения в общем-то понятны: все они — коммунисты и, нет сомнения, так или иначе были знакомы с советской поэзией. Но есть примеры подобных совпадений, когда о таком знакомстве говорить очень трудно. Вот пример — тоже из современной сражающейся поэзии Африки.

У зимбабвийского поэта Альфреда Маигены есть примечательное стихотворение «Комиссары прокладывают путь»:

Эй, смелые комиссары,
Прокладывайте дорогу!
Вы — авангард революции,
Вы — голос ее идей,

Искра надежды, сознательности,
Действие и решительность,—
Вы впереди, комиссары,
В жизни — всегда и везде.

Невольно вспоминаются строки из раннего А. Прокофьева — «Комиссары»:

Комиссары в латаных шинелях,
Подпоясанных брезентовым ремнем,
Комиссары, шедшие в метели,
Тыщи раз крещенные огнем!

Тьмы врагов, как тучи, нависали.
«Смерть им!» —
Революции приказ,
Комиссары, комиссары, комиссары,
Славлю вас,
Пою о вас!

Революционная борьба народа против расистского режима в бывшей Южной Родезии, активным участником которой был поэт — командир партизанского соединения (в одном из боев он пал смертью храбрых), вызвала к жизни необходимую реальность — работу комиссара, агитатора, пропагандиста идей и идеалов этой борьбы. А потому комиссар-африканец 70-х годов — родной брат и товарищ по оружию русских комиссаров далекой гражданской войны. И в этом — продолжение мировой революции.

Народы молодых государств планеты, а сегодня они составляют бо́льшую часть сообщества землян, смотрят на страну Октября, учатся у нее. Придет время, и мы, нет сомнения, услышим, прочтаем, увидим новых героев, наших современников — с иными чертами лиц и цветом глаз, курчавых и чернокожих, иных, но чем-то очень напоминающих нам Чапаева и Корчагина, Давыдова и Чумалова или кого-либо еще из героев уже ставшей классикой литературы первых советских десятилетий.

Поэзия Октября была и навсегда останется верным другом всемирного единения равноправных народов. Она видела и видит свой долг в том, чтобы «светить всегда, светить везде», где Человек борется за свое право быть свободным. Этот высокий долг, о котором писал еще В. Маяковский, священен для нашей поэзии и сегодня:

Долг наш —
реветь
медногорлой сиреной
в тумане мещанья,
у бурь в кипеньи.
Поэт
всегда
должник вселенной,
платящий
на го́ре
проценты
и пени...

* * *

«Моим детям вместо завещания. 1920 год. Москва»

Надпись на первой странице экземпляра первой Конституции РСФСР, сделанная А. Д. Цюрупой— наркомом продовольствия в первом Советском правительстве, возглавлявшемся В. И. Лениным.

«Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет в том, что именно мы «доделали» и чего не доделали: тогда голова останется свежею, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния» [1]. В этих словах Ильича сжато изложена реалистическая программа дальнейшего успешного развития Страны Советов. Революция — всегда ускорение, она — его символ, и наш долг — долг продолжателей Октября — сделать все, чтобы слова «позвавшая нас Революция никогда не стихнет в веках» (С. Кирсанов) стали девизом, который мы с честью вручим идущим вослед поколениям.

«Мы — страницы истории»,— писал Кирсанов. Да, мы — частица истории Родины, мост, связующий воедино завоевания прошлых эпох и дальнейший расцвет в грядущем. И потому каждому гражданину и патриоту далеко не безразлично, как и куда движется революция сегодня. В поэме Маяковского «Хорошо» павшие за революцию обращаются к празднующим 10-летие Октября:

— «Скажите —
вы здесь?
Скажите —
не сдали?
Идут ли вперед?
Не стоят ли? —
Скажите.
Достроит
коммуну
из света и стали
республики
вашей
сегодняшний житель?»

Сегодняшний житель, а, может быть, вопрос этот — проницательный взгляд в наше время — обращен и лично к тебе?

Вся поэзия Октября — для тебя, сегодняшний, в большинстве своем — молодой читатель. Ищи в ней не только свидетельства мужества и отваги отцов и дедов (а ныне — уже и прадедов!), но и одновременно смело бери из сокровищницы выстраданного и обретенного революцией опыта все то лучшее, чем была сильна и справедлива эпоха Октября. В этом — глубокая потребность нашего сегодняшнего дня, которому, как путнику, идущему в го-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 417.

ру, постоянно нужен глубокий, живительный вдох чистого воздуха Октября.

В автобиографической книге «Человек и время» Мариэтта Шагинян делится со своим читателем: «Воздух тех лет! Кто дышал им — а их так мало осталось, все меньше и меньше, годы уносят их, а с ними уходит и память, которую нельзя наследовать, нельзя передать в наследство непередаваемую общественную атмосферу для дыхания. Мы научились сохранять энергию Солнца, сохранять энергию падающей воды, но энергию той простоты, чистоты воздуха, которым дышали старые большевики,— как, в каких сложных аппаратах сохранить ее для потомков?»

Хочется верить, что таковые «аппараты» есть, они будут «действовать», если мы сумеем сохранить и приумножить нашими делами сегодня эту живительную атмосферу, дающую заряд энергии для дальнейшего полета вперед и выше.

Октябрь обозначил новые формы жизни всего общества, которое вот уже 70 лет идет первым по непроторенным путям, ставя и решая грандиозные задачи, празднуя свои достижения и беспощадно анализируя ошибки, неизбежные в великом марше. Усовершенствуясь и перестраиваясь на ходу, ускоряя его, оно являет собой пример для друзей и единомышленников, вызывает страх и ненависть у тех, кто не желает понять и принять непреложные законы общественного развития.

Каждодневно обращаясь к богатству ленинской мысли, вспомним, что в революции Владимир Ильич в первую очередь подчеркивал ее созидательные начала — присущие ей потенциалы возрождения и обновления. Он писал, что только в сознательной, творческой работе масс «бьет ключом обновляющаяся, освященная революцией жизнь»[1]. Именно такой подход все более широко предъявляет к нам наше время — время перестройки, время ускоренного продвижения родины Октября в будущее.

Вчитываясь, вслушиваясь в голоса и мысли наших современников, видишь: дух Октября жив. Среди множества публикаций, типичных для наших дней, встретишь и такое письмо простого гражданина нашей страны — оно взято из будничного, «рабочего» номера «Правды». В нем как бы сконденсирована жизненная установка человека нашей эпохи:

«Мне повезло. В селе, где я родился и рос, большинство мужчин были участниками революции. Отец мой помогал красным партизанам, за что был жестоко избит шомполами белоказаков атамана Дутова. Мой дядя Сергей, член большевистской партии, участвовал в разгроме Колчака на Урале. Вот то «зерно», которое пало в мою душу...»

Здесь ответ на высший вопрос о смысле жизни человека — «мне повезло». Эта жизненная исповедь — тоже страничка из непрерывной летописи Октября, ее с полным основанием можно назвать современным «стихотворением в прозе» — в нем та же музыка нашей революции.

Сегодняшние дела сопрягаются с делами Октября, выстраиваются в колонны, идущие по освещенным его лучами дорогам. Вместе со своим народом идет и его поэзия.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 283.

Я участвую в напряженье
Всей эпохи моей, когда
Разворачивается движенье
Справедливости и труда.

Так говорит Михаил Светлов в стихотворении «Жизнь поэта». Он же, признаваясь в любви к Родине, как старший товарищ звал молодежь учиться у Ленина: «Если Ленин — чистейший человек на свете — перестанет быть твоим зеркалом, от твоего зеркала останутся только осколки». И со свойственным ему жизнелюбием афористично добавлял: «Относись к борьбе, к идеям, к самопожертвованию, к любви, к женщине так, чтобы самые изысканные английские джентльмены почувствовали себя рядом с тобой самыми обыкновенными дворняжками».

Мальчишки 80-х, чем вы ответите молодому духом Михаилу Аркадьевичу?

Главный ответ, который Октябрьская революция дала на вопрос истории о том, является ли она случайностью, «зигзагом» в процессе развития цивилизации или же ее свершение — есть объективное следствие прогресса цивилизации, сводится в общем-то к следующему: если люди хотя бы однажды почувствовали и поняли в конкретной действительности, что они могут быть равноправными товарищами по устройству, организации и управлению своей жизнью, то уже ничто нигде и никогда не может лишить их осознания этой реальности. Помните у Симонова в «Сыне артиллериста»:

Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.

А ведь майор вместе со своим другом «дружили еще с гражданской, еще с двадцатых годов, вместе рубали белых шашками на скаку». Вот тогда-то, в вихре конармейских атак, и родилось это чувство уверенности в правоте и справедливости дела, за которое позвала сражаться Революция.

Но строить новую, социалистическую действительность, учит Ленин, не означает, прогнав бывших богачей — промышленников, купцов, сановников, захватить их богатства и власть. Напротив, и в этом принцип нового социального мышления: не стяжательство и потворство собственническим инстинктам, но абсолютное раскрытие всех глубин духа и знаний, отдача всего богатства планеты самому рачительному и внимательному ее хозяину — трудящемуся человеку, который сохранит и приумножит эти богатства.

Отсюда и заповедь Октября: наряду со всемерным улучшением жизни трудового человека должно быть воспитано и усвоено всеми всеобщее отвращение к нетрудовому образу жизни, ко всякому еще не вытравленному до конца барству, ибо оно — безнравственно: в нем, в его генах хранится возможность возврата в мир неравноправия и вражды. И потому уважение к истинно человеческому достоинству несовместимо для нового человека с нетрудовыми привилегиями.

Уроки революции учат нас, что одним из главных фронтов социальных преобразований является неустанная, повсеместная и касающаяся всех борьба с бюрократией и чванством, разболтанностью и эгоизмом, равнодушием и рвачеством. Так ставила основной вопрос революция, так ставим его мы сегодня. И торжественной присягой-рефреном этому всенародному настрою звучат слова из поэмы А. Твардовского «Страна Муравия»:

И шел бы я, и делал я
Великие дела.
И эта проповедь моя
Людей бы в бой вела.
И если будет суждено
На баррикадах пасть,
В какой земле — мне все равно,—
За нашу б только власть.

И где б я, мертвый, ни лежал,
Товарищ Моргунок,
Родному сыну, завещал:
Иди вперед, сынок.
Иди, сынок. Расти большой.
Живи, сынок, учись.
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!

В замечательной книге «Колокола памяти», написанной Всеволодом Цюрупой, сыном первого советского наркома продовольствия, приводится такое воспоминание:

Анатолий Васильевич Луначарский, нарком просвещения, философ и литератор, знаток искусств и блестящий оратор, был послан на хлебозаготовки. Маленький Всеволод однажды, гуляя, встретил его. Луначарский «шел по Кремлю, только что вернувшись из поездки, в брюках, заправленных в сапоги, в помятой гимнастерке. Пенсне как-то криво сидело у него на носу. Видно было, что он очень устал.

— Здравствуй. Ну как, музыку слушаешь? (В квартире Цюрупы нередко звучал рояль.) Всеволод ответил, что сейчас играет только сестра Валя.

— Вот и я сейчас слушаю совсем другую музыку,— и он ушел».

Вслушивайтесь в музыку Революции и Вы, читатель, вслушивайтесь, как завещал Блок,— «всем телом, всем сердцем, всем сознанием».

И пусть этот скромный сборник станет для Вас помощником на этом пути.

Феликс Бурташов

Русская поэзия первых десятилетий Советской власти о Великом Октябре

Василий Александровский

(1897—1934)

* * *

Взрывайте,
Дробите
Мир старый!
В разгаре Вселенской Борьбы
И в зареве рдяных пожаров
Не знайте
Пощады —
Душите
Костлявое тело судьбы!

Рабы!
Зубами
Рвите порфиры,
Топчите короны владык!
Закованы руки, есть — лбы!
Лбами
Разбейте кумиры,
Чтоб в пламенном мире
Горланил набатный язык.

Довольно
Бесцветных иллюзий!
Голод
Проклятый
В землю вонзает свой клык.
Пусть добровольно
Навеки сольются в союзе
Молот,
Лопата
И штык.

1918

ИЗ ЦИКЛА «БОРЬБА»

С рук не смывая сажу,
Винтовку крепче стисни,
Протяжно пусть в сторону вражью
Зловещая пуля свистнет!
Слушай! Слушай! Слушай!
На посту своем будь до конца,
Посылая кусочки свинца
В их серые, жирные туши!
И помни всегда одно:
Поражения быть не должно!
Вспомни: кто ты?..
Ты — начало всему, что есть!..
Без тебя будут дни пусты,
Не будет нигде красоты.
Месть!
Красная месть! —
Вот твой закон
И ночью и днем...
Прошлого черный сон
Выжги безжалостно огнем!..
Слушай! Слушай! Слушай!
Твое достиженье — *победа,*
Хозяином мира быть!
В час битвы ты всем поведай:
Никто никогда не затушит
Священное пламя борьбы!

1919

ВОЖАТОМУ

В. И. Ленину

О, верти же, верти колесо
Неслабеющими руками,
Перевесим чашу весов
Мы пронзенными пулями сердцами.

Передвинь в «быстроту» рычаг,
Оглуши этот сумрак сиреной,—
Старый мир завяз в ночах:
Он не выкарабкается из плена.

Пусть, разрезанный грудью стальной,
Обессиленный ветер застонет,—
Перевернувшему шар земной
Не страшны ночные погони!

Миллионом золотых поясов
Опояшет Вселенную пламя...
О, верти же, верти колесо
Неслабеющими руками.

1920

МЫ

На смуглые ладони площадей
Мы каждый день расплескиваем души;
Мы каждый день выходим солнце слушать
На смуглые ладони площадей...

Что горячее: солнце или кровь?
Оно и мы стоим на вечной страже,
Но срок придет, и мы друг другу скажем,
Что горячее — солнце или кровь...

Мы пьем вино из доменных печей,
У горнов страсти наши закаляем,
Мы, умирая, снова воскресаем,
Чтоб пить вино из доменных печей...

У наших девушек бездонные глаза,
В голубизну их сотни солнц вместятся,
Они ни тьмы, ни блеска не боятся,—
У наших девушек бездонные глаза...

На смуглые ладони площадей
Мы каждый день расплескиваем души;
Мы каждый день выходим солнце слушать
На смуглые ладони площадей...

1921

* * *

Верю я — мы грядущее вынянчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

Не беда, что на сердце ссадины,
Что расшиблено много лбов,—
Скоро к черту слетят перекладины
Под напором с последних столбов.

Да, еще очень много старого,
Еще голод трясет за плечо,
Но не наше ли вспыхнуло зарево
Над Европой кровавым мечом!

Что ж бояться, что зубы оскалены
Побежденною ночью на нас? —
Перед нами сияют проталины,
Перед нами смеется Весна.

Напрягайте же разум и мускулы,
Закаляйтесь огнем трудовым,
Чтоб могло Воскресение русское
Воскресением стать мировым.

Мы возьмемся за труд не со стонами,—
В каждом есть сокровенное масс;
Будут звезды веселыми звонами
Перед утром приветствовать нас.

И когда перед нами открытая
Заалеет дорога к Весне,
Будет каждым достаточно выпито
Солнцепесенной радости дней...

Верю я — мы грядущее вынянчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

1921

ДЕРЕВНЯ

Отрывок из поэмы

Все те же ветлы сучья клонят,
Но зимний день уже не тот,
Собачий лай в метельном звоне
Тоскою душу не зальет...

И пусть в глазах сухих и строгих
Еще не выветрилась муть,—
Распятый на глухих дорогах,
Ты солнечный увидел путь.

И пусть в избе заиндевелой
Услышишь ропот старика,
Ты не раскаешься, что сделал
Народный дом из кабака.

Пусть хлеб замешан на соломе,
Пусть лапоть вместо сапога,
Но никогда уже не сломит
Твою настойчивость пурга...

И никогда в метельном звоне,
Среди овьюженных коряг,
Твои ладони не уронят
Завоеваний Октября.

1921

Я

Я выпил сотни солнц. И все мне мало.
Всё мало мне. Но сердце не грустит.
Я никогда не рассыпаю жалоб
По пыльному и долгому пути.

Сегодня — даль, а завтра — плен и скорби,
Сегодня — тьма, а завтра — блеск и зной,
Но никогда своей спины не сгорбил
Я от усталости и тяжести земной.

Снега, и пыль, и терпкий запах гари...
Звенят шаги. Я дерзок и упрям.
Я всеобъемлющий, чье имя — Пролетарий,
Идущий к новым солнцам и мирам.

1922

КРАСНОАРМЕЙЦАМ

Вам, непобедимым,—
от искреннего сердца.

Семнадцатый, двадцатый, двадцать первый.
За годом год. А кровь поет, звенит...
Кто говорил — истрепанные нервы
Не выдержат в ответственные дни?!

В туманное окутанные люди,
Такие незаметные в быту,
Сказали миру властное: «Да будет!» —
И пригвоздили старое к кресту.

Колчак, Деникин, Врангель... Не сочтешь их...
И пусть... Им РСФСР не задушить...
В глазах, таких глубоких и хороших,
Во что бы то ни стало победить!..

Да, техника, французы, англичане...
У нас — старинная винтовка и наган,
Но посмотрите: чем горят в тумане
Глаза, пылающие на врага...

Еще одно: пусть знает эта свора —
Мы не сдадим позиций Октября;
Кто был в огне, тот чувствует, что скоро
Всемирная расплещется заря...

Семнадцатый, двадцатый, двадцать первый.
За годом год. А кровь поет, звенит...
Кто говорил — истрепанные нервы
Не выдержат в ответственные дни?!

1922

* * *

Ну да, люди все такие,
И я быть таким не стыжусь,—
Тот Нью-Йорк любит, этот — Киев,
Кто в Америку верит, кто — в Русь.

Каждый где-нибудь, чем-нибудь занят,
Солнце пьют и китаец и сарт,
Но ведь лучше быть нищим в Казани,
Чем в Париже иметь миллиард.

Эти степи, что дышат песками,
Эти рощи, что сеют грусть...
Кто же, кто же поднимет камень
На мою беззакатную Русь?..

Был Октябрь. Было шумно и дымно.
Была осень, а пахло весной...
Никогда не смог бы я выменять
Синеглазый мой край — на иной.

1924

Джек Алтаузен

(1907—1942)

БАЛЛАДА О ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЯХ

Иосифу Уткину

Домой привез меня баркас.
Дудел пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас,—
Один вхожу я на порог.

Сестра в изодранном платке
И мать, ослепшая от слез,
В моем походном котелке
Я ничего вам не привез.

Скажи мне, мать, который час,
Который день, который год?
Четыре брата было нас,—
Кто уцелел от непогод?

Один любил мерцанье звезд,
Чудак, до самой седины.
Всю жизнь считал он, сколько верст
От Павлограда до луны.

А сосчитать и не сумел,
Не слышал, цифры бороздя,
Как мир за окнами шумел
И освежался от дождя.

Мы не жалели наших лбов.
Он мудрецом хотел прослыть,
Хотел в Калугу и Тамбов
Через Австралию проплыть.

На жеребцах со всех сторон
Неслись мы под гору, пыля;
Под головешками ворон
В садах ломились тополя.

Встань, Запорожье, сдуй золу!
Мы спали на цветах твоих.
Была привязана к седлу
Буханка хлеба на троих.

А он следил за пылью звезд,
Не слышал шторма и волны,
Всю жизнь считая, сколько верст
От Павлограда до луны.

Сквозной дымился небосклон.
Он версты множил на листе,—
И, как ни множил, умер он
Всего на тысячной версте.

Второй мне брат был в детстве мил.
Не плачь, сестра, утешься, мать!
Когда-то я его учил
Из сабли искры высекать...

Он был пастух, он пас коров,
Потом пастуший рог разбил,
Стал юнкером.
Из юнкеров
Я Лермонтова лишь любил.

За Чертороем и Десной
Я трижды падал с крутизны,
Чтоб брат качался под сосной
С лицом старинной желтизны.

Нас годы сделали грубей.
Он захрипел, я сел в седло,
И ожерелье голубей
Над ним в лазури протекло.

А третий брат был рыбаком.
Любил он мирные слова,
Но загорелым кулаком
Мог зубы вышибить у льва.

В садах гнездились лишаи,
Деревни гибли от огня.
Не счистив рыбьей чешуи,
Вскочил он ночью на коня.

Вскочил и прыгнул через Дон.
Кто носит шрамы и рубцы,
Того под стаями ворон
Выносят смело жеребцы.

Но под Варшавою, в дыму,
У шашки выгнулись края.
И в ноздри хлынула ему
Дурная теплая струя.

Домой привез меня баркас.
Гремел пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас,—
Один вхожу я на порог.

Вхожу в обмотках и в пыли
И мну буденовку в руке.
И загорелые легли
Четыре шрама на щеке.

Взлетают птицы с проводов,
Пять лет не слазил я с седла,
Чтобы республика садов
Еще пышнее расцвела.

За Ладогою, за Двиной
Я был без хлеба, без воды,
Чтобы в республике родной
Набухли свежестью плоды.

И если кликнут — я опять
С наганом встану у костра.
И обняла слепая мать,
И руку подала сестра.

1928

ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

(Отрывок из лирической поэмы)

Я ничего от песен
Не припрятал:
Ни дружбу,
Ни сомненья,
Ни любовь.

Друзья мои,
Ровесники,—
Ребята
С прицелом глаз,
С крутым подъемом лбов.
Мы все одних кровей,
Одной породы,
Старье отдать
Готовы
На размол.
Вдохнул нам жизнь
В сердца,
В кровопроводы,
Нас двинул в жизнь,
В работу
Комсомол!

Он дал нам все,
Он кровь привел
В движенье,
Чтоб мы могли
Сквозь мрак
Любой коры
Почувствовать
Всю силу притяженья
Магнитной,
Зарядившей мир
Горы.

Вглядитесь в нас,
В глаза любой расцветки.
В добытчиков
Угля,
Руды,
Сырца.
Приставьте ухо
К первой пятилетке:
Там наши в ней
Пульсируют сердца.

Все те же мы,
В тайге
И в море вольном,—

Шахтеры,
Лесорубы,
Рыбаки.
За партию
Любых врагов, как волны,
С разбега
Вдрызг дробим мы
О быки.

Навеки с ней
Мы сплавлены и слиты.
При первом
При попутном ветерке —
Она пусть поднесет нас
К динамиту,
Как молнию,
Зажатую в руке.

Весь пыл,
Что накопился
От Марата,
Дошел до наших
Самых дальних
Сел.
Друзья мои,
Ровесники,
Ребята,
Многомильонный комсомол!
В пролетах нас,
В забоях
Можно встретить.
В четвертый год
Мы лавы завели.
Но пар,
Что отработали
Мы в третьем,
Уже прорвал
Отдушины земли.

За нами он
Взрывается,
Как выстрел,
Дредноуты
Срывает с якорей.

Растем мы —
Кандидаты в коммунисты,
В наркомы,
В инженеры,
В токарей.

И, поднимаясь
Выше
Вместе с нами,
Вздувая домны,
В сотни труб
Трубя,
Ты все бушуешь —
Ленинское знамя,
Из всех боев
Выносим мы
Тебя!
На выжженных
Плантациях
Китая,
Где ленинцев
Стегают,
Режут,
Жгут,—
Бушуешь ты,
Кровавый след кидая,
Из спин
Из наших
Вырезанный жгут.

Сквозь дым,
Сквозь шторм
Несется наш корабль,
Нас до зубов
Октябрь
Вооружил.
Земля,
Мы сквозь тебя
Продернем кабель —
Из самых жарких
Комсомольских жил!!!

Чтоб Косарев,
Прорвав
Чужую зону,

Минуя сотый шквал
И сотый мол,
По жилам нашим,
Как по телефону,
Приветствовал
Гавайский комсомол!

Мы выросли
В борьбе,
Не зная грани,
Кипят ковши
Расплавленных пород.
Двигатели
Ленинских сгораний
Будут долго
Двигать нас
Вперед!

Друзья мои,
Ребята!
Мы — не горстка.
Прислушайтесь:
Везде наш смех звенит.
Ядрами
Из труб Магнитогорска
Первый дым
Врывается
В зенит.

Бросается он вверх
Бросками барса,
Колотит
По небесным парникам.
Мы сквозь забои
Черного Кузбасса
Должны пробиться
К рурским горнякам!..
Озарены
Леса,
Луга
И шири...
Гроза и гром —
Двойной удар
Сильней...

Должны же люди
В жирном Иоркшире
Когда-нибудь восстать
Против свиней.

Камнями
Шкуры толстые
Обсыпать.
Не думал Гувер[1]
В тишине кают,
Что волны
Разъяренной
Миссисипи
Ему под сердце
Скоро подойдут.

Пускай прошит
Иглой
Подводных лодок
Весь тихоокеанский
Водоем —
По проводу прямому
Наших глоток
В мильоны вольт
Мы ток передаем!..
И этот ток
Найдет их
И достанет,
Всех хищных рыб
Лишит
Подводных льгот.
Земля!
Мы слышим
Первый гул восстаний
Со всех широт твоих,
Со всех долгот.

Друзья мои,
Ровесники,
Ребята!

---

[1] Герберт К. Гувер (1874—1964) — 31-й президент США (1928—1933). С годами его президентства совпал жесточайший («великий») экономический кризис всего капиталистического мира, наиболее тяжелые формы которого особенно резко проявились в Америке.

Пройдем весь мир,
Трамбуя свежий наст.
Откуда мы?
Какой родил нас кратер?
Какое горно
Закалило нас?

Дорогу
Не указывал нам
Компас,
Нас не крутил
Соленый ураган
В те дни,
Когда отцы
Простою помпой
Выкачивали океан.
А вот теперь,
Твой раскрутив
Пропеллер,
Страна моя,
Твой озаряя мыс,
На всех твоих
Горячих
Параллелях
Двадцатилетние
Вдруг вынырнули мы!

Мы первое
Такое поколенье,
В котором
Все готово
На борьбу.
Вот о таких
Мечтал
Ульянов-Ленин,
Нас видел Маркс
В подзорную трубу.

Мы первые
Расправленные ветви,
Мы из породы
Тугоплавких масс.

И долго будут
Солнце,
Звезды,
Ветер
Следить за нами,
Внюхиваться в нас...

1932

РОДИНА ТОЛЬКО ОДНА

Просторам земли нет предела,
И звезд над землею не счесть,
Есть люди крылатого дела,
И песни крылатые есть.

Есть юноши, девушки, дети,
Им общая радость дана.
Есть разные страны на свете,
А родина только одна.

Мы все океаны проплыли,
Прошли все извилины рек,
Но там, где росли и любили,
Останется сердце навек.

Там в каждой счастливой примете
Веселая юность слышна.
Есть разные страны на свете,
А родина только одна.

Тебя охраняем мы свято
Винтовкой, гранатой, штыком,
Земля, по которой когда-то
Мы в детстве прошли босиком.

И ты, словно сад на рассвете,
Душистым дыханьем полна.
Есть разные страны на свете,
А родина только одна!

1937

Павел Антокольский

(1896—1978)

ОКТЯБРЬСКИЕ СТИХИ

1

Здравствуй, милая! Откуда
Вновь ты смотришь на меня?
Ночь полна глухого гуда.
За окном — снопы огня.

То прожектор шарит в звездах,
Проверяет наш зенит:
Глубоко ли дышит воздух,
Высоко ль мотор звенит.

Сознаюсь: сегодня ночью
Я в историю влюблен,
В эти мчащиеся клочья
Песен, призраков, знамен,

В дождь, в ночной гудок тревожный,
В каждый смутный знак и след,
Помогающий, сколь нужно.
Молодеть на двадцать лет.

Здравствуй, милая! Пришла ты
Ветром в комнату мою.
Твой встревоженный, крылатый,
Легкий облик узнаю.

За тобой, моей сестрою,
Ранней спутницей моей —
Котлованы наших строек,
Берега чужих морей.

За тобою — рельсы, версты,
Встречи с веком молодым.
Корректуры первых версток
И махорки сладкий дым.

Ты несла в политпросветы
Боевых агиток гнев,
Ты встречала час рассвета,
На ветру оледенев.

Ты товарищей встречала
Меж снастей, баркасов, барж.
Ты у волжского причала
Прокричала «Левый марш».

Я терял тебя из виду,
Но в толпе мелькала ты.
Мне казалось, только выйду
Из житейской тесноты,

Оглянусь, сосредоточусь,
Все, что мелко, истребя,
И опять вернется почесть
Называть на «ты» тебя.

Здравствуй, милая! Дай руку.
Мы пройдем по городам,
Мимо башен, виадуков,
Маяков, ангаров, дамб.

Встретим мы друзей, конечно,
В Горьком, в Киеве, в Баку.
Только б список бесконечный
Втиснуть в ломкую строку.

Только бы сказать смиренней,
Проще, тверже и прямей:
— Здравствуй, первый день творенья,
Праздник юности моей!

2

...И школьники столпятся удивленно
И, не дыша, впиваясь в каждый звук,
Услышат о вселенной, удаленной
От нас на годы световых разлук;

О маленьком неукротимом шаре,
Летящем в черном бархате пустот;
О телескопах, что уперлись, шаря,
В ночную твердь, в бездонный бархат тот;

Об истине, добытой кровью лучших;
О книгах, что сжигались на кострах;
О столь известных неблагополучьях,
Как нищета, невежество и страх;

Об угнетенных черных странах мира,
Где что ни пядь — засада и редут...
И, как на снежное плато Памира,
На первую ступень они взойдут.

Но сколько ступеней преодолеть им!
Как долго, над обвалами клонясь,
Шагать по каменным мильонолетьям
От ледниковых пращуров до нас!

Они увидят сплюснутые хари
Тех пращуров, когда найдут следы
Бежавшей прочь орды в Гвадалахаре
И свастику на знамени орды.

И вся дымясь, и вся дыша ненастьем,
В кровоподтеках, в саже, в клочьях тьмы,
Внезапно распахнет ворота настежь
История пред нашими детьми.

Я вижу этот час в колхозной школе;
За окнами — зеленый хвойный край.
О молодость! Расти на вольной воле,
Исполнись правдой, радуйся, играй!

Пройдут года. Пройдет за датой дата.
Тебе большое счастье суждено,
Недаром было сказано когда-то,
Что молодость и родина — одно.

3

Нет! Это еще не о главном!
Раздвиньтесь же, стены! Пора!
Наполнитесь грохотом славным
На крышах Москвы, рупора!

Ты, песня, потоком стогорлым
Всю Красную площадь залей.
Пусть мальчик с серебряным горном
Подымется на Мавзолей!

Протрубит он славу полетам рекордным,
Рукам человечьим, усильям упорным,
Изогнутым крекингам, пламенным горнам,
Металлу, и нефти, и залежам горным,
И хлебу колхозных полей.

Протрубит он вечную славу
Всем павшим за дело любви
В зеленых степях Украины,
На Волге, Кубани, Дону,
На горных тропинках Кавказа,
В дремучей сибирской тайге,
В ненастьях Балтийского взморья,
У Каспия в солончаках.

И снова затрубит он зорю,
На Запад направив трубу,
Изменников насмерть позоря,
Скликая друзей на борьбу.
И зов электрическим током
Вонзится в сознанье и сны,
Ударит по тросам причалов и докам,
По дамбам и шахтам германской страны.

И трубный призыв, не слабея,
Помчится на Дальний Восток,
Туда, к партизанам Чапая,
В живой человечий поток.
И голос ответный прорвется сквозь пули,
Сквозь желто-лиловое пламя пальбы:
«Мы живы. Мы, рикши и кули,
Мы боремся. Мы не рабы».

И мальчик на Север затрубит
И к полюсу звук донесет.
Он толщу молчанья разрубит,
Морозную твердь потрясет.
Там четверо только и дышат
За вьюгой, за скрежетом льдин.

И родину ясно услышат
Все четверо, встав как один,
И крикнут в молчанье и вьюгу:
«Ты слушаешь? Здравствуй, Москва!»

А мальчик горячему Югу
Затрубит сигнал,— и едва
Расплещется эхо в скалистых извивах
Астурии,— прянув на полном скаку,
Оттуда протянутся молнии: «Viva!
Viva Rússia! Viva Moscu!»

И снова на Запад, и снова
На Север, на Юг, на Восток,
Порывами вихря сквозного
Подхваченный, ринется ток.

Он — синяя вспышка контакта.
Он — молнии острый зигзаг.
Он — века великая вахта.
Он — слезы у нас на глазах.

Ноябрь 1937

ОКТЯБРЬСКИЙ ВИХРЬ

Октябрьский вихорь спящих будит
На бурных митингах своих,
Не шутит он, а грозно судит
О всем, что было, есть и будет,—
Октябрьский вихрь, октябрьский вихрь.

Он в корабельной свищет снасти,
Казнит последышей династий,
Сулит купечеству ненастье,
Банкротов губит биржевых,
Скликает пригороды в город
И, распахнув свой потный ворот,
С одною смертью насмерть спорит
И оставляет жизнь в живых.

С ним подружились мы однажды,
Когда на Кремль солдаты шли.
Рты запеклись от жгучей жажды.
Мы были голодны. Но каждый
Мечтал о счастье всей земли.

О, тусклый отблеск туч свинцовых
На ржавой жести крыш дворцовых,
О, грязь в домах, о, страх жильцов их
Пред благодушием солдат!
О, как нам весело бывало,
Когда рядам людского шквала
История передавала
Свой наспех писанный мандат!

Гнилым низинам нет пощады
Со стороны нагих крутизн.
Пускай погибнет кров дощатый,
Пускай бездомна и нища ты,—
Ты навсегда прекрасна, Жизнь!
Твой выбор прям без оговорок.
Твой взор навеки чист и зорок.
Пройдет и двадцать лет и сорок,
Немало будет горьких тризн.
Сегодня будем слушать речи,
Проветрим ум, расправим плечи,
Но знаешь — ради первой встречи
Дай нам твое бессмертье, Жизнь!

1957

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ МИЛЛИОНОВ

Статистики в такой-то час и день
Установили, сколько нас. И только.
Вставай, девятизначной цифры долька,
Раздуй огонь, комбинезон надень!

Вставай, шахтер, конструктор, космонавт,
Учительница, музыкант, геолог!
Наш путь ухабист, труден был и долог,
Но озарен прожекторами правд.

Мы гибли, но не сгинули. Гляди,
На всей планете шаг наш отпечатан.
Отцы и дети наши не молчат там,
Сыны и внуки ждут нас впереди.

Нас двести пятьдесят мильонов,— под
Тем самым молоткастым и серпастым.
Нам любо, мускулистым и вихрастым,
Со лба стирать соленый, едкий пот.

Нас ТЬМЫ и ТЬМЫ и ТЬМЫ с тех самых пор,
Как стали мы не тьмою темь, а светом
И вышли с лозунгом:
ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!
На правый бой, на первый старт, на сбор.

Мы — эстафета дальнего гонца.
Мы — поколенье сильных и умелых.
Мы — перевыполненье планов смелых.
Нам нет числа, нет краю, нет конца.

Жизнь вырастает, движется, течет,
Вся в брызгах света, в жженье и броженье.
Лети же вслед за ней, воображенье!
Не кончен путь. Не подытожен счет.

1974

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

(Отрывки из поэмы)

...Полстолетья тому назад,
Не застыв бетоном иль бронзой,
Начиналась эпоха грозно
Пересвистом пуль и засад.
Начиналась — и началась!
Дерзновенно, легко, широко
Передвинула раньше срока
Стрелки века на звездный час.

...Разве снилось кому-нибудь,
Что в далеком будущем... Впрочем,
Мы не будущее пророчим,
Прямо в прошлое держим путь.
Только вышли мы из ворот —
И в глаза нам свежо и ярко
Автогенной ударил сваркой
Социальный переворот,—
Разогнал проныр и деляг
И, прикладом гремя ружейным,
Всех снабжает Воображеньем:
— Получай рацион, земляк!

Ни кола у нас, ни двора,
Ни чинов, ни знаков отличья.
Что касается до величья,—
Не пришла еще та пора.
Только утренним сквозняком,
Только будущим даль продута
И продумана. И как будто
Каждый с каждым давно знаком.
Каждый каждому верный друг,
Однокашник, однополчанин,
Простодушен, мудрен, отчаян,
То Бродяга, то Политрук.
Не прочел он и сотни книг,
Слишком мало прожил на свете,
Но за всех и за все в ответе,
Всем учитель, всем ученик.
Может быть, это мой двойник
На рассвете проснулся первым.
Только путь его жизни прерван
В тот же миг, когда он возник.
С той поры у меня в мозгу;
Как пчела в янтаре, сохранна
Его молодость, его рана —
С ней расстаться я не могу.
Невесомый призрак парит
Над равнинами, над горами,
По неправленой стенограмме,
Запинаясь, он говорит:
— Я мечтал всем чертям назло
В первый день всемирного братства
С буржуазною контрой драться,
Да не вышло, не повезло.
Только встали мы к рубежу,
Был мой кубок на землю вылит,
Был я в сердце ранен навылет,
На булыжном камне лежу.
Не дышу, не двинусь, чуть жив,
Но в последних секундах смертных,
Словно в россыпи звезд несметных,
В веренице жизней чужих —
Различаю свой слабый след,
Перекинутый через пропасть,
Через молодость... (длинный пропуск)
Через сотню и больше лет.

И пускай остался во рту
Только хрип сожженной гортани,—
Завещаю братьям братанье,
Добрым девушкам — доброту.
Смертный час, как всегда, суров.
Но пока боец погибает,
Артиллерия вышибает
Из Хамовников юнкеров.
Там встают Бромлей и Гужон[1],
Семь застав и Замоскворечье.
Бурный паводок просторечья.
Праздник. Встреча мужей и жен.
Там — в раскрытых настежь мирах,
В грозных лозунгах и легендах,
В пулеметных крест-накрест лентах —
Металлург, Солдат и Моряк
Поднялись — а за ними все,
Кто знаком с бедой и обидой,
Стар и Мал, Живой и Убитый,
В цвете лет, в нетленной красе.
Это есть разлом и разлад,
И восторженность восхожденья,
И зачатие и рожденье
Полстолетья тому назад.
Полстолетья назад Москва
В серых сумерках пред рассветом
Подхватила: «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!»—
Молодые эти слова.

Полстолетья прошло. Гляди,—
У всего свое продолженье.
Все в движенье, в жженье, в броженье.
Полстолетия — впереди.
Так встречаются даль и близь.
Древний город тих и огромен.
Желтоглазья его хоромин
Жадно в будущее впились.

1967

[1] Бромлей и Гужон — богатейшие промышленники царской России, олицетворявшие российский капитализм, им принадлежал ряд самых крупных по тому времени предприятий; Бромлей — так, по имени владельца, называли в Москве машиностроительный завод (на его базе вырос современный московский завод «Красный пролетарий»), Гужон — металлургический завод (ныне завод «Серп и молот»).

Павел Арский

(1886—1967)

ВОССТАНИЕ

Мы воздвигали пирамиды,
Мы создавали города...
Вы наши слезы и обиды
Не замечали никогда.

Вы роскошь всю купили кровью
Рабов, измученных трудом,
Служивших высшему сословью,
Века стонавших под ярмом...

Вы радость пили полной чашей,
Вы были счастливы всегда.
Вино, цветы — все это нашей
Добыто каторгой труда.

Мы бриллианты вам гранили,
Мы лили бронзу и металл,
В земные недра уходили,
Туда, где мрак нас ожидал.

Вы жгли себя в угаре пьяном.
Но вихрь могучий налетел,
И гибель он принес тиранам,
Настал безумию предел.

Мы, как стихия, грозно встали
Из царства хаоса и тьмы...
Недаром мы века страдали
Под гнетом пыток и тюрьмы.

Довольно слез и унижений.
Нет больше рабства и цепей.
Свободны будут поколенья
От тирании палачей...

О нет! Мы долго не забудем
Века бесправья и тоски...
Мы вас к покорности принудим,
Возьмем в железные тиски.

Еще в борьбе промчатся годы,
Но мы сильны. Мы победим.
От царства солнечной свободы
Ключ золотой не отдадим!

1917

КРАСНЫЙ ПЕТРОГРАД

Город севера туманный,
Красный Петроград!..
Город призрачный и странный,
Город баррикад!..

Город радостей безумных,
Светлых дум оплот!..
Город пламенной Коммуны,
Колыбель свобод!..

Город первый! Город красный!
Ты разбил тюрьму...
Не отдам тебя, прекрасный
Город, никому!

Не отдам твои знамена
Красные врагам!..
Если надо — жизнь без стона
За тебя отдам.

Город крови, город стали,
Каменных громад...
Город, где рабы восстали,—
Красный Петроград!

1918

СЫН

Старуха мать
Вчера узнала:
Сын убит!
Она портрет
Поцеловала:
— Сын мой спит.

Сказала дочь:
— Мой брат любимый
Не придет! —
Сказала мать:
— За край родимый
В бой пойдет!

Сказал отец:
— Пойми, старуха,
Сын убит!
— Не верю! — мать
Сказала глухо,—
Сын мой спит!

1919

Николай Асеев

(1889—1963)

НЕБО РЕВОЛЮЦИИ

Еще на закате мерцали...
Но вот — почернело до ужаса,
и все в небесном Версале
горит, трепещет и кружится.

Как будто бы вечер дугою
свободу к зениту взвез:
с неба — одна за другою
слезают тысячи звезд!

И как над горящею Францией
глухое лицо Марата,—
среди лихорадящих в трансе
луна — онемевший оратор.

И мир, окунувшись в мятеж,
свежеет щекой умытенькой;
потухшие звезды — и те
послов прислали на митинги.

Услышьте сплетенный в шар шум
шагов без числа и сметы:
то идут походным маршем
к земле — на помощь — планеты.

Еще молчит тишина,
но ввысь — мечты и желания,
и вот провозглашена
Великая Океания.

А где-то, как жар валюты,
на самой глухой из орбит,
солнце кровавым Малютой
отрекшееся скорбит!

1917

КУМАЧ

Красные зори,
красный восход,
красные речи
у Красных ворот,
и красный—на площади Красной —
народ.

У нас пирогами
изба красна,
у нас над лугами
горит весна.

И красный кумач
на клиньях рубах,
и сходим с ума
о красных губах.

И в красном лесу
бродит красный зверь...
И в эту красу
прошумела смерть.

Нас толпами сбили,
согнали в ряды,
мы красные в небо
врубили следы.

За дулами дула,
за рядом ряд —
и полымем сдуло
царей и царят.

Не прежнею спесью
наш разум строг,
но новые песни
все — с красных строк.

Гляди ж, дозирая,
веков Калита:
вся площадь до края
огнем налита!

Краснейте же, зори,
закат и восход,
краснейте же, души,
у Красных ворот,

красуйся над миром,
мой красный народ!

1921

МАРШ БУДЕННОГО

С неба полуденного
жара — не подступи,
конная Буденного
раскинулась в степи.

Не сынки у маменек
в помещичьем дому,
выросли мы в пламени,
в пороховом дыму.

И не древней славою
наш выводок богат —
сами литься лавою
учились на врага.

Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку,—
смелем рысью частою
их эскадрон в муку.

Будет белым помниться,
как травы шелестят,
когда несется конница
рабочих и крестьян.

Все, что мелкой пташкою
вьется на пути,
перед острой шашкою
в сторону лети.

Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для белых черепов.

Пусть уздечки звякают
памятью о нем,—
так растопчем всякую
гадину конем.

Никто пути пройденного
назад не отберет,
конная Буденного
армия — вперед!

1923

НОВАЯ КРЕМЛЕВСКАЯ СТЕНА

Октября
кровавые знамена
пулями
прошитые
насквозь,
разве вспомнишь
всех вас
поименно,
отстоявших
зори над Москвой...
Разве
перечтешь вас,
легших в славе,
разве
соберешь в одном лице,
танками
растоптанные навек,
взятые
мортирой на прицел...
Расстилаясь
к северу и к югу,
в хмурый вечер,
в смерзшуюся рань,
прорывала
смерть,
и мрак,
и вьюгу —
сердца человеческого ткань.
Пели пули,
били пулеметы,

ветер
упирал ладони в грудь,
век,
казалось,
от тупой ломоты
взгляду
и костям
не отдохнуть.
Дни и вещи
плыли и кружились,
все неслось вокруг,
как мрак и бред,
но,
растягивая сухожилья,
вы сдержали
мир на Октябре.
Он взмывал
над вами
песней вольной,
неба молодого
голубей,
он вставал за вами —
облик Смольный,—
вами взятой воли колыбель.
В злую глушь,
в таежные селенья,
с вышки
Октября
сторожевой
подавал
свой свежий голос
Ленин,
всем понятный,
четкий
и живой.
И опять,
наежившись штыками,
напрягая
сумрачный зрачок,
в тыл врагу
вздымался
каждый камень,
каждый
сердца бившийся клочок.

И на каждом
лесовом завале,
обрывая
трубки у гранат,
вновь и вновь
они голосовали
за тебя,
свободная страна!
Это их
суровые колонны нынче вышли
на сплошной парад,
это ихней
кровью раскаленной
пышет бантов
красная кора.
Это им,
о прошлом не жалея,
птицей в сердце
бился мир иной,
им,
кто лег
окружьем мавзолея —
новою кремлевскою стеной.
Октября
кровавые знамена,
пулями
прошитые насквозь,
разве вспомнишь
всех вас
поименно,
отстоявших
зори над Москвой?

1922

ПОЭМА

Стоящие возле,
идущие рядом
плечом
к моему плечу,
сносимые этим
огромным снарядом,
с которым и я лечу!

Давайте отметим
и местность и скорость
среди ледяных широт,
и общую горечь,
и общую корысть,
и общий прорыв вперед.
Пора,
разложивши по полкам вещи,
взглянуть в пролет,
за стекло,
увидеть,
как пенится, свищет и блещет
то время,
что нас обтекло.
Смотрите,
как этот крутой отрезок
нас выкрутил
в высоту!
Следите,
как ветер —
и свеж и резок —
от севера
в тыл задул!
Ты, холод,
сильней семилетьем
шурши нам:
поднявшиеся на локтях,
сегодня
мы вновь
огибаем вершину,
названье которой —
Октябрь!
Суровое время!
Любимое время!
Тебе не страшна вражда.
Горой ты встаешь
за тех из-за теми,
кто новое звал и ждал.
Ты помнишь,
как страшно,
мертво и тупо
бульвар грохотал листвой?!
Ты помнишь,
как сумрачно из-за уступа
нагретый мотался ствол?!

Озлобленно-зорко
мы брали на мушку —
кто не был
по-нашему рад,
и ночи не спали,
и хлеба осьмушку
ценили в алмазный карат.
Семь лет
провело не одну морщину,
немало
сломало чувств,
и юношу
превращало в мужчину,
как поросль
в ветвистый куст.
Семь лет
не одни подогнуло колени.
За эти
семь лет —
качнуло Японию,
умер Ленин,
Марс подходил к Земле.
Он вновь поднялся,
Октябрем разбитый,
копейками дней звеня...
(Товарищ критик,
не я против быта,
а быт —
против меня!)
Но нас
Октября приучили были,
бои у Никитских ворот,—
прильнувши
к подножкам автомобилей,
сквозь быт
продираться вперед.
Суровое время!
Огромное время!
Тебе не страшна вражда.
Горой ты встаешь
за тех из-за теми,
кто выучил
твой масштаб.

Ты, холод,
                сильней семилетьем
                                        шурши нам:
поднявшиеся на локтях,
сегодня
        мы снова
                    увидим вершину,
названье которой —
                    Октябрь!

Октябрь 1924

ВРЕМЯ ЛУЧШИХ

Памяти Ф. Э. Дзержинского

Время, время,
                не твое ли зверство
не дает
        ни сил, ни дней сберечь?
Умираем
        от разрыва сердца,
чуть прервав,
                едва закончив речь...
Умираем
        не от слезной муки,
не от давней
                раны пулевой,—
умираем,
        напрягая руки,
над огромной ширью
                    полевой.
Как поднять ее
                с другими вровень,
как подставить ей
                    свое плечо,
если путь ее —
                биеньем крови,
а не медом с молоком
                        течет?
Соль и уголь
                залегли пластами...
Как их слить,
                в одно соединив,

что сошлись
навек
в одном составе
лязг заводов
с пошелестом нив?
Сердцу тяжко...
Сердце ведь не камень:
напряги —
и дрогнет вперебой
под кулями,
рельсами,
станками,
под своей
и общею судьбой!
Но не рабским,
подневольным пленом
вызван к жизни
этот тяжкий труд.
Нынче, знаю,
встанет мира пленум
на тобою
вызванном ветру!..
Над огромным
неподвижным краем,
время — лучшим
сердце утомлять...
Умираем?
Нет, не умираем,—
порохом
идем в тебя,
земля!

1926

ОНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Революцию сравнивают —
кто с любимой,
кто с вихрем,
кто с тканью,
цветущей пестро,
кто с валом девятым,
кто с бурей,
кто с дымом,

плывущим
над взметывающимся
костром.
Костер отгорит,
и любимая бросит,
умолкнут валы,
и выцветет ткань,
и будет волос
одинокая проседь,
как пепел, горька
и, как дымы, едка.
Октябрьская ж песня,
без фальши,
без лени,
таких
не выдерживает сравнений.
Года
не идут вспять,
с годами
нельзя спать.
Года
не горят в дым,
нельзя
угасать им.

Годов
не сгасить пыл,
в них вечен
запас сил.
Ревели враги:
куда уцелеть им.
Вшивым,
безграмотным,
пьяным
да нищим,—
а мы обернулись
десятилетьем,
нам — торжеством,
а им — кладбищем.
В притупленной злобе,
в звериной обиде
их тени бледнеют,
оружие ржавится,

но даже они
понимают и видят:
она продолжается.
Сердцам миллионов
с громадою биться:
кто лень отбивает,
кто с грязью сражается;
делам Октября
ни на миг не забыться:
они продолжаются.

На плечи навьючив
тяжелые вьюки
госпланов,
госзаймов,
заданий
и дел,
идем,
как в семнадцатом
шли во вьюге,
век подпирая
тяжестью тел.
Идем
и не верим,
что где-то воздастся:
за путь нам награда —
тревоги года́;
и новое в мире
растим государство,
не виданное
нигде
никогда.
И дальние взоры,
и давние страны
усилие наше
влечет и томит;
их нашими
ломит тяжелыми ранами
и радует
нашими радостями.
И мы,
замощая ухабы и ямы,
подмог не торопим,
не требуем жалости;

в одно призываем
мы верить упрямо:
она продолжается.

Ко дну оседает
тревоги осадок.
Расти,
наша сила,
на день со́ дня,
чтоб нынешний
первый
сочтенный десяток
окреп и возрос
и считался на сотни.
Года
не идут вспять,
с годами
нельзя спать.
Года
не горят в дым,
нельзя
угасать им.
Годов
не сгасить пыл,
в них вечен
запас сил.
Идти заодно
с годами всегда,
где руки не слабнут,
глаза не смежаются.
И знать,
и помнить,
и верить в одно:
она — продолжается!
1927

ЧИТАЯ ЛЕНИНА

(Фрагменты)

3

Скучная вещь статистика,
скучная вещь статистика,
скучная вещь статистика,—
ее кругозор не широк!

Лучше сыграть в три листика,
лучше сыграть в три листика,
лучше сыграть в три листика,
и — провести вечерок.
Светились розовые абажуры,
варились варенья,
женились хлюсты...
Кто про них знал,
про эти бури,
взметающие метелью листы?
Скучная вещь статистика,
скучная вещь статистика,
скучная вещь статистика,—
цифр неприметный мирок.
Лучше заняться мистикой,
пододеяльник выстегать
или еще — беллетристика —
и — провести вечерок.
Добро — подсыпать
в огурцы укропу...
От хрипа в грудях...
перуанский
бальзам...
...Ленин рубил
не окно в Европу:
весь мир подносил
вплотную к глазам.
Прогорклую мудрость
житейского сала,
наросшую в верхних слоях
широко,
страниц его
резкая явь разрезала
наплывы
набрюшников
и окороков.

4

И вот обнищанье,
обезлошаживанье,
нужда,
берущая за грудки,

и горло труб
завываньем надсаживая,
взвились над Россией
заводов гудки.
И Ленин,
пристально
выщурив глаз,
вымеривал
в массу растущий класс.
Он счетом считал
дорогие ряды,
Он боя грядущего
линию
выравнивал,
идя впереди,
партийною дисциплиною.
Он,
резкостью светового луча
в работе сжигая сутки,
высмеивал
и разоблачал
унынье
и предрассудки.
И класс за ним двинулся,
силу доверя,
как входит
в проводку молния,—
вразлет распахнув
широкие двери
Смольного.

5

Мы видим:
он победил,
а не та,
гнилушками
тлевшая темнота.
Мы видим:
он победил,
а не те,
желавшие жить
в тишине,
в теплоте.

Не шумом оравы-орды
вел массы ленинский разум,
штурмом твердынь
вражеской
философской базы.
На штурм этот —
в бой до конца,—
поколение,
за ясность,
за ярость,
за яростность Ленина!

1931

ОПЫТ ПОРТРЕТА

. . . .

Даты ленинской жизни
известны всем,
их не втиснешь
в строчку скорую.
Он — великий итог
вековечных тем,
волновавших
когда-либо историю.
Но особенно в нем
я люблю и чту
то, что в жизни
им наново добыто:
ту способность
доводить мечту
до людского
вседневного опыта.
Мечту
не о жирных
собственных щах,
мечту
овладенья
запрятанным где-то секретом,—
о более крупных,
о более веских вещах —
о всем человечестве,
накормленном
и обогретом.

Нам в Ленине
каждая мелочь люба:
и скулы,
и рот неуступного склада,
и эти прекрасные
линии лба,
и меткая прищурь
прицельного взгляда.
Но я говорю
не об этих чертах,—
о мыслях,
вязавших узлами тугими,
о воле,
залегшей у каждого рта,
о сердце,
что в лад ударялось
с другими.
Энергия
многих прошедших веков,
от прадеда к внуку
копимая скупо,
водила его
неустанной рукой
и дуги надбровные
вывела в купол.
И я вспоминаю
об этом лице,
о складках,
которые начали класться
на каждом заводе
и в каждом сельце
у губ и у скул
пробужденного класса.
У губ и у скул,
зажавших тоску,
обиду,
и волю,
и к жизни упрямство,
у множества множеств
у губ и у скул
татарских,
мордовских,
калужских,
зырянских.

И если я вижу —
растет человек
в стране,
что отбросила тяжесть апатии,
и двигает делом
в его голове
мечта воплощенная
ленинской партии,—
я знаю,
что, тем же нагревом лучась,
и ныне,
за краем безмерной потери,
он с нами
действительно жив и сейчас —
живым подтвержденьем
движенья материи.

1934

НАШ ОКТЯБРЬ

Наш Октябрь —
изумительный праздник,
всенародной души
торжество:
в сотнях обликов
разнообразных
проявляется
сила его!..
Вот он дышит
глубоко и жарко
на селения
и города —
и шахтер,
и пастух,
и доярка
вырастают
в Героев Труда.
Он ученому
светит за полночь,
он у школьника
правит тетрадь,
он повсюду приходит
на помощь,—

как же
всю его мощь
описать?
Как припомнить,
что было сначала?
Взявши руку
большевиков,
вся страна его
в песнях встречала
и в мерцанье
солдатских штыков.
Это были
могучие годы,
человечности
взвившийся вал,
всей земли
запевали народы
эхом грянувший
«Интернационал».
От позднее
назревших событий,
от геройством насыщенных дней
не становится
он забытей,
а все ярче,
звончее,
ясней!..
И в сердцах:
«...Это есть наш последний...» —
от волнения
дух захватив,
по-иному,
сильней и победней,
разрастается
тот же мотив.
В небе
тучи осенние реют,
иней
травы пушит, серебря...
Но вовеки
не постареет
величавый
рассвет
Октября!

1951—1954

Эдуард Багрицкий

(1895—1934)

ОСВОБОЖДЕНИЕ

(Отрывки из поэмы)

1

За топотом шагов неведом
Случайной конницы налет,
За мглой и пылью —
Следом, следом
Уже стрекочет пулемет.

Где стрекозиную повадку
Он, разгулявшийся, нашел?
Осенний день,
Сырой и краткий,
По улицам идет, как вол...

Осенний день
Тропой заклятой
Медлительно бредет туда,
Где под защитою Кронштадта
Дымят военные суда.

Матрос не встанет, как бывало,
И не возьмет под козырек,
На блузе бант пылает алый,
Напруженный взведен курок.

И силою пятизарядной
Оттуда вырвется удар,
Оттуда, яростный и жадный,
На город ринется пожар.

Матрос подымет руку к глазу
(Прицел ему упорный дан),
Нажмет курок —
И сразу, сразу
Зальется тенором наган.

А на плацдармах
Дождь и ветер,
Колеса, пушки и штыки,
Сюда собрались на рассвете
К огню готовые полки.

Здесь:
Галуны кавалериста,
Папаха и казачий кант,
Сюда идут дорогой мглистой
Сапер,
Матрос
        и музыкант.

Сюда путиловцы с работы
Спешат с винтовками в руках,
Здесь притаились пулеметы
На затуманенных углах.

Октябрь!
Взнесен удар упорный
И ждет падения руки.
Готово все:
И сумрак черный,
И телефоны, и полки.

Все ждет его:
Деревьев тени,
Дрожанье звезд и волн разбег,
А там, под Гатчиной осенней,
Худой и бритый человек.

Октябрь!
Ночные гаснут звуки,
Но Смольный пламенем одет,
Оттуда в мир скорбей и скуки
Шарахнет пушкою декрет.

А в небе над толпой военной,
С высокой крыши,
В дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и вьется красный флаг.

2

Он струсил!
Английский костюм
И кепи не волнуют боле
Солдатской бунтовщицкой воли
И пленный не тревожат ум.
И только кучка юнкеров,
В шинелях путаясь широких,
Осталась верной.
Путь готов —
Для крепких, страстных и жестоких.
«Стой, кто идет?!»
Осенний дождь
И мрак, овеянный туманом,
Страшны как смерть:
«Я — новый вождь!»
И мимо шагом неустанным,
В пустую ночь и в талый снег,
Сквозь блеск штыков и говор злобы,
Спеша, идет высоколобый,
Широкоплечий человек.

О вы, рожденные трудом,
О вас пройдет из рода в роды
Хвала! Вы пулей и штыком
Ковчег построили свободы.
Куда низринулся удар
Руки рабочей?
Пробегая
Через торцовый тротуар,
Кто восклицает, умирая:
«Коммуна близко...»
На стенах,
Пропахших краскою газетной,
Декреты плещут...
Смерть и страх
По подворотням, незаметно,
Толкутся, как биржевики,
Бормочут, ссорятся и ноют.
Торцы трещат.
Броневики
Сокрытою сиреной воют.

Там закипает и гудит
Случайный бой.
Матрос огромный
В огне и грохоте стоит
Среди камней, под пушкой темной,
Литейщик приложил щеку,
Целясь, к морозному прикладу.
И защищая баррикаду —
Трамвай разбитый на боку.
Гремя доспехами стальными,
Весь в саже, копоти и дыме,
Катится броневик!
Пора
Игру окончить...
Нет пощады
Всем слабым духом...
До утра
Огнем гремели баррикады...
А в небе над толпой военной,
С высокой крыши, в дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и плещет красный флаг.

1921—1923

«IV»

Кремлевская стена, не ты ль взошла
Зубчатою вершиною в туманы,
Где солнце, купола, колокола,
И птичьи пролетают караваны.
Еще недавно в каменных церквах
Дымился ладан, звякало кадило,
И на кнрпичной звоннице монах
Раскачивал медлнтельное било.
И раскачавшись, размахнувшись, в медь
Толкалось бнло. И густой, н сонный,
Звон пробужденный начинал гудеть
И вздрагнвать струною напряженной.
Развеян ладан, и истлел монах;
Репьем былая разлетелась сила;
В дырявой блузе, в драных сапогах
Иной звонарь раскачивает бнло.
И звонница расплескнвает звон
Чрез города, оврагн и озера

В пустую степь, в снега и в волчий гон,
Где конь калмыцкий вымерил просторы.
И звонница взывает и поет.
И звон течет густым и тяжким чадом.
Клокочет голос меди трудовой
В осенний полдень, сумрачный и мглистый,
Над Азией песчаной и сухой,
Над Африкой, горячей и кремнистой.
И погляди: на дальний звон идут
Из городов, из травяных раздолий
Те, чей удел — крутой, жестокий труд,
Чей тяжек шаг и чьи крепки мозоли.
Там, где кирпичная гудит Москва,
Они сойдутся. А на их дороге
Скрежещут рельсы, стелется трава,
Трещат костры и дым клубится строгий.
Суданский негр, ирландский рудокоп,
Фламандский ткач, носильщик из Шанхая —
Ваш заскорузлый и широкий лоб
Венчает потом слава трудовая.
Какое слово громом залетит
В пустынный лог, где, матерой и хмурый,
Отживший мир мигает и сопит
И копит жир под всклоченною шкурой.
Разноплеменные. Все та же кровь
Рабочая течет по вашим жилам.
Распаханную засевайте новь
Посевом бурь, посевом легкокрылым.
Заботой дивной ваши дни полны,
И сладкое да не иссякнет пенье,
Пока не вырастет из целины
Святой огонь труда и вдохновенья!..

1922

ОКТЯБРЬ

Неведомо о чем кричали ночью
Ушастые нахохленные совы;
Заржавленной листвы сухие клочья
В пустую темень ветер мчал суровый,
И волчья осень по сырым задворкам
Скулила жалобно, дрожмя дрожала;
Где круто вымешанным хлебом, горько
Гудя, труба печная полыхала,

И дни червивые, и ночи злые
Листвой кружились над землей убогой;
Там, где могилы стыли полевые,
Где нищий крест схилился над дорогой.
Шатался ливень, реял над избою,
Плевал на стекла, голосил устало,
И жизнь, картофельною шелухою
Гниющая, под лавкою лежала.
Вставай, вставай! Сидел ты сиднем много,
Иль кровь по жилам потекла водою,
Иль вековая тяготит берлога,
Или топор тебе не удержать рукою?
Уж предрассветные запели певни
На тынах, по сараям и оврагам.
Вставай! Родные обойди деревни
Тяжеловесным и широким шагом.
И встал Октябрь. Нагольную овчину
Накинул он и за кушак широкий
На камне выправленный нож задвинул,
И в путь пошел, дождливый и жестокий.
В дожди и ветры, в орудийном гуле,
Ты шел вперед веселый и корявый,
Вокруг тебя пчелой звенели пули,
Горели нивы, пажити, дубравы!
Ты шел вперед, колокола встречали
По городам тебя распевным хором,
Твой шаг заслышав, бешеные, ржали
Степные кони по пустым просторам.
Твой шаг заслышав, туже и упрямей
Ладонь винтовку верную сжимала,
Тебе навстречу дикими путями
Орда голодная, крича, вставала!
Вперед, вперед. Свершился час урочный,
Все задрожало перед новым клиром,
Когда, поднявшись над страной полночной,
Октябрьский пламень загудел над миром.

1922

МОРЯКИ

Только ветер да звонкая пена,
Только чаек тревожный полет,
Только кровь, что наполнила вены,
Закипающим гулом поет.

На галерах огромных и смрадных,
В потном зное и мраке сыром,
Под шипенье бичей беспощадных
Мы склонялись над грузным веслом.
Мы трудились, рыдая и воя,
Умирая в соленой пыли,
И не мы ли к божественной Трое
Расписные триремы вели?
Соль нам ела глаза неизменно,
В круглом парусе ветер гудел,
Мы у гаваней Карфагена
Погибали от вражеских стрел.
И с Колумбом в просторы чужие
Уходили мы, силой полны,
Чтобы с мачты увидеть впервые
Берега неизвестной страны.
Мы трудились средь сажи и дыма
В черных топках, с лопатой в руках,
Наши трупы лежат под Цусимой
И в прохладных балтийских волнах.
Мы помним тревогу и крики,
Пенье пули — товарищ убит;
На «Потемкине» дружный и дикий
Бунт горячей смолою кипит.
Под матросскою волею властной
Пал на палубу сумрачный враг,
И развертывается ярко-красный
Над зияющей бездною флаг.
Вот заветы, что мы изучили,
Что нас учат и мощь придают:
Не покорствуя вражеской силе,
Помни море, свободу и труд.
Сбросив цепи тяжелого груза
(О, Империи тягостный груз),
Мы, как братья, сошлись для союза,
И упорен и крепок союз.
Но в суровой и трудной работе
Мы мечтали всегда об одном —
О рабочем сияющем флоте,
Разносящем свободу и гром.
Моряки, вы руками своими
Создаете надежный оплот.
Подымается в громе и дыме
Революции пламенный флот.

И летят по морскому раздолью,
По волнам броневые суда,
Порожденные крепкою волей
И упорною силой труда.
Так в союзе трудясь неустанно,
Мы от граней советской земли
Поведем в неизвестные страны
К восстающей заре корабли.
Посмотрите: в просторах широких
Синевой полыхают моря
И сияют на мачтах высоких
Золотые огни Октября.

1923

СССР

Она в лесах, дорогах и туманах,
В болотах, где качается заря,
В острожной мгле и в песнях неустанных,
В цветенье Мая, в буйстве Октября.
Средь ржавых нив, где ветер пробегает,
Где перегноем дышит целина,
Она ржаною кровью набухает,
Огромная и ясная страна.
Она глядит, привстав над перевалом,
В степной размах, в сырой и древний лог,
Где медленно за кряжистым Уралом
Ворочается и сопит Восток.
Выветриваются и насквозь пробиты
Дождями идолы. У тайных рек,
С обтесанного наклонясь гранита,
Свое белье полощет человек.
Промышленные шумные дороги
Священных распугали обезьян,
И высыхающие смотрят боги
В нависнувший над пагодой туман.
Восток замлел от зноя и дурмана,—
Он грузно дышит, в небо смотрит он.
Она подует, с вихрем урагана
Враз опостылевший растает он.
Восток подымется в дыму и громе,
Лицо скуластое, загар — как мед;
Прислушайся: грознее и знакомей
Восстание грохочет и поет.

Она глядит за перевал огромный,
В степной размах, в сырой и древний лог,
Под этим взглядом сумрачный и темный
Ворочается и сопит Восток...
Кружатся ястребы, туманы тают,
Клубятся реки в сырости долин,
Она лицо на запад обращает,
В тяжелый чад и в суету машин.
Она лицо на запад обращает,
Над толпами, кипящими котлом,
И голову свою приподнимает
Рабочий, наклоненный над станком.
Там едкий пот — упорен труд жестокий,
Маховики свистят и голосят,
Там корабельные грохочут доки,
Парят лебедки, кабели гудят.
Там выборы, там крики и удары,
Там пули временное торжество,
Но посмотри: проходят коммунары,—
Их сотни, тысячи, их большинство.
И мировое закипает вече,
Машины лязгают, гудки поют;
Затекшие там разминает плечи
От пут освобождающийся труд.
Мы слышим гул тяжелого прибоя,
Не сердце ли колотится в груди,
Мы ждем тебя, восстанье мировое,
Со всех сторон навстречу нам иди!

1924

СМЕРТЬ ПИОНЕРКИ

Грозою освеженный,
Подрагивает лист.
Ах, пеночки зеленой
Двухоборотный свист!

Валя, Валентина,
Что с тобой теперь?
Белая палата,
Крашеная дверь.
Тоньше паутины,
Из-под кожи щек
Тлеет скарлатины
Смертный огонек.

Говорить не можешь —
Губы горячи.
Над тобой колдуют
Умные врачи.
Гладят бедный ежик
Стриженых волос.
Валя, Валентина,
Что с тобой стряслось?

Воздух воспаленный.
Черная трава.
Почему от зноя
Ноет голова?
Почему теснится
В подъязычье стон?
Почему ресницы
Обдувает сон?
Двери отворяются.
(Спать. Спать. Спать.)
Над тобой склоняется
Плачущая мать:

— Валенька, Валюша!
Тягостно в избе!
Я крестильный крестик
Принесла тебе.
Все хозяйство брошено,
Не поправишь враз,
Грязь не по-хорошему
В горницах у нас.
Куры не закрыты;
Свиньи без корыта;
И мычит корова
С голоду сердито.
Не противься ж, Валенька,
Он тебя не съест,
Золоченый маленький
Твой крестильный крест.

На щеке помятой
Длинная слеза...
А в больничных окнах
Движется гроза.

Открывает Валя
Смутные глаза.
От морей ревучих
Пасмурной страны
Наплывают тучи,
Ливнями полны.
Над больничным садом,
Вытянувшись в ряд,
За густым отрядом
Движется отряд.
Молнии, как галстуки,
По ветру летят.

В дождевом сиянье
Облачных слоев
Словно очертанье
Тысячи голов.

Рухнула плотина —
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.

Трубы. Трубы. Трубы.
Подымают вой.

Над больничным садом,
Над водой озер,
Движутся отряды
На вечерний сбор.

Заслоняют свет они
(Даль черным-черна),
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуни,
Пионеры фабрики Ногина.

А внизу, склоненная,
Изнывает мать:
Детские ладони
Ей не целовать,
Духотой спаленных
Губ не освежить —
Валентине больше
Не придется жить.

— Я ль не собирала
Для тебя добро?
Шелковые платья,
Мех да серебро?
Я ли не копила,
Ночи не спала,
Все коров доила,
Птицу стерегла,—
Чтоб было приданое
Крепкое, недраное,
Чтоб фата к лицу —
Как пойдешь к венцу!
Не противься ж, Валенька!
Он тебя не съест,
Золоченый маленький
Твой крестильный крест.

Пусть звучат постылые
Скудные слова —
Не погибла молодость —
Молодость жива!

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Возникай содружество
Ворона с бойцом —
Укрепляйся мужество
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла.
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

Чтобы в этом крохотном
Теле — навсегда
Пела наша молодость,
Как весной вода.

Валя, Валентина,
Видишь: на юру
Базовое знамя
Вьется по шнуру.

Красное полотнище
Вьется над бугром.
«Валя, будь готова!» —
Восклицает гром.

В прозелень лужайки
Капли как польют!
Валя в синей майке
Отдает салют.

Тихо подымается,
Призрачно легка,
Над больничной койкой
Детская рука.

«Я всегда готова!» —
Слышится окрест.
На плетеный коврик
Упадает крест.
И потом бессильная
Валится рука
В пухлые подушки,
В мякоть тюфяка.

А в больничных окнах
Синее тепло,
От большого солнца
В комнате светло.

И, припав к постели,
Изнывает мать.

За оградой пеночкам
Нынче благодать.

Вот и все!

Но песня
Не согласна ждать.

Возникает песня
В болтовне ребят.

Подымает песню
На голос отряд.

И выходит песня
С топотом шагов

В мир, открытый настежь
Бешенству ветров.

1932

ЛЕНИН С НАМИ

По степям, где снега осели,
В черных дебрях,
В тяжелом шуме,
Провода над страной звенели:
«Нету Ленина,
Ленин умер».
Над землей,
В снеговом тумане,
Весть неслась,
Как весною воды;
До гранитного основания
Задрожали в тот день заводы.
Но рабочей стране неведом
Скудный отдых
И лень глухая,
Труден путь.
Но идет к победам
Крепь, веселая, молодая...
Вольный труд закипает снова:
Тот кует,
Этот землю пашет;
Каждой мыслью
И каждым словом
Ленин врезался в сердце наше.

Неизбывен и вдохновенен
Дух приволья,
Труда и силы;
Сердце в лад повторяет: «Ленин».
Сердце кровь прогоняет в жилы.
И по жилам бежит волнами
Эта кровь и поет, играя:
«Братья, слушайте,
Ленин с нами.
Стройся, армия трудовая!»
И гудит, как весною воды,
Гул, вскипающий неустанно...
«Ленин с нами»,—
Поют заводы,
В скрипе балок,
Трансмиссий,
Кранов...
И летит,
И поет в тумане
Этот голос
От края к краю.
«Ленин с нами»,—
Твердят крестьяне,
Землю тракторами взрывая...
Над полями и городами
Гул идет,
В темноту стекая:
«Братья, слушайте:
Ленин с нами!
Стройся, армия трудовая!»

1925

ДУМА ПРО ОПАНАСА

(Отрывки из поэмы)

1

...По откосам виноградник
Хлопочет листвою,
Где бежит Панько из Балты
Дорогою степною.

Опанасе, не дай маху,
Оглядись толково,—
Видишь черную папаху
У сторожевого?
Знать, от совести нечистой
Ты бежал из Балты,
Топал к Штолю-колонисту,
А к Махне попал ты!
У Махна по самы плечи
Волосня густая:
— Ты откуда, человече,
Из какого края?
В нашу армию попал ты
Волей иль неволей?
— Я, батько, бежал из Балты
К колонисту Штолю...
Чернозем потек болотом
От крови и пота,—
Не хочу махать винтовкой,
Хочу на работу!
Ой, батько, скажи на милость
Пришедшему с поля,
Где хозяйство поместилось
Колониста Штоля?
— Штоль? Который, человече?
Рыжий да щербатый?
Он застрелен недалече,
За углом от хаты...
А тебе дорога вышла
Бедовать со мною.
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!
Дайте шубу Опанасу
Сукна городского!
Поднесите Опанасу
Вина молодого!
Сапоги подколотите
Кованым железом!
Дайте шапку, наградите
Бомбой и обрезом!
Мы пойдем с тобой далече —
От края до края!..—
У Махна по самы плечи
Волосня густая...

. . . .

Опанасе, наша доля
Машет саблей ныне,—
Зашумело Гуляй-Поле
По всей Украние.
Украина! Мать родная!
Жнто молодое!
Опанасу доля вышла
Бедовать с Махною.
Украина! Мать родная!
Молодое жито!
Шли мы раньше в запорожцы,
А теперь — в бандиты!

III

Хлеба собрано немного —
Не скрипеть подводам.
В хате ужинает Коган
Житняком и медом.
В хате ужинает Коган,
Молоко хлебает,
Большевицким разговором
Мужиков смущает:
— Я прошу ответить честно,
Прямо, без уклона,
Сколько в волости окрестной
Варят самогона?
Что посевы? Как налоги?
Падают ли овцы? —
В это время по дороге
Топают махновцы...
По дороге пляшут кони,
В землю бьют копыта.
Опанас из-под ладони
Озирает жито.
Полночь сизая, степная
Встала пред бойцами,
Издалека темь ночная
Тлеет каганцами.
Брешут псы сторожевые,
Запевают певни.
Холодком передовые
Въехали в деревню.

За церковною оградой
Лязгнуло железо:
— Не разыщешь продотряда:
В доску перерезан! —
Хуторские псы, пляшите
На гремучей стали:
Словно перепела в жите,
Когана поймали.
Повели его дорогой,
Сизою, степною,—
Встретился Иосиф Коган
С Нестором Махною!
Поглядел Махно сурово,
Покачал башкою,
Не сказал Махно ни слова,
А махнул рукою!
Ой, дожил Иосиф Коган
До смертного часа,
Коль сошлась его дорога
С путем Опанаса!..
Опанас отставил ногу,
Стоит и гордится:
— Здравствуйте, товарищ Коган.
Пожалуйте бриться!

IV

Тополей седая стая,
Воздух тополиный...
Украина, мать родная,
Песня-Украина!..
На твоем степном раздолье
Сыромаха скачет,
Свищет перекати-поле,
Да ворона крячет...
Всходит солнце боевое
Над степной дорогой,
На дороге нынче двое —
Опанас и Коган.
Над пылающим порогом
Зной дымит и тает;
Комиссар, товарищ Коган,
Барахло скидает...

Растеклось на белом теле
Солнце молодое;
— На́, Панько, когда застрелишь,
Возьмешь остальное!
Пары брюк не пожалею,
Пригодятся дома,—
Все же бывший продармеец,
Хороший знакомый!..—
Всходит солнце боевое,
Кукурузу сушит,
В кукурузе ветер воет
Опанасу в уши:
— За волами шел когда-то,
Воевал солдатом,
Ты ли в сахарное утро
В степь выходишь катом? —
И раскинутая в плясе
Голосит округа:
— Опанасе! Опанасе!
Катюга! Катюга! —
Верещит бездомный копец
Под облаком белым:
— С безоружным биться, хлопец,
Последнее дело! —
И равнина волком воет
От Днестра до Буга,
Зверем, камнем и травою:
— Катюга! Катюга!..—
Не гляди же, солнце злое,
Опанасу в очи:
Он грустит, как с перепоя,
Убивать не хочет...
То ль от зноя, то ль от стона
Подошла усталость.
Повернулся:
— Три патрона
В обойме осталось...—
Кровь — постылая обуза
Мужицкому сыну...
— Утекай же в кукурузу —
Я выстрелю в спину!
Не свалю тебя ударом,
Разгуливай с богом!..—

Поправляет окуляры,
Улыбаясь, Коган:
— Опанас, работай чисто,
Мушкой не моргая.
Неудобно коммунисту
Бегать, как борзая!
Прямо кинешься — в тумане
Омуты речные,
Вправо — немцы-хуторяне.
Влево — часовые!
Лучше я погибну в поле
От пули бесчестной!..—
Тишина в степном раздолье,
Только выстрел треснул,
Только Коган дрогнул слабо,
Только ахнул Коган,
Начал сваливаться набок,
Падать понемногу...
От железного удара
Над бровями сгусток,
Поглядишь за окуляры —
Холодно и пусто...
С Черноморья по дорогам
Пыль несется плясом.
Носом в пыль зарылся Коган
Перед Опанасом...

V

Где широкая дорога,
Вольный плес днестровский,
Кличет у Попова лога
Командир Котовский.
Он долину озирает
Командирским взглядом,
Жеребец под ним сверкает
Белым рафинадом.
Жеребец подымет ногу,
Опустит другую,
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.

А по каменному склону
Из Попова лога
Вылетают эскадроны
Прямо на дорогу...
От приварка рожи гладки,
Поступь удалая,
Амуниция в порядке,
Как при Николае.
Головами крутят кони,
Хвост по ветру стелют:
За Махной идет погоня
Аккурат неделю...

VI

Налетели и столкнулись,
Сдвинулись конями,
Сабли враз перехлестнулись
Кривыми ручьями...
У комбрига боевая
Душа занялася,
Он с налета разрубает
Саблю Опанаса.
Рубанув, откинул шашку,
Грозится глазами:
— Покажи свою замашку
Теперь кулаками! —
У комбрига мах ядреный,
Тяжелей свинчатки,
Развернулся — и с разгону
Хлобысть по сопатке!..

. . . .

Опанасе, что́ с тобою?
Поник головою...
Повернулся, покачнулся,
В траву сковырнулся...
Глаз над левою скулою
Затек синевою...
Молча падает на спину,
Ладони раскинул...
Опанасе, наша доля
Развеяна в поле!..

VII

Балта — городок приличный,
Городок что́ надо:
Нет нигде румяней вишни,
Слаще винограда.
В брынзе, в кавунах, в укропе
Звонок день базарный;
Голубей гоняет хлопец
С каланчи пожарной...
Опанасе, не гадал ты
В ковыле раздольном,
Что поедешь через Балту
Трактом малохольным;
Что тебе вдогонку бабы
Затоскуют взглядом,
Что пихнет тебя у штаба
Часовой прикладом...
Ой, чумацкие просторы —
Горькая потеря!..
Коридоры, в коридоры,
В коридорах — двери.
И по коридорной пыли,
По глухому дому,
Опанаса проводили
На допрос к штабному.

VIII

Опанас, шагай смелее.
Гляди веселее!
Ой, не гикнешь, ой, не топнешь,
В ладоши не хлопнешь!
Пальцы дружные ослабли,
Не вытащат сабли.
Наступил последний вечер,
Покрыть тебе нечем!
Опанас, твоя дорога —
Не дальше порога.
Что̀ ты видишь? Что̀ ты
слышишь?
Что́ знаешь? Чем дышишь?
Ночь горячая, сухая,
Да темень сарая.

Тлеет лампочка под крышей,—
Эй, голову выше!..
А навстречу над порогом —
Загубленный Коган.
Аккуратная прическа,
И щеки из воска...
Улыбается сурово:
— Приятель, здоро́во!
Где нам суждено судьбою
Столкнуться с тобою!
Опанас, твоя дорога
Не дальше порога...

Эпилог

Протекли над Украиной
Боевые годы.
Отшумели, отгудели
Молодые воды...
Я не знаю, где зарыты
Опанаса кости:
Может, под кустом ракиты,
Может, на погосте...
Плещет крыжень сизокрылый
Над водой днестровской,—
Ходит слава над могилой,
Где лежит Котовский...
За бандитскими степями
Не гремят копыта:
Над горючими костями
Зацветает жито.
Над костями голубеет
Непроглядный омут;
Да идет красноармеец
На побывку к дому...
Остановится и глянет
Синими глазами
На бездомный круглый камень,
Вымытый дождями.
И нагнется и подымет
Одинокий камень:
На ладони — белый череп
С дыркой над глазами.

И промолвит он, почуяв
Мертвую прохладу:
— Ты глядел в глаза винтовке,
Ты погиб, как надо! —
И пойдет через равнину,
Через омут зноя,
В молодую Украину,
В жито молодое...
Так пускай и я погибну
У Попова лога,
Той же славною кончиной,
Как Иосиф Коган!

1926

Демьян Бедный

(1883—1945)

ПРОВОДЫ

(Красноармейская песня)

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне,
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозеи,
Что б осталось от Москвы,
От Расеи?

Все пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю.

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс,
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом,

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою,—

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский,—
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

Свияжск. 1918 г.

КЛЯТВА

Это будет последний
И решительный бой.

(Из «Интернационала»).

Шли за попом, как за пророком,
Молили жалобно царя.
Незабываемым уроком
Стал день девятый января.

Оплакав братские могилы,
Прокляв навек слова мольбы,
Мы накопляли долго силы
Для сокрушительной борьбы.

День расправы кровавой,
Мы клялися тобой
Завершить твое дело
Всенародной борьбой!

Терзал нам грудь орел двуглавый.
Палач казнил нас без суда.
И шли не раз мы в бой кровавый
Под красным знаменем Труда.

Врагов настигла злая кара.
И после многих страшных встреч
Для беспощадного удара
Мы поднимаем грозный меч.

День расправы кровавой,
Мы клянемся тобой:
Это будет последний
И решительный бой!

1918

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

Везут меня иль сам я еду,
Но знаю, сидя на возу,
Что рано праздновать победу,
Что гады ползают внизу,
Что воздух весь насыщен ядом
И что свободно мы вздохнем,
Когда в бою с последним гадом
Ему мы голову свернем.

Друзья, в великом, как и в малом,
Есть заповедная черта:
Перед *последним перевалом*
Дорога более крута.
Напрячь должны мы все усилья,
Чтоб после схватки боевой
С вершин в *Долину изобилья*
Войти семьею трудовой!

1918

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГУДОК

Глубокою ночью воздух морозный
Прорезал призыв твой тревожный и грозный:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

Твой голос, стозвучным подхваченный гудом,
Звучал, как набат, над трудящимся людом:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Насильник стоит у ворот!»

Твой клич повторил пролетарий всесветный,
Доносится к нам его голос ответный:
«Проклятье злодеям, творящим разбой!
К оружью, народ трудовой!»

Услышав твою боевую тревогу,
К нам рать трудовая спешит на подмогу,
И, слыша ее сокрушительный шаг,
Трепещет зарвавшийся враг.

Священные храмы *труда и свободы,*
Застыли в суровом молчанье заводы,
Проходят пред ними в щетине штыков
Ряды пролетарских полков.

Гуди же, гудок! Всему миру поведай,
Что все мы умрем иль вернемся с победой!
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

1918

МАЯК

Мой ум — мужицкой складки,
Привыкший с ранних лет брести путем угадки.
Осилив груды книг, пройдя все ранги школ,
Он все ж не приобрел ни гибкости, ни лоска:
Стрелой не режет он воды, как миноноска,
Но ломит толстый лед, как грузный ледокол.
И были для него нужны не дни, а годы,
Чтоб выровнять мой путь по маяку Свободы.

Избрав, я твердо знал, в какой иду я порт,
И все ненужное, что было мне когда-то
И дорого и свято,
Как обветшалый хлам я выбросил за борт.
Душа полна решимости холодной —
Иль победить, иль умереть свободной.
Все взвешено. Пути иного нет.
Горят огни на маяке Свободы.
Привет вам, братья, с кем делю я все невзгоды!
Привет!

1918

«ПРАВДЕ»

Броженье юных сил, надежд моих весна,
Успехи первые, рожденные борьбою,
Все, все, чем жизнь моя досель была красна,
Соединялося с тобою.

Не раз теснила нас враждебная орда
И наше знамя попирала,
Но вера в наш успех конечный никогда
У нас в душе не умирала.
Ряд одержав побед под знаменем твоим
И закалив навек свой дух в борьбе суровой,
В тягчайшие часы мы верим: мы стоим
Пред новою борьбой и пред победой новой!
Стяг красный водрузив у древних стен Кремля,
Стяг красный «Правды» всенародной,
Знай, трудовая рать, знай, русская земля,
Ты выйдешь из борьбы — великой
и свободной!

17 марта 1918 г.

«ДО ЭТОГО МЕСТА»

В промокших дырявых онучах,
В лохмотья худые одет,
Сквозь ельник, торчащий на кручах,
С сумой пробирается дед.

Прибилися старые ноги,
Ох, сколько исхожено мест!
Вот холмик у самой дороги,
Над ним — покосившийся крест.

«Могилку какого бедняги
Кругом обступили поля?
И где для меня, для бродяги,
Откроет объятья земля?»

Вперед на дымки деревушки
Идет старичок чрез овраг.
Над крышею крайней избушки
Кумачный полощется флаг.

Плакат на стене с пьяной рожей
Царя, кулака и попа.
«Час добрый!»
«Здорово, прохожий!»
Вкруг деда сгрудилась толпа.

«Пожалуй-ка, дед, на ночевку».
«Видать, что измаялся ты».
«Куда я пришел?»
«В Пугачевку».
«А тут?»
«Комитет бедноты».

Прохожему утром — обновка,
Одет с головы и до ног:
Рубаха, штаны и поддевка,
Тулуп, пара добрых сапог.

«Бери! Не стесняйся! Чего там!
Бог вспомнил про нас, бедняков.
Была тут на днях живоглотам
Ревизия их сундуков».

Надевши тулуп без заплатки,
Вздохнул прослезившийся дед:
«До этого места, ребятки,
Я шел ровно семьдесят лет!»

6 ноября 1918 г.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

(Мемориальная доска)

На Красной площади, у древних стен Кремля
Мы—стражи вечные твои, товарищ милый.
Здесь кровью полита земля,
Здесь наши братские могилы.
Бойцы, сраженные в бою,
Мы в вечность отошли. Но ты—еще в строю,
Исполненный огня и пролетарской силы.
Так стой же до конца за власть и честь свою,
За пролетарскую великую семью,
За наши братские могилы!

30 сентября 1919 г.

ПРО ЗЕМЛЮ, ПРО ВОЛЮ, ПРО РАБОЧУЮ ДОЛЮ

(Фрагменты)

Часть третья

Февральская революция

XXVI

Пролетарская газета
«Правда» — вестница рассвета;
Чистый блеск ее лучей
Нестерпим для богачей.
Богачам она отрава,—
Беспощадная расправа
Богачами с давних дней
Учинялася над ней.
И едва лишь пир кровавый
Чуять стал орел двуглавый,
«Правда» первая была
Жертвой хищного орла.
Но когда пришло нам время
Вековое сбросить бремя
Гадов, пьющих нашу кровь,
Возродилась «Правда» вновь,
Взмывши пламенем из пепла,
Возродилась и окрепла.

ПОД ЗНАМЯ «ПРАВДЫ»

Семья рабочая — едина.
В ее руках — ее судьба.
Нет и не будет господина,
Где нет покорного раба!

Напрасны будут вражьи козни:
Не одолеют вас враги.
Одним путем, не зная розни,
Направьте верные шаги.

Чтоб враг лукавыми словами
Не обманул вас ни на час,
Вы знать должны, что — кто не с вами,
Тот — против вас! Тот — против вас!

Возврата нет к былым оковам.
Ваш путь один — идти вперед!
Своих вождей узнать легко вам
По вою злобному «господ»!

Чтоб отстоять свой труд и волю
От покушений злой орды,
Вокруг бойцов за вашу долю
Сомкните стройные ряды!

Украсьте, братья, знамя ваше,
Примером став для всех времен.
Пусть это знамя будет краше
Всех затемненных им знамен!

Одно в сердцах рабочих пламя!
Один порыв в одной груди!
Пусть ваша «Правда», ваше знамя,
Свободно реет впереди!

XXVII

Кривда «Правду» ненавидит,—
«Правда» кривду всюду видит,
В час тревожный бьет в набат,—
«Правда» скажет, кто горбат.

Мироедам «Правда» — плаха.
Им мерещится со страха:
Ленин пишет не пером,
А и вправду топором:
Отрубил примерно строчку —
Снял с мильонщика сорочку!

Часть пятая

Большевистский октябрь

VII

Смольный — здание такое.
В неге, роскоши, в покое,
На шелках, на серебре
Тут при батюшке-царе

Обучалася наукам,
Благородным всяким штукам,
Стая целая девиц,
Дочерей высоких лиц,—
Пышный выводок дворянский.
Нынче здесь — Совет крестьянский
И рабочий. Захожу,
Рот разинувши, гляжу.
До чего все это ново:
Муравейник, право слово!
Шум веселый, беготня.
Окружили тут меня.
«Кто такой? Зачем? Откеда?»
Слово за слово — беседа.
Говорят такое вслух,
Что захватывает дух!
Как обнюхал я весь Смольный,
Вижу: вот где дух-то вольный!
Вот где волю нам куют,
Бьют,— промашки не дают.
Вот, подумал я, откуда
Ожидать нам надо чуда,—
Чуда, бунта — все равно:
Бунтовать бы нам давно!..

XVII

Что же сделал адвокат?
Наплевавши на солдат,
После доброй их подмоги
Обивать, злодей, пороги
К богачам пошел опять.
«Ах, должны же вы понять,
Что для вас я — друг ваш верный,
Ваш слуга нелицемерный
И что вас я под беду
Никогда не подведу.
Черный люд мы успокоим:
Предпарламентик устроим,
Членов так мы подберем,
Чтоб не пахло бунтарем.
Словом, будет — говорильня,
И буфетик, и курильня.

Пусть там малость погалдят:
Этим нам не повредят.
Мы к ним раз-другой заглянем,
Месяц как-нибудь протянем,
Через месяц поглядим:
Хорошо ли мы сидим?!»

Посидели две недели
И тормашкой полетели.
«Коемуждо поделом!»
Вышел сразу перелом.
Люд рабочий да солдаты,
Окружив дворцы-палаты,
Объявили власть *свою!*
Трудовой народ в бою.
Час назад войска шли мимо,
Видел Ваню я и Клима,
Может быть, в последний раз.

ПРОЩАНИЕ

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну? Что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.
Там, сложивши три перста,
У соснового креста
Средь высокого бурьяна
Помолитесь за Демьяна.
Жил, грешил, немножко пил,
Смертью грех свой искупил.

19 $\frac{25\ октября}{7\ ноября}$ 17 г.
Петроград

XVIII

В дни октябрьской славной схватки
Мы простилися, ребятки,
Я, готовясь пасть в бою,
Сам оплакал смерть свою.

Есть в том чудо, нет ли чуда,
Но... я жив еще покуда
И, буржуям на беду,
С вами речь опять веду...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тут я, братцы, ставлю точку.
Дайте, братцы, мне отсрочку.
Хоть пишу я и легко,
Но — ушел недалеко:
За околицу — не дале.
Мой рассказ на перевале,
На великой на горе —
«Большевистском Октябре».
Для трудящегося люда
Главный путь идет отсюда.
И по этому пути
Я и думаю идти.
Расскажу открыто, честно
Все, что дальше мне известно
О бедняге-батраке,
Об «Иване-дураке»;
Как и где он подвизался,
Как — на деле — оказался
Поумней он многих док:
Умостясь на передок,
В руки вожжи взял умело
И уверенно и смело
На неезженом коне
Покатил по целине.
Через степь и лес сосновый,
Через села, города,
Пролагая путь нам новый
В царство Правды и Труда!..

Ой вы, братцы, вы, Иваны,
Вы, дырявые карманы,
Непокорные чубы,—
Вы не кончили борьбы!
Далека еще победа,
Потрясите-ка соседа,
Поспрошайте на духу:
Чью хлебает он уху?

Не объелся ли он слишком,
Не мозгует ли умишком,
Как бы, мол, не опоздать —
«Дураков» всех обуздать?
А не время ль вам, ребятки,
Заводить свои порядки,
Чтоб никто потом не смог
Вас согнуть в бараний рог?
Батраки, сомкнитесь дружно!
Нам спаяться крепче нужно,
Общей силой приналечь,
Чтобы волю уберечь.
Не сдается наше горе!
Может быть, его мы вскоре,
Став ногой ему на грудь,
И осилим как-нибудь.
Общей силой приналяжем,
С ног собьем и крепко свяжем.
В цепи горе закуем
И повалим в гроб живьем.
Тешусь, братцы, я не блажью.
Верю я, что силу вражью
Мы сразим. Хотя пока
И трещат у нас бока.
Горе мы вскормили сами.
Горе крепло не часами:
Пот и кровь спокон веков
Выжимало с бедняков.
Горе чертово могуче —
И могуче и живуче,
Стоголовый злой дракон.
У дракона — свой закон,
И жрецы, и храмы. Словом,
Вы в драконе стоголовом
Обретете с двух шагов
Сразу всех своих врагов.
Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я писал не шутки ради,
Не для смеху, не для слез,
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему,

Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет!
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти,
Люд рабочий, батраки,
Все повыкрошим клыки?!

Москва, октябрь 1920 г.

НА СВЕТ!

Распроклятое ты наше житье
женское!
Распроклятое бабье житье!

(Из народных песен.)

«Всю те спину всполосую!» —
Разъярясь, что дикий зверь,
Дочь, раздетую, босую,
Батя вытолкал за дверь.
Вьюжный зимний день морозен,
Дышит холод ледяной.
Уж как грозен, грозен, грозен,
Грозен батюшка родной!

Говорил сосед соседу,
Опрокинув рюмок пять:
«Бей, сосед, жену к обеду,
Перед ужином — опять!
Мужичонкой станет хилым
Тот, кто водочки не пьет.
Век жене не будет милым,
Кто жены своей не бьет!»

Свекор злой трясет бородкой,
Брешет сыну про сноху:
«Будешь нянчиться с молодкой,
Беспременно быть греху!
В ней сидит, видать по роже,
Бес такой, что уй-ю-ю.
Слышь, держи жену построже,
Как держал я мать твою!»

Две старушки у обедни
Скорбью делятся одной:
Эту — зять побил намедни,
Эту сын побил родной.
К темным ликам дым кадильный
Вздохи женские несет:
«Ох-ти,— знать, лишь холм могильный
От побоев нас спасет!»

В церкви кто учил, не поп ли:
«Баба — грех, соблазн и гнусь»?!
Долго ль будут бабьи вопли
Оглашать родную Русь?
Бабы, выпрямите спины
И вводите баб в Совет!
Знайте, сестры, что дубины
Уж ничьей над вами нет!

Знайте, сестры: для народа
Самый злой и страшный враг —
Ночь, не знавшая исхода,
Вековой туман и мрак.
Обрели теперь мы крылья,
Рабский сбросили завет.
Приложите ж все усилья,
Чтоб нам вырваться на свет!

<1920>

ТРУД

Связь потеряв с обычной обстановкой,
Отдавшись весь работе фронтовой,
Ищу я слов, рифмующих с «винтовкой»,
Звучащих в лад с командой боевой.
Но слово есть одно, святое слово,
То слово — Труд. Оио горит огнем,
Оно звучит чеканно и сурово.
Вся наша мощь, все упованье в нем.
Товарищ, знай, справляя наш субботник:
К победе путь — тернист и каменист.
Кто коммунист — тот истинный работник,
Кто не работник — тот не коммунист!

3 октября 1920 г.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

(Поэма)

1917 — 7/XI — 1922

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется — клубный делец накрахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный,—
Мечется каждый, тревожно-взволнованный
Гулом и криками, издали слышными,
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы —
Русский и немец, француз и еврей
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки! —
С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
— Скорей!
— Скорей!
— Что же вы топчетесь, будто калеки?
Или измена таится и тут!
Духом одним с этой сволочью дышите?
— Слышите?..
— Слышите?..

— Слышите?..
— Слышите?..
— Вот они!.. Видите?.. Вот они, тут!
— Идут!
— Идут!
С силами, зревшими в нем, необъятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков, из переулков
Темных, размытых, разрытых, извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин,
Вышел — и все изменилося вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье,—
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:
Это — мое!!.
Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье,—
Это — мое!..
Библиотеки, театры, музеи;
Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье,—
Это — мое!..

Воем ответила Улица Главная.
Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
Вмиг ощетинясь штыками и пиками,
Главная Улица — страх позабыт! —
Вся огласилася воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фырканьем конским и дробью копыт.
Прыснули злобные пьяные шайки
Из полицейских, жандармских засад:

— Рысью... в атаку!
— Бери их в нагайки!
— Бей их прикладом!
— Гони их назад!
— Шашкою, шашкой, которые с флагами,
Чтобы вперед не сбирались ватагами,
Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,
Так их! Так!!
— В мире подобного нет безобразия!
— Темная масса!..
— Татарщина!..
— Азия.
— Хамы!..
— Мерзавцы!..
— Скоты!
— Подлецы!
— Вышла на Главную рожа суконная!
— Всыпала им жандармерия конная!
— Славно работали тоже донцы!
— Видели лозунги?
— Да, ядовитые!
— Чернь отступала, заметьте, грозя.
— Правда ль, что есть средь рабочих убитые?
— Жертвы... Без жертв, моя прелесть, нельзя!
— Впрок ли пойдут им уроки печальные?
— Что же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные.
Всюду кровавые смыты следы.
Улица злого полна ликования,
Залита светом вечерних огней.
Чистая публика всякого звания
Шаркает, чавкает снова на ней,
Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
Меряя срок своих чавканий вечностью,
Веруя твердо, что с рабской судьбой
Стерпится, свыкнется «хам огорошенный»,
Что не вернется разбитый, отброшенный,
Глухо рокочущий где-то прибой!

Снова...
Снова.
Бьет роковая волна...
Гнется гнилая основа...

Падает грузно стена.
— На!..
— На!..
— Раз-два,
Сильно!..
— Раз-два,
Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!
Грянул семнадцатый год!
— Кто там?
Кто там
Хнычет испуганно: «Стой!»
— Кто по лихим живоглотам
Выстрел дает холостой?
— Кто там виляет умильно?
К черту господских пролаз!
— Раз-два,
Сильно!!.
— Е-ще
Раз!!.
— Нам подхалимов не нужно!
Власть — весь рабочий народ!
— Раз-два,
Дружно!!.
— Раз-два,
В ход!!.
— Кто нас отсюдова тронет?
Силы не сыщется той!

. . . .

Главная Улица стонет
Под пролетарской пятой!

Эпилог

Петли, узлы колеи исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Грозные годы борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью льстивому:
«Вы победители! Падаем ниц».
Хныканью также не верьте трусливому:
«Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть нашу Улицу числят задворками
Рядом с Проспектом врага — Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем, уже не живым?!

Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катилися вспять?
Но, отступая пред силой неравною,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть прерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрыми звуками,
Громом живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний всемирный редут!..

1917 — 7 ноября 1922

Александр Безыменский

(1898—1973)

ПРИСЯГА

Душа навек тебе верна.
Ведь я твой сын, моя страна!

Мой путь широк. Мне цель ясна.
Я коммунист, моя страна!

Винтовка меткая грозна.
Я твой солдат, моя страна!

Я — чья рука тверда, сильна —
Строитель твой, моя страна!

Тобою жизнь моя красна.
Я твой поэт, моя страна!

В великой схватке мировой
Я знаменосец твой.

1918 (На I съезде РКСМ)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.
        Смелей вперед, и тверже шаг,
        И выше юношеский стяг!
        Мы — молодая гвардия
        Рабочих и крестьян.
Ведь сами испытали
Мы подневольный труд.
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.
        На душах цепь носили мы —
        Наследьем непроглядной тьмы.
        Мы — молодая гвардия
        Рабочих и крестьян.

И, обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работой
Богатство для других.
Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал бойцов,
Нас — молодую гвардию
Рабочих и крестьян.
Мы поднимаем знамя!
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда!
Чтоб Труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял,—
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

1922

НА ШТУРМ НЕБЕС

Скоро ль колесница по небу проедется
И отыщет где-то
Неба берега?
Хорошо напиться из ковша Медведицы
Или в шутку хапнуть месяц за рога,
Потушить Венеру,
Как свечу зажженную,
За хвосты кометы взять и потянуть,
Разметать созвездья пылью золоченою
Иль... ковром шикарным
Выстлать Млечный Путь.

Я припомнил эти детские мечтания
В час, когда собрался в небо полететь.
Я хочу изведать тайны мироздания,
Все его секреты разгадать суметь.

Я для взлета в космос
Колесницы выкатил.
Колесницы быстры, прочны и легки.
Я доставлю людям с солнца вечный
двигатель,
Привезу на Землю Марсовы станки.

Все, о чем мечтали сильные и смелые,
Мною претворялось в жизненный почин.
Дал я клятву миру: я хочу — я сделаю!
Я Мыслитель дерзкий. Коммунизма сын.

1920

ПАРТБИЛЕТ № 224332

Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю щупают,— в руках чего-то нет...

— Скажи мне, Партия, скажи мне, что ты ищешь?
И голос скорбный мне ответил: — Партбилет...

Один лишь маленький... а сердце задрожало.
Такой беды большой еще никто не знал!
Вчера, вчера лишь я его в руках держала,
Но смерть ударила — и партбилет упал...

— Эй, пролетарии! Во все стучите двери!
Неужли нет его и смерть уж так права?
Один лишь маленький, один билет потерян,
А в боевых рядах — зияющий провал...

Я слушал Партию и боль ее почуял.
Но сталью мускулов наполнилась рука:
— Ты слышишь, Партия? Тебе, тебе кричу я!
Тебя приветствует рабочий от станка.

Я в Партию иду. Я — сын Страны Советов.
Ты слышишь, Партия? Даю тебе обет:
Пройдут лишь месяцы — сто тысяч партбилетов
Заменят ленинский утраченный билет.

24 января 1924

ТОВАРИЩ ЛЕНИН

Он нам важен не как личность. В нем слилась
для нас свобода,
В нем слилось для нас стремленье, в нем —
веков борьбы гряда...

Он немыслим без рабочих, он немыслим без народа,
Он немыслим без движенья, он немыслим
без труда.
Царства гнета и насилья мы поставим на колени.
Мы — строители вселенной. Мы — любви живой
струя...
Он нам важен не как личность, он нам важен
не как гений,
А как символ: «Я не Ленин, но вот в Ленине —
и я».

1924

О ШАПКЕ

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Кто о женщине. Кто о тряпке.
Кто о песнях прошедших дней...
Кто о чем.
А я — о шапке,
Котиковой,
Моей.

Почему в ней такой я гордый?
Не глаза ведь под ней, а лучи.
Потому, что ее
По ордеру
Получил.

. . . .

В девятнадцатом, в Киев, на отдых
Я, усталый, приехать смог,
И покою два дня лишь отдав,
На третий — в окопы лег.

Мы, голодные, жизнь творили!
Но знали: есть голод — волк.
В этот день мы без пуль покорили
Восставший девятый полк.

Да, о шапке...
И вот оттуда
Голодранцем в Москву припер
И в Цека получил как чудо
Ордер
«На головной убор».

Ордер этот
В охапку.
В Распределитель — путь.
Получил я там — летом!
Шапку
Котиковую,
Не какую-нибудь...

. . . .

И теперь вот сейчас, сегодня,
Мимо салом заплывших витрин
Я шагаю, знаменем подняв
Шапку военных годин.

И теперь, что-нибудь покупая,
Выбирая ли, роясь в вещах,
Я об ордере прежнем мечтаю
И новых, идущих днях.

И прочтя бюллетень о банкноте
Или весть о борьбе биржевой,
Я гляжу на встревоженный котик
С думой грозовой:

Пусть катается кто-то на форде,
Проживает в десятках квартир...

Будет день:
Мы предъявим
Ордер
Не на шапку —
На мир.

1925

ФЕЛИКС

(Отрывки из поэмы)

ВЧК! ВЧК! ВЧК!
Нашей воли глаза и рука.
ВЧК! ВЧК! ВЧК!
Рука
Большевика.

О сын!
Если в сердце твое вместить
Всю радость и боль
Борьбы,
Всю сладость и горечь
Страстей,
Весь гнев и любовь
Станка,

Тогда ты узнал бы,
Может быть,
Что такое
ЧК.

И еще
Простое:
Строгий дом.
Лестницы. Люди. Свет.

В этом доме,
Очень простом,
Очень простой кабинет.

Пролило время над жестким столом
Воды бурливых рек.
В жестком кресле,
Очень простом,
Очень простой человек.
Время, шагай себе!
Время, не стой!
Но не стучи так хитро.
В маленькой ручке,
Очень простой,
Очень простое перо.

Черные буквы стекают с пера —
И человек поседел.
Легче, чем звук,
Тяжелей, чем гора,
Слово простое:
Расстрел.
Смерть!
Отчего? Почему?
Смерть!
Откуда? Куда?
Может быть,
Смерть,
Молодому, ему,
Дороги эти года.
...Ну, и что же?
Может быть,
Смерть,
Он хороший отец —
Детям любил он петь...
Может быть,
Смерть,
Много нежных сердец
Будут о нем скорбеть...
...Ну, и что же?
Может быть,
Смерть,
Он пошел против нас
Честным, прямым храбрецом.
Может быть,
Смерть,
Он свой смертный час
Встретит с открытым лицом.
...Ну, и что же?
Пусть пощадит одного завод!
Пусть хоть вот этот живет...
...Значит, он завтра
Смерть позовет,
Чтобы убить
Завод.
Каждому хочется мыслить и жить!
Жизнь ему сделай длинней...
...Значит, он завтра
Будет душить
Правду грядущих дней.

Он ведь чудак, если пара погон
Солнцем могла ему стать!
...Значит, он завтра
Начнет сапогом
Солнце твое топтать.
Завтрашний хлеб для него готов.
Пусть подождет курок...
...Значит, он завтра
Из сотен ртов
Вырвет последний кусок.
Время, шагай себе! Воля, гори!
Смело врага
Круши!
Значит:
Сердце свое
Запри,
Но —
Подпиши.
Вздыбило время над жестким столом
Волны бурливых рек.

В жестком кресле,
Очень простом,
Очень простой человек.

Провод кремлевский. Провод в Цека.
Провод от Ленина в город.
Вздрагивают мысли
От каждого звонка:
— Действуй немедленно... Срочно. Скоро.
Заговор, взрыв, саботаж и налет
Тотчас же эхом звучат в кабинете.
Требует жизнь —
Человек пошлет,
Спросит страна —
человек ответит.
— Обыск.— Разведку.— Поднять лагеря.
— Выпустить...— Взять, никого не пуская!
В провод из провода,
Руша,
Творя,
Переливается воля людская.
Маленькой стрелкой часы на стене
Вытерли дважды лицо циферблата.

Время устало.
Но он обо сне,
Видно, забыл,
И кровать не смята.

Скрыта простая складная кровать.
Тут же, за ширмой, в простом кабинете.

Вдруг,—
Телефоны устали звать.
Значит,
Спокойнее стало на свете;
Значит,
Исполнен последний приказ;
Значит,
Заснул он —
Стальной и хрупкий...
...А на столе
Остывают на час
Горячие телефонные трубки.

Автомобиль
Качается, как лодка.
Автомобилья походка
Легка.
Кремль — Совнарком — Наркомпрос — Цека.

А человек
На подушках черных
Тоже качается в лодке мечты:
— Надо создать
Колонии безпризорных.
Дети,
О дети нашей нищеты!
Автомобиль
Качается, как лодка.
Автомобилья походка легка.
Кремль — Совнарком — Наркомпрос — Цека.

А человек,
И спокойный и пылкий,
Тихо по сердцу проводит рукой:

— От Верхоленска
Бежал из ссылки
Тоже на лодке,
Но не такой...

Автомобиль
Качается, как лодка.
Автомобилья походка
Легка.
Кремль — Совнарком — Наркомпрос — Цека.
Вдруг человек
Начинает смеяться:
— Только наладим чуть-чуть —
Утеку!
Надо теперь
В Наркомпрос перебраться.
...Кстати:
Пора упразднить УЧЕКУ.
Автомобиль
Качается, как лодка.
Автомобилья походка
Легка.

Стоп.
ВЧК...
Срок человека
Никем не измерен.
Миг —
          и уже на последней черте.
Кто-то
К партии
Ласковым зверем
Крался на тридцать восьмой версте.

Партия!
Жизни бурлящие воды.
Партия!
Горы невиданных дел.
Партия!
Все, чем дышал он все годы.
Партия!
Все, для чего он горел...

Кто-то грозил ей
Жестоким обманом...
Стой! Отодвинься! Ни шагу тебе!
Сердце, и цифры, и воля, и планы
Будут оружием
В этой борьбе.

Вспыхнуло сердце
В последней атаке...

— Доктора!
Боль горяча и тупа.
— Доктора!..
Зря.
Зашатался факел

И упал.

Кто это времени скажет: «Стой!»?
Времени четок бег.

. . . .

В черной постели,
Очень простой,
Очень простой человек.
Сгорел человек...
Нет,
Горит человек!
Не залить его тысячам рек!
Горит человек,
Не сгорит человек
Вовек.

Идет человек,
Простой человек,
По земле нищеты и калек.

Пришел человек,
Простой человек,
И звериные когти отсек.

Горит человек,
Не сгорит человек,
Если жизнь, как и он, широка.

Горит человек,
Не сгорит человек
В пылающем сердце
Большевика.

1926

КРЕМЛЬ. 1918

(Фрагмент)

...Да. Грозен враг. Но правде, не робея,
Глядят в глаза, чтоб выбрать путь
в борьбе.
Ведь нет врага опасней и страшнее,
Чем слово лжи народу и себе!
А путь один: поднять массив народа,
Его учить хозяйствовать в стране,
Вести учет, налаживать заводы,
Работать так, чтоб все давать втройне.
Страна теперь — Советская Россия,
Где правят люди плуга и станка.
А с нею в жизнь пришла такая сила,
Какой вовек не ведали века.

3

Миру не надобен взор ясновидца,
Чтобы сказать, не боясь ошибиться:
Где-то в России
В это мгновенье
Армии Красной
Пришло пополненье.
Где-то в России
В это мгновенье
Школою стало
Былое именье.
Где-то сегодня
В это мгновенье
На спекулянтов
Идут в наступленье,
И командиры
Фабричной заставы
Входят в квартиры
Чекистской облавой.

Вот они, склады
Муки и ботинок!
Бей без пощады
Дьявольский рынок!
Шарь по закутам
Мечом народным!
Обувь — разутым,
Хлеб — голодным!
Где-то сегодня
Семья пролетарки
В солнечный дом
Перешла из хибарки.
Где-то сегодня
В Тьмутаракани
Землю помещика
Делят крестьяне.
Питерцы снова
Этой ночью
Двинут в провинцию
Сотни рабочих.
В битве бесстрашны,
В стройке умелы,
Кто в продотряды,
Кто в продотделы.
Вы не спасетесь,
Кулацкие шкуры!
Крепок в работе
Костяк диктатуры!
В села — ижорцы,
Путиловцы — в город,
Людям помощники,
Власти опора...
Всюду сейчас
В партячейки, в Советы
Толпы людей
Пришагали с рассвета.
Этому дай
Керосин и железо,
Этому — книги
Для школы ликбеза,
Этим — оружие,
Этим — одёжу,
Этому выдай
Союз молодежи.

Где-то декрета
Понять не сумели
Иль разобраться
В банковском деле.
Требуют где-то
Правил подхода
И к инженеру,
И к счетоводу.
Людям нужны
Мастера многополья,
Зоркая помощь
В рабочем контроле,
Ясность дороги,
Четкость заданья,
Опыт и навык,
Уменье и знанье.
Каждый проходит
Учиться и слушать,
Силы набраться,
Выложить душу.
Все эти люди
В советской отчизне —
Воины власти,
Хозяева жизни.
Люди труда,
Бедняки, санкюлоты,—
После веков
Подневольной работы,
Гнусного гнета
И злого мытарства
Строят сегодня
Свое государство.
Люди такие
Не выронят знамя,
В мир принесенное
Большевиками!

В дело родное —
Вся сила и страсть!..

Вот что такое
Советская власть.

Середина 20-х гг.

НА ТОМ СТОИМ

> **«Мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации начистоту».**
>
> *В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, с. 58.*

Нам правда не страшна.
Мы сдюжили такое,
Чего другим не одолеть вовек.
А коммунист —
Такой уж человек,
Что он не любит зряшного покоя.
Мы столько делаем хорошего для всех,
Что нам нельзя,
Мы не имеем права
Скрывать ошибку, неполадку, грех,
Собой пятнающие солнце нашей славы.
Нам нужно знать о всем,
чтоб в яростной борьбе
Не допускать ни промаха, ни фальши.
Опасней нет пути,
чем лгать самим себе:
Плохого не избыв, трудней шагать нам дальше.
В стране, что с каждым днем становится мощней
Где миллионы рук сплели свои усилья,
Где люди обрели космические крылья,—
Счастливый мир труда, мир братства всех людей
Стал ленинской, земною, зримой былью.
Те тысячи чудес, что смог народ свершить,
Превыше и прочней всех мировых рекордов.
О том, что есть у нас, мы можем говорить
С глубокой радостью, спокойно, просто, гордо.
Нам, право, ни к чему ни спесь, ни хвастовство.
Страсть позолачивать плохое неуместна.
Нам приукрашивать не надо ничего,
Всю правду обо всем выкладывая честно.
Мы не боимся никаких преград.
Нас не сломить врагам, дельцам, пролазам,
Лишь был бы зорким
наш партийный взгляд,
Лишь был бы ясным
наш партийный разум.

Построит коммунизм родимая страна.
Наш путь великий прям и неизменен.
Мы зорки. Мы сильны. Нам правда не страшна.
На том стоим мы.
Так учил нас
Ленин!

1967

УРОКИ ИСТОРИИ

Взошла заря людского счастья,
Свободы яркая заря,
В заглавный день Советской власти —
В день двадцать пятый
Октября.

Враги страны, все их клевреты
В печати начали своей
Кричать, что сгинет
Власть Советов
В три дня!
В неделю!
В десять дней!

С тех пор минуло полстолетья.
Не дрогнул сердцем наш народ!
Пророков злобных нет на свете,
А власть Советская — живет!

Чтоб властелинами остаться,
На нашу власть пошли войной
Все мироеды,
Тунеядцы,
Вся свора
Нечисти земной.

Мы раздавили эту силу.
Белогвардейский гнусный сброд
Давным-давно гниет в могилах,
А власть Советская —
Живет!
Вели мы битвы мировые,
Круг интервентов разорвав,

На четвереньках из России
Ползли четырнадцать держав.
Мы у Хасана
Вражью стаю
Поднять сумели на штыки.
Мы разгромили,
Мир спасая,
Фашистов черные полки.

Немало нами пережито,
Но правда жизни такова,
Что все мечты врагов разбиты,
А власть Советская —
Жива!

Не победить того народа,
Что стал свободным, власть беря
В огне семнадцатого года,
В день двадцать пятый Октября.

1967

Александр Блок

(1880—1921)

ДВЕНАДЦАТЬ

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер —
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер!
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что́ значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?

Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...
А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что́ ныиче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали...—
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад.
Кру́тит подолы,
Прохожих ко́сит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительиому Собранию»...
И слова доносит:

...И у нас было собраиие...
...Вот в этом здании...
...Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на́ ночь — двадцать пять...
...И меньше — ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.

Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что́ впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!
— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революцьонный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовýю,
В избянýю,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
Елекстрический фонарик
На оглобельках...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
    Да покручивает,
    Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
    Катьку-дуру обнимает,
        Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
    Ах ты, Катя, моя Катя,
        Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

    Эх, эх, попляши!
    Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

    Эх, эх, поблуди!
    Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

    Эх, эх, освежи,
    Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Мииьои жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреши!
Будет легче для души!

6

...Опять иавстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Аидрюха, помогай!
Петруха, сзаду забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу сиежный прах!..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Взводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,

. . . .

Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва!
Прострелениая голова!

Что́, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Революцьоиый держите шаг!
Неугомоиный не дремлет враг!

7

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шее —
Не оправиться никак...

— Что́, товарищ, ты не весел?
— Что́, дружок, оторопел?
— Что́, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба, что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидавае́т,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте етажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

8

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоея...

Скучно!

9

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городового —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жмется шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
    Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
Не видать совсем друг друга!
    За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революцьонный!
Близок враг неугомонный!

    Вперед, вперед, вперед,
        Рабочий народ!

11

...И идут без имени святого
    Все двенадцать — вдаль.
        Ко всему готовы,
        Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

        В очи бьется
        Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга́ пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

12

...Вдаль идут державным шагом...
— Кто еще там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный.
— Кто в сугробе — выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный...
— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Январь 1918

СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Владимир Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет,— нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

З. ГИППИУС

(При получении «Последних стихов»)

Женщина, безумная гордячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневами звенящих строк!

Все слова — как ненависти жала,
Все слова — как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвие целую, глядя в даль...

Но в дали я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне — бросаться в многопенный вал,
Вам — зеленоглазою наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.

Высоко — над нами — над волнами, —
Как заря над черными скалами —
Веет знамя — Интернацьонал!

1—6 июня 1918

Валерий
Брюсов

(1873—1924)

РОССИИ

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукрощенных бурь,—
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь!

Россия! в злые дни Батыя,
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От чингисхановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра,—
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь,—
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам лишь вершить, что ты решила,
Нам быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

1919

НАМ ПРОБА

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма,
Жизнь вкруг свистит льдяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма.

Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»

Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветр, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.

В час бури ропот — вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань, как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь!

Строг выбор: строй, рази — иль падай!
Нам нужен — воин, кормчий, страж!
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот не наш!

Гордись, хоть миги жгли б, как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

1919

ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА

Есть месяцы, отмеченные Роком
В календаре столетий. Кто сотрет
На мировых скрижалях *иды марта,*
Когда последний римский вольнолюбец
Тирану в грудь направил свой клинок?
Как позабыть, в холодно-мглистом полдне,
Строй дерзких, град картечи, все, что слито
С глухим *четырнадцатым декабря?*

Как знамена, кровавым блеском реют
Над морем Революции Великой
Двадцатое июня, и *десятый*
День августа, и скорбный день — *брюмер.*
Та ж Франция явила два пыланья —
Февральской и *июльской* новизны.
Но выше всех над датами святыми,
Над *декабрем,* чем светел пятый год,
Над *февралем* семнадцатого года,
Сверкаешь ты, слепительный *Октябрь,*
Преобразивший сумрачную осень
В ликующую силами весну,
Зажегший новый день над дряхлой жизнью
И, заревом немеркнущим, победно
Нам озаривший правый путь в веках!

1919

ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жизнью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть,—
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть!

Мы пугаем. Да, мы дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет,—

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик,—
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневной
Шум ее, и гул, и гам,—
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

ТРУД

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут,—
Золотых, стальных, алмазных,—
Нет священней слова: «Труд!»

Троглодит стал человеком
В тот заветный день, когда
Он сошник повел к просе́кам,
Начиная круг труда.

Все, что пьем мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Все довольство жизни нашей,
Все, чем красен каждый дом.

Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лет бесследный,
Все — наследие трудов!

Все искусства, знанья, книги —
Воплощенные труды!
В каждом шаге, в каждом миге
Явно видны их следы.

И на место в жизни право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам — слава,
Только им — венок в веках!

Но когда заря смеется,
Встретив позднюю звезду,—
Что за радость в душу льется
Всех, кто бодро встал к труду!

И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награжден,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершен!

1919

ПОД ГУЛЫ И ВЗРЫВЫ

Вихри войны, кони гибели, не успокоены,
Роя просторы, опоры былого крушат;
В городе черны разломанных окон пробоины,
Громко развалины вопят о днях баррикад.

Ропотом моря вся жизнь вдохновенно взволнована,
Взносит свой гребень встающая к звездам волна:
В шторме, растущем безмерно, стихия раскована,
Даль заполняет потоком победным она.

В грозных разгромах, в гудящей над миром мятежности,
В празднике бури, в неистовстве молний, в громах,
Что же мы двое, с мечтой о целительной нежности,
С трепетной песней о счастьи немом на устах?

Легкие листики, взвеяны в сумрачной бурности,
Будем раздавлены, смяты, растоптаны мы
Шагом народов к великой, к всеобщей лазурности,
Ляжем, разъяты,— обломки рассеянной тьмы?

Нет, в нашей страсти все тот же порыв напряженности,
Отзвук циклона, влекущего мир на свой суд!
Сладко нам реять над алым провалом бездонности,
Сладко под гулы и взрывы свой строить уют.

С вами, кто рушат и зиждут, не тайные нити ли
Вяжут нас, дерзких, в пожаре поющих любовь?
В жизни, идущей на смену векам, мы строители
Вечного храма надежд, восстающего вновь!

11.XI.1920

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ (1917—1920)

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клети,
Нищих вали по пути;

Догоняй поезда на уклонах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожа на мешках с крупой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;

В городах бесфонарных, беззаборных,
Где пляшет Нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там: на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай,—
Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнем опаляй!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под гром,
Не дружно ли, общею грудью,
Мы новые гимны поем?

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!

Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопя над встревоженным миром
Золотую зарю времен.

Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрях, в тоске, в нищете,
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;

Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой все властней, все державней
Земные ведет племена!

7 октября 1920

К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Все вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дробишь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! Яростно прянув,
Ты взвил потревоженных прах.
Оседает гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток,—
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке,—
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий,
Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

4 декабря 1920

* * *

Я вырастал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих,
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих.

Но смутно слышались мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год пятый прошумел далекий,
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен Февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

1920

СССР

Эй, звезда, отвечай, на потеху ли
Ты навстречу солнцу летишь?
Не к созвездью ль Геракла доехали
Мы чрез миро-эфирную тишь?

Мимо — сотнями разные млечности,
Клубы всяких туманностей — сквозь!
Ну, а эти кометы,— им меч нести
Вдоль Земли, вдоль Земли, на авось!

Ах, не так ли Египты, Ассирии,
Римы, Франции, всяческий бред,—
Те имперней, те утлее, сирее,—
Все — в былое, в запруду, в запрет!

Так в великом крушеньи — давно ль оно?) —
Троны, царства, империи — вдрызг!
Где из прежнего моря дозволено
Доплеснуть до сегодня лишь брызг.

Иль напрасно над хламом изодранным
Знамя красное взвито в свой срок?
Не с покона ль веков эта хорда нам
Намечала наш путь поперек?

Эй, Европа, ответь, не комете ли
Ты подобна в огнях наших сфер?
Не созвездье Геракла наметили
Мы, стяг выкинув — Эс-эс-эс-эр?

4.7.1923

ЗСФСР

Планеты и Солнце: Союз и Республики строем.
Вождь правит ряды, он их двоит и троит.
Вот на дальней орбите сбираются в круг сателлиты.
Не малые ль зерна в могучий шар слиты?
Где уже притяженье иных, нам почти чуждых сфер,
Новый мир засветился: Зэ-эс-эф-эс-эр.

Как много в немногом! От отмелей плоских, где Каспий
Вышками с нефтью поет стародавние сказки,
За скалы Дарьяла, где, в вихре вседневных истерик,
О старой Тамаре рыдальствует Терек,
До стран, где, былыми виденьями тешится рад,
Глядит к Алагязе седой Арарат!

Как много! И сколько преданий! От дней Атлантиды
Несут откровенья до нас яфетиды;
Здесь — тень диадохов! там — римских провинций границы!
Там длань Тамерлана и бич его снится!

И снова тут сплочен, в проломе всемирных ворот,
К труду и надеждам свободный народ.
Привет племенам, что века и века враждовали,
Но вызваны к жизни в великом развале
Империй и царств! Вы звездой загорелись на сфере!
Вы — силы земли! Вы — кровь нови! И верим:
Путь держат один к свету из древних пещер и трясин
Абхазец и тюрк, армянин и грузин! [1]

19.I.1924

МАГИСТРАЛЬ

Были лемуры, атланты и прочие...
Были Египты, Эллады и Рим...
Варвары, грузы империй ворочая,
Лишь наводили на мир новый грим...

Карты пестрели потом под феодами,—
Чтоб королям клочья стран собирать...
Рушились троны и крепли... И одами
Славили музы борьбу, рать на рать...

Царства плотились в Союзы, в Империи,
Башнями строя штыки в высоту...
Новый бой шел за земные артерии...
Азию, Африку, все — под пяту!..

Труд поникал у машин и над нивами...
Армии шли — убивать, умирать...
Кто-то, чтоб взять всю добычу, ленивыми
Пальцами двигал борьбу, рать на рать.

Было так, длилось под разными флагами,
С Семирамиды до Пуанкаре...
Кто-то, засев властелином над благами,
Тесно сжимал роковое каре.

---

[1] Сателлиты — здесь планеты-спутники; Алагяз (Алагяза) — «В народных армянских песнях гора Арарат олицетворяется в образе седого старика и стоящая рядом с ним гора Алагяз, или Алагяза,— в образе красивой девушки» (*Прим. В. Брюсова); яфетиды* — древнейшие народы; диадохи — общее название для ближайших преемников Александра Македонского, основателей так называемых «эллинистических» царств.

Небо сияло над гордыми, зваными...
Жизнь миллионов плелась в их руках...
Но — ветер взвыл над людскими саваннами,
Буря, что издавна тлела в веках.

И грань легла меж прошлым и грядущим,
Отмечена там где-то дата дат:
Из гроз последних лет пред миром ждущим,
Под красным стягом встал иной солдат.

Мир раскололся на две половины:
Они и мы! Мы — юны, скудны,— но
В веках скользим с могуществом лавины,
И шар земной сплотить нам суждено!

Союз Республик! В новой магистрали
Сольют свой путь все племена Европ,
Америк, Азий, Африк и Австралий,
Чтоб скрыть в цветах былых столетий гроб [1].

20—25.I.1924

ЛЕНИН

Кто был он? Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь Октябрьских Ленин
На рубеже, как великан.

---

[1] «Лемуры, атланты — полумифические расы, создатели первых культур на земле» *(Прим. В. Брюсова)*; Семирамида — легендарная ассирийская царица IX в. до н. э.; Раймон Пуанкаре — президент Франции с 1913 по 1920 г.

Земля! Зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

1924

Павел Васильев

(1910—1937)

К ПОРТРЕТУ СТЕПАНА РАДАЛОВА

Кузнец тебя выковал и пустил
По свету гулять таким,
И мы с удивленьем теперь тебе
В лицо рябое глядим.

Ты встал и, смеясь чуть-чуть, напролом
Сквозь тесный строй городьбы
Прошел стремительный, как топор,
В руках плечистой судьбы.

Ты мчал командармом вьюг и побед,
Обласкан огнем и пургой,
Остались следы твоего коня
Под Омском и под Ургой.

И если глаза сощурить — взойдет
Туман дымовых завес,
Голодные роты идут, поют,
Со штыками наперевес.

И если глаза сощурить — опять
Полыни, тайга и лед,
И встанет закат, и Омск падет,
И Владивосток падет.

Ты вновь поднимаешь знамя, ты вновь
На взмыленном Воронке,
И звонкою кровью течет заря
На занесенном клинке.

Полтысячи острых, крутых копыт
Взлетают, преграды сбив,
Проносят кони твоих солдат
Косматые птицы грив.

И этот высокий, крепкий закал
Ты выдержал до конца —
Сын трех революций, сын всей страны,
Сын прачки и кузнеца!

Едва ли, едва ли... Нет, никогда!
На прошлом поставлен крест.
Как раньше вел эскадроны — теперь
Ведешь в наступленье трест.

Смеются глаза. И твоей руки
Верней не бывало и нет.
И крепко знают солдаты твои
Тебя, командарма побед.

1931

ПОВЕСТВОВАНИЕ О РЕКЕ КУЛЬДЖЕ

Мы никогда не состаримся, никогда,
Мы молоды, как один,
О, как весела, молода вода,
Толпящаяся у плотин!

Мы никогда
Не состаримся,
Никогда,
Мы молоды до седин.
Над этой страной,
Над зарею встань
И взглядом пересеки
Песчаный шелк — дорогую ткань.
Сколько веков седел Тянь-Шань,
И сколько веков пески?

Грохочут кибитки в седой пыли.
Куда ты ни кинешь взор —
Бычьим стадом камни легли
У синей стужи озер.

В песке и камне деревья растут,
Их листья острей ножа.
И, может быть, тысячу весен тут
Томилась река Кульджа.

В ее глубине сияла гроза
И, выкипев добела,
То рыжим закатом пела в глаза,
То яблонями цвела.

И голову каждой своей волны
Мозжила о ребра скал.
И, рдея из выстуженной глубины,
Летел ледяной обвал.

Когда ж на заре
Табуны коней,
Копыта в багульник врыв,
Трубили,
Кульджа рядилась сильней,
Как будто бы Азия вся на ней
Стелила свои ковры.

Но пороховой
Девятнадцатый год,
Он был суров, огнелиц!
Но тяжелей снарядов полет
Тяжелокрылых птиц!

Тогда Кульджи багровела зыбь,
Глотала свинец она.
И в камышах трехдюймовая выпь
Протяжно пела: «В-в-ой-на!»

Был прогнан в пустыню шакал и волк.
И здесь сквозь песчаный шелк
Шел Пятой армии пятый полк
И двадцать четвертый полк.

Страны тянь-шаньской каменный сад
От крови
И от знамен алел.
Пятнадцать месяцев в нем подряд
Октябрьский ветер гудел.

Он шел с штыками наперевес
Дорогою Аю-Кеш,
Он рвался чрез рукопожатья и чрез
Тревожный шепот депеш.

Он падал, расстрелян, у наших ног
В колючий ржавый бурьян,
Он нес махорки синий дымок
И запевал «Шарабан».

Походная кухня его, дребезжа,
Валилась в приречный ил.
Ты помнишь его дыханье, Кульджа,
И тех, кто его творил?

По-разному убегали года.
Верблюды — видела ты? —
Вдруг перекидывались в поезда
И, грохоча, летели туда,
Где перекидывались мосты.

Затем
Со штыками наперевес
Шли люди, валясь в траву,
Чтоб снова ты чудо из всех чудес
Увидела наяву.

Вновь прогнан в пустыню
Шакал и волк.
Песков разрывая шелк,
Пришел и пятый стрелковый полк
И двадцать четвертый полк.

Удары штыка и кирки удар
Не равны ль? По пояс гол,
Ими
Руководит комиссар,
Который тогда их вел.

И ты узнаешь, Кульджа: «Они!»
Ты всплескиваешь в ладоши, и тут
Они разжигают кругом огни,
Смеются, песни поют.

И ты узнаешь, Кульджа,— вон тот,
Руками взмахнув, упал,
И ты узнаешь
Девятнадцатый год
И лучших его запевал!

И ты узнаешь
Девятнадцатый год!
Высоким солнцем нагрет,
Недаром октябрьский ветер гудет,
Рокочет пятнадцать лет.

Над этой страной,
Над зарею встань
И взглядом пересеки
Песчаный шелк, дорогую ткань.
Сколько веков седел Тянь-Шань,
И сколько веков пески?

Но не остынет слово мое,
И кирок не смолкнет звон.
Вздымается дамб крутое литье,
И взята Кульджа в бетон.

Мы никогда не состаримся, никогда.
Мы молоды до седин.
О, как весела, молода вода,
Толпящаяся у плотин!

Волна — острей стального ножа —
Форелью плещет у дамб —
Второю молодостью Кульджа
Грохочет по проводам.

В ауле Тыс огневее лис
Огни и огни видны,
Сияет в лампах аула Тыс
Гроза ее глубины.

1932

ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

Твоих стихов простонародный говор
Меня сегодня утром разбудил.
Мне дорог он,
Мне близок он и мил,
По совести — я не хочу другого
Сегодня слушать... Будто лемеха
Передо мной прошли, в упорстве диком
Взрывая землю...
Сколько струн в великом
Мужичьем сердце каждого стиха!

Не жидкая скупая позолота,
Не баловства кафтанчик продувной,—
Строителя огромная работа
Развернута сказаньем предо мной.
В ней — всюду труд, усилья непрестанны,
Сияют буквы, высятся слова.
Я вижу, засучивши рукава,
Работают на нивах великаны.

Блестит венцом
Пот на челе творца,
Не доблести ль отличье эти росы?
Мир поднялся не щелканьем скворца,
А славною рукой каменотеса.
И скучно нам со стороны глядеть,
Как прыгают по веткам пустомели —
На улицах твоя гремела медь,
Они в скворешнях
Для подружек пели.
В их приютившем, солнечном краю,
Завидев толпы, прятались с испугу,
Я ясно вижу, мой певец, твою
Любимую прекрасную подругу.
На целом свете нету ни одной
Подобной ей —
Ее повсюду знают,
Ее зовут Советскою Страной,
Страною счастья также называют.

Ты ей в хвалу
Не пожалеешь слов,
Рванешься стаей соловьиной в кличе...
Заткнув за пояс все цветы лугов,
Огромная проходит Беатриче.
Она рождалась под несметный топ
Несметных конниц,
Под дымком шрапнели,
Когда под саблей падал Перекоп,
Когда в бою
Демьяна песни пели!
Как никому, завидую тебе,
Обветрившему песней миллионы,
Несущему в победах и борьбе
Поэзии багровые знамена!

1936

Александр Вермишев

(1879—1919)

ПЛОЩАДЬ ДВОРЦОВАЯ

Дождь моросит. Мостовая торцовая
Блеском багряным искрит.
Вновь ощетинясь штыками, Дворцовая
Грозно клокочет, бурлит.
Искра свободы пылает пожарищем
Над разорённой землей...
Вся власть Советам!
Свобода, товарищи! —
Клич пролетел над страной...
Прошлое кажется сном позабытым,
Свергнут кровавый престол,
А над Дворцовой, с короною сбитой,
Злеет двуглавый орел.
В Зимнем засели министры продажные,
Гонят народ на войну...
Пышные речи... посулы бумажные
Голодом душат страну.
Час наступает. Трепещет тирания —
Свора матерых волков...
Мщенье за слезы и муки, страдания,
Стон матерей и отцов!
В бой за Советы!
За власть пролетария!
Только вперед! Час настал...
Весть захлестнула волной
полушария.
Дрогнул титан-капитал.
Дождь моросит. Мостовая торцовая
Блеском багряным искрит...
Алыми стягами площадь Дворцовая
Пламенем ярким горит.

1917

«АВРОРА»

Вздохнули пушки на Неве,
Ударил гром, и крик «ура»
Раздался в грозной тишине,
И... то, что было лишь вчера,
Взаплечье кануло во мгле.
И светлый луч, блеснувший над Невою,
Вдруг заискрился новою зарею.
Ты зарево всемирного раздо́ра
Зажгла во мгле, красавица «Аврора»!

1917

ХМУРОЕ УТРО

Хмурое утро. По улице тихой
Мерно шагает рабочий отряд.
Иглами хлещет порывистый вихрь
В лица обветренные ребят.
Кутаясь зябко в скупой одежонке,
Руки за пазухой сжавши в кулак,
Мерно идут... слышен говор негромкий,
Тает предутренний мрак.
ПЕРВОЕ УТРО СВОБОДНОЙ РОССИИ.
Скоро забытое солнце взойдет.
Верьте, товарищи, братья родные,
Счастье оно принесет.

1917

НОВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

(Агитплакат)

Интриги, кляузы, раздоры,
Пустые бредни, наговоры,
Ехидство, сплетни, суета,
Высокомерье, клевета,
Зазнайство, зависть, дрязги, склоки,
Распутство, скверные пороки,
Жестокость, алчность — вот они,
Твои заклятые враги.

1918

«ЧТО ГЛАВНОЕ СЕГОДНЯ?»

Что главное сегодня? Сражаясь, умереть
Или дрожа стареть,
Всю жизнь испытывая совести укоры,
Уныло опуская взоры,
Явив овечее смиренье,
Нести кошмарное пятно презренья
И, извиваясь, пресмыкаться в раболепье?
Кому нужно такое долголетье?
Чем в рабстве вечно прозябать,
Не лучше ль, в битве умирая,
Смерть бессмертьем побеждать?

1918

РАБОЧИЙ КЛАСС

Чьи мозолистые руки
Все богатства создают?
Кто не знает праздной скуки?
Чей девиз: свобода — труд?
Кто в борьбе за власть Советов
Поднял дух народных масс,
Кто эсеров и кадетов
Разгромил?
Рабочий класс!
Он с крестьянином в союзе
Революцию свершил
И буржуев толстопузых
С богатырских плеч свалил.
Пусть теперь дрожит пред нами
И заводчик и банкир...
Мы подняли правды знамя —
Справедливость, братство, мир!

1919

* * *

Мы победим, мы это твердо знаем.
Не потому, что мы оружием сильны,
А потому, что наша правда с нами,
А с ней не будем мы побеждены.

1919

НАШ СТЯГ

Со всех концов, и с севера и с юга,
С востока, с запада, сжимается кольцо.
На нас ползет двуглавая гадюка,
Исчадье ада, свора подлецов.
Пытают, вешают и ставят к стенке...
И алый стяг наш кровью обагрен.

Знамена всех цветов и всех оттенков
Своею правдой затмевает он,
В нем сила и могущество народа,
Эпохи нашей героической заря,
В нем гордость наша, мужество, свобода
И золотое солнце Октября!

1919, Южный фронт

Николай Власов-Окский

(1888—1947)

ДАЙТЕ ПЕСЕН!

Мир стал узок, мир стал тесен!
После рабства и оков
Дайте новых, светлых песен,
Огневых, зазывных слов!

Ваши речи устарели.
Песня ваша — перепев.
Звуки плачущей свирели
Заглушил народный гнев...

Тьма исчезла... Нет ненастья...
Пали башни и дворцы...
Песен радости и счастья
Дайте, новые певцы!

1917

ХОРОВОД РЕВОЛЮЦИЙ

Сотрясаются троны, ниспадают короны.
Низвергается в море за тираном тиран.
Льются красные звоны. И звучат уж не стоны,
А победные клики. Враг сдыхает от ран.

Во вселенной безбрежной дух витает мятежный,
Революций кровавых уж гудит хоровод.
И бунтарь неуслежный рвется в мир зарубежный,
И несет неустанно огнь восстаний вперед.

Зашумели народы, словно вешние воды.
Скоро огнь революций жизнь изменит всех стран.
Позабудутся годы древнеликой невзгоды.
Близок час, когда сгинет в мире поздний тиран!

1917 или 1918

РЕШИМОСТЬ

Матери моей —
Т. А. Власовой

Стою я у порога
Великих слов и дел.
Далекая дорога!
Неведомый удел!

Невзойденные кручи
Угрюмых, хмурых гор;
Маячит из-за тучи
Мне солнечный узор.

Не знаю, что теряю,
Не знаю, что найду,
И к аду или раю
Приду я, но — приду!

1919

К ТРУДУ!

Работа, работа, работа,
Упорный, настойчивый труд —
Они, лишь они нас в ворота
Невиданной яви зовут.

Упорной работой строенье
Великое мы возведем.
Трудами и рук и мышленья
Подлунь, как невесту, в цветенье
Небывшее мы уберем.

Трудитесь, кто может, руками,
Трудитесь, кто может, умом,
Сохою, пилой, молотками,
Кирками, ланцетом, смычками,
Резцами, кистями, пером.

Пусть будет одна лишь забота
У тех, кто к расцвету идут:
Работа, работа, работа,
Упорный, настойчивый труд!

1920

КРАСНЫЙ ВЗМАХ

По всей Вселенной Красный Взмах
Рассеял сети дряблой Хмури.
Но и в Долинах и в Горах
Еще звучат напевы Бури.
Умолкнет гневный Ураган,
И — из-за Туч, как сквозь оконце,—
На возрожденный Океан
Свои лучи уронит Солнце.

11 сентября 1920

Михаил Герасимов

(1889—1939)

ВОЖДЮ

Философ, социолог, гений,
Рожденный меж фабричных труб,
Пророк невиданных стремлений,
Живых лесов могучий дуб.

Великий Маркс! С набатной силой
Твой голос бьет, могуч и строг,
Над буржуазною могилой,
Над дряхлым миром трубит в рог.

Твой голос там, где гул машины,
Проклятье нищенской судьбы,
Рабочих согнутые спины
Ты распрямляешь для борьбы.

Ты первый, кто взлетел над бездной,
Чей дух над фабрикой витал,
Один проник в «закон железный»,
Постиг всесильный капитал.

И не проклятья, не молитвы,
Не жертвенный кадильный дым,
Зажег ты буйно пламя битвы
Над миром дряхлым и седым.

Учитель, мужественный, мудрый,
Ты другом был в тяжелый час,
Твой образ, лик твой среброкудрый
У баррикад бодрили нас.

Мы верили — за этой кровью,
За троном Биржи и Царя,
Весь мир труда одев любовью,
Взойдет вселенская заря.

1917

* * *

Мы победим, клокочет сила
В нас — пролетариях всех стран.
Веками скрыто, что бурлило,—
Воспламенилось, как вулкан.

Мы, огнемечущая Этна,
Сорвали пыльный шлак оков.
Душа рабочая, бессмертна,
Воскресла из гробниц веков.

Зарей крылатою одеты,
Мы в небо дерзостно взлетим,
Громокипящею кометой
Прорежем Млечные Пути.

Космические миллионы,
Вонзимся в старый мир Стожар,
В созвездьях белых Ориона
Взвихрим восстания пожар.

Мы проведем на кратер лунный
Стальные стрелы красных рельс,
В лучисто-млечные лагуны
Вонзится наш победный рейс.

Мы рук мозолистых спаяньем
Меридианы облегли,
Солнц электрических сияньем
Полярность неба обожгли.

Взрастили под Полярным кругом
Цветущих тропиков леса,
И стали благодатным югом
Растопленные полюса.

Воздвигнем на каналах Марса
Дворец Свободы Мировой,
Там будет башня Карла Маркса
Сиять как гейзер огневой.

Мы победим ударом взрыва
Рабочей армии всех стран,
Мы — вихрь невиданного взвива —
Воспламенились, как вулкан.

1918

ЗАРЕВО ЗАВОДОВ

(Фрагменты)

...Сорвали с сердца рабства вздохи,
С чела — терновые венцы,
Свободы огненные сохи
Куем мы, песен кузнецы.

Взрезают молньевые плуги
Туч продымленный чернозем
Заводов заревые дуги
Над светлой Русью вознесем.

...Трубой стальною, словно ломом,
Полночный прободил восток,
Над продымленным небосклоном
Зари кровавой брызнул сок.

И эти огненные капли
На плитах плещут площадей,
Сгребают трубы, словно грабли,
С полей соломенных людей.

И каждый в заревой кольчуге
Вскрылил на вихревом коне,
И небо огненные плуги
Взрезают в буре и огне.

И трубы боронили тучи,
От них в междымное окно
Рабочий огненно-могучий
Рассеял звездное зерно.

Из горнов ярче и безмерней,
Прокованные встали мы,
Дробили иглы зимних терний,
Снега расплавили зимы.

...Узоры звезд знамена ткали
На занимавшейся заре,
Все величавей проступали
Слова: Ро Со Фе Со Ре.

1919

Михаил Голодный

(1903—1949)

ПАРТИЗАН ЖЕЛЕЗНЯК

В степи под Херсоном
Высокие травы.
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой
Матрос Железняк, партизан.

Он шел на Одессу,
А вышел к Херсону —
В засаду попался отряд.
Полхлеба на брата,
Четыре патрона
И десять последних гранат.

— Ребята,— сказал,
Повернувшись к отряду,
Матрос-партизан Железняк,—
Штыком и гранатой
Мы снимем засаду,
И десять гранат — не пустяк!

Сказали ребята:
— Херсон перед нами,
И десять гранат — не пустяк!
Прорвались ребята,
Пробились штыками,
Остался в степи Железняк.

Веселые песни
Поет Украина,
Веселая юность цветет.
Подсолнух высокий,
И в небе далекий
Над степью кружит самолет.

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.

Лежит под курганом,
Овеянный славой
Матрос Железняк, партизан.

1935

ПЕСНЯ О ЩОРСЕ

Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
Голова обвязана,
Кровь на рукаве,
След кровавый стелется
По сырой траве.

«Хлопцы, чьи вы будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем,
Раненный, идет?»
«Мы сыны батрацкие,
Мы — за новый мир,
Щорс идет под знаменем —
Красный командир.

В голоде и в холоде
Жизнь его прошла,
Но недаром пролита
Кровь его была.
За кордон отбросили
Лютого врага.
Закалились смолоду,
Честь нам дорога».

Тишина у берега,
Смолкли голоса.
Солнце книзу клонится,
Падает роса.
Лихо мчится конница,
Слышен стук копыт,
Знамя Щорса красное
На ветру шумит.

1935

Сергей Городецкий

(1884—1967)

РОССИЯ

Как я любил тебя, родная,
Моя Россия, мать свобод,
Когда, под плетью изнывая,
Молчал великий твой народ.

В какой слепой и дикой вере
Ждал воскресенья твоего!
И вот всех тюрем пали двери,
Твоё я вижу торжество.

Ты в праздник так же величава,
Как прежде, в рабской нищете,
Когда и честь твоя и слава
Распяты были на кресте.

О вечном мире всей вселенной,
О воле, братстве и любви
Запела ты самозабвенно
Народам, гибнущим в крови.

Как солнце всходит от востока,
Так от тебя несется весть,
Что есть конец войне жестокой,
Живая правда в людях есть.

И близок день, прекрасней рая,
Когда враги, когда друзья,
Как цепи, фронты разрывая,
Воскликнут: истина твоя!

Как я люблю тебя, Россия,
Когда над миром твой народ
Скрижали поднял огневые,
Скрижали вечные свобод.

1917

НАД КОМПЛЕКТОМ ГАЗЕТ

О. С. Литовскому

Шуршат пожухлые страницы,
Бумага желтая бледна.
Но сквозь заглавных букв ресницы
Какие смотрят времена!

С какой товарищеской лаской
В себя впивали новый мир
И этот корпус с блеклой краской,
И этот стертый эльзевир!

Наборные старели кассы,
Сбивались армии шрифтов,
Но бороной в людские массы
Врезались полчища листов.

И невозможно без волненья
Держать седой комплект в руках,—
Истории сердцебиенье
Я слышу в буквенных рядах.

Я помню: мерзнули чернила,
В шинели мерзнул журналист,—
Но даль грядущего манила
Всего себя влить в этот лист.

И мысль, исхлестанная болью
Гражданских бедствий и войны,
Рвалась со всей людскою голью
На ленинские крутизны.

И вот мы год за годом крепнем,
Неукротимо мы растем.
И если шаг наш старым щебнем
Замедлен — щебень разметем.

И если час случится хмурый,
Устанет мозг от маеты,
Милей нам всей литературы
Вот эти желтые листы.

1927

СССР

СССР! Он весь растет,
Летит за ленинской звездою.
Не удержать его полет
Былого рваною уздою.

Лохмотья прочь! Смелей порыв!
Пусть от работы ноют плечи,
Мы одолеть должны наплыв
Неслыханных противоречий.

Создав народной жизни план
По мудрым ленинским законам,
Мы терпим все еще туман
Церковных ладанов и звона.

Нет! Нет! Невежества тайгу,
Спиртного змея людоедство,
Звериный сон, в грязи, в снегу,
Былого подлое наследство —

Мы можем, смеем, мы должны
Набегом юности проворной,
Напором мускулов стальных
Преодолеть в борьбе упорной!

Взгляни на карту. Как медведь,
Ломая клеть меридианов,
Союз на полюс поглядеть
Прилег к седому океану.

И, словно горсть посевной ржи,
Рассыпанная в пустошь мира,
Тысчонка городов лежит
Кой-где рассеянная сиро.

Кругом бегут леса стремглав,
И воют реки по безлюдью.
Земля глядит из диких трав
Кой-где распаханною грудью.

В просторах дикой тишины
Глотают бешеные ветры
Едва родящейся страны
Несчитанные километры.

Тираны знали с давних пор:
Для трона крепче нет подножья,
Дороги к рабству лучше нет,
Чем тьмы народной бездорожье.

Но загорались очаги,
И горны молнии ковали.
Тиранства дерзкие враги
Рождались, падали и звали.

В подполье каждая доска,
В Сибири каждая тропинка
Потела кровью бедняка
Перед Октябрьским поединком.

И вот, под зарево невзгод,
Мечта и месть, огонь и злоба,
Сметая все, что жизнь гнетет,
Россию вынула из гроба.

Взгляни на карту! Не узнать
Отчизны бедной Льва Толстого!
Бушует юная весна,
Снося развалины былого,

Слепых губерний темнота
Восстала радугою наций.
Пустынь иссохшие уста
Уже с каналами роднятся.

Сверкают дали все густей
Огнями домны алозвездой.
И тонет в стройке областей
Тоска заплеванных уездов.

Руками врубовых машин
И жалом бурова стального
Тепло мы тянем из глубин
На стройку счастья мирового.

Мы человечество ведем
На волю из позорной клетки.
И смотрит будущим вождем
Питомец каждой семилетки!

Не каркайте за рубежом
На юную Страну Советов!
Дотла мы прошлое сожжем
Лучами ленинского света.

И одолеем мы везде
Былого дряхлое уродство.
Мы всем владеем, овладев
Орудиями производства.

Их сами можем мы создать
Из нашей крови, коль нет денег.
К лишеньям иам не привыкать,
Но кандалов мы не иаденем!

Дружией иапор! Смелей порыв!
Пусть от работы ноют плечи,
Мы одолеть должны наплыв
Неслыханных противоречий!

1928

НАШ ИЛЬИЧ

Какие сплотились в нем светлые силы,
Что, смерти не зная, средь нас он живет?
За что все народы его полюбили,
За что им гордится советский народ?

За то, что он мыслью своей прозорливой
В сердцах прочитал у рабочих людей
Тоску молодую о жизни счастливой
И пламя зажег в них от искры идей.

Раздвинув границы всемирной науки,
Народам он дал путеводную нить
И гневною силой рабочие руки
Наполнил, чтоб рабские цепи разбить.

Средь вихрей враждебных над бездной
кровавой
Он поднял незыблемый стяг Октября
И вывел Отчизну на путь величавый,
Где мира и славы восходит заря.

И нет на земле высоты или дали,
И в счастье грядущем не будет луча,
Где б солнцем великих побед ни сверкали
Бессмертные искры идей Ильича.

1949

Виктор
Гусев

(1909—1944)

ОКТЯБРЬСКИЙ СМОТР

Не глядя на непогоду,
презирая протесты дождей,
Идут молодые художники
к полотнищам площадей.
Они не жалеют красок,
они не жалеют трудов,
И вспыхивают плакаты
на улицах городов.
И вот выплывает в небо
холодная луна.
Осталась до годовщины
короткая ночь одна.
И кажется мне —
начиная
пятнадцатый свой год,
Октябрьская революция
свершает ночной обход.
Она проверяет твердость
армии своей,
Она проверяет оружие,
она проверяет людей.
И прежде всего она спрашивает
каждого из нас:
— Под знаменем партии Ленина
идет ли рабочий класс? —
И мы отвечаем —
впрочем,
надо сказать точней —
Автомобили АМО
за нас отвечают ей,
Молодые кузнецкие домны
чугуном отвечают ей,
И ясли ей отвечают
ровным дыханьем детей.
Ее приветствуют школы
каракулями ребят,

Ей орденом салютуют
герои ударных бригад.
И хоть работы немало
и некогда им присесть,
— Вперед! —
говорит Революция.
И они отвечают:
— Есть...—
Она проходит дальше,
и спрашивает она:
— А что моя Красная Армия,
по-прежнему ли сильна? —
Вопрос ее затихает,
встреченный тишиной.
Нельзя говорить часовому,
а армия — часовой.
И это лучше ответа,
недаром вопят в ночи
Французские генералы,
бухарские басмачи.
Недаром сжимается злобно
в расшитых шевронах рука.
Овладевают техникой
дивизии РККА.
Умножь ее на соревнование
и силы попробуй учесть.
— Готовсь,—
говорит Революция.
И бойцы отвечают:
— Есть! —
Она проходит дальше,
и хочет она узнать:
Быть может, сошла на Европу
Гуверова благодать?
Но полицейские залпы
оттуда гремят в ответ.
Глотает газ безработный —
самый дешевый обед.
С грохотом рушатся биржи,
пылает банкиров закат.
— «Рот фронт»,—
говорят ей компартии
на сорока языках.

Миллионы угрюмых рабочих
    они ведут за собой.
— В бой,—
    говорит Революция.
И они отвечают:
    — В бой! —
И дальше идет Революция.
    И рапорт ей отдает
Мой девятьсот девятый,
    довольно отважный год.
Он в призывных комиссиях
    стоит, к обороне готов.
Его врачи выслушивают,
    и он говорит — здоров.
И нам дают назначенье
    и круглую ставят печать.
Наша приходит очередь
    Республику защищать.
Мы, конечно, молоды,
    но поступь у нас тверда.
— Вперед,—
    говорит Революция.
И мы отвечаем:
    — Да! —
Не глядя на непогоду,
    презирая протесты дождей,
Идут молодые художники
    к полотнищам площадей.
Они не жалеют красок,
    они не жалеют трудов.
И вспыхивают плакаты
    на улицах городов.
И вот выплывает в небо
    холодная луна.
Осталась до годовщины
    короткая ночь одна.

Октябрь 1931

Я — РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Люблю на Кремль глядеть я в час вечерний.
Он в пять лучей над миром засверкал.
Люблю я Волги вольное теченье,
Люблю сибирских рек задумчивое пенье,
Люблю, красавец мой, люблю тебя, Урал.

Я — русский человек, и русская природа
Любезна мне, и я ее пою.
Я — русский человек, сын своего народа,
Я с гордостью гляжу на Родину свою.

Она цветет, работает и строит,
В ней стали явью прежние мечты.
Россия, Русь,— могла ль ты стать такою,
Когда б советскою не стала ты?

Ты сыновей растишь — пилотов, мореходов,
У крымских скал, в полуночном краю.
Я — русский человек, сын своего народа,
Я с гордостью гляжу на Родину свою.

Мир смотрит на тебя. Ты — новых дней начало.
Ты стала маяком для честных и живых.
И это потому, что слово — русский — стало
Навеки близким слову — большевик;

Что ты ведешь дружину молодую
Республик — Октября могучих дочерей.
Я — русский человек, и счастлив потому я,
Что десять есть сестер у матери моей.

Как все они сильны, смелы и благородны!
Россия, Родина,— услышь слова мои:
Ты потому счастлива и свободна,
Что так же сестры счастливы твои;

Что Грузия в цвету, Армения богата,
Что хорошо в Баку и радостно в Крыму.
Я — русский человек, но как родного брата
Украинца пойму, узбека обниму.

Так говорит поэт, и так его устами
Великий, древний говорит народ:
Нам, русским, братья все, кто вместе с нами
Под большевистским знаменем идет.

Могильные холмы сейчас я вспоминаю.
Гляжу на мир долин, а в горле горя ком:
Здесь русский лег, Петлюру поражая,
Там украинец пал, сражаясь с Колчаком.

Поклон, богатыри! Над нами коршун кружит,
Но мы спокойно ждем. Пускай гремит гроза.
В огнях боев рождалась наша дружба,
С тобой, мой друг киргиз, с тобой, мой брат казах,

Как я люблю снега вершин Кавказа,
Шум северных дубрав, полей ферганских зной!
Родился я в Москве, но сердцем, сердцем связан
С тобою, мой Баку, Тбилиси мой родной!

Мне двадцать девять лет. Я полон воли к жизни.
Есть у меня друзья,— я в мире не один.
Я — русский человек, я — сын социализма,
Советского Союза гражданин!

1938

Николай Дементьев

(1907—1935)

СТУДЕНТЫ В ДЕВЯТНАДЦАТОМ ГОДУ

Холод.
Голод.
И нет в общежитии дров.
На заштопанных окнах
Блестят, как в музее, караты.
Пар валит к потолку.
А по трубам, как кровь,
Леденеет вода—
И взрывается вдруг радиатор.

В рваных валенках,
В серых ошметках галош,
В рыжих «польтах»,
Похожие на оборотней,
Истощенные голодом,
Все как одни — молодежь —
Отправляются в лес по дрова
По морозцу,
В пургу —
На субботник.

Лес лежит перед ними,
Как вспухшая капля чернил
На холодном листе
Глазированной солнцем бумаги.
Дом лесничего,
Сад его — мертвый.
Их закоченил
Многоградусный бред.
Растопи его
Жаром отваги!

Раздроби его визгом
Зубастых
Ощеренных пил,
Разруби колуном на куски,

Расщепи топорами
Ты,
Голодное войско,
Да так, чтобы пар повалил,
Чтобы жар полыхал
Верст на двадцать кругом
И над вами!

И действительно:
Горсточка серых людей,
Чуть хлебнув поутру
Недоваренную чечевицу,
Взгрела первым ударом
Декабрьский
Простуженный день...
И того разморило,
И стало ломить поясницу.

«Гул прошел по трущобам»,
Как кто-то когда-то писал.
Сосны падали,
Ели невзвидели света.
Куча, горсточка,
Сорок студентов,
А залп,
Как из гаубиц,
От грозно обрушенных веток.

Все в царапинах, в ссадинах
Руки, лицо — не болят.
Не гудят и не ноют
Ходьбой утомленные ноги.
Шаг за шагом,
Удар за ударом,
И все — штабеля,
Штабеля
Вдоль полотен
Железной дороги!

Все — тебе,
В твой гангреной пылающий рот,
Паровоз,
Наш защитник,
Помощник и днями и ночью.

Все — для вас,
Для товарищей,
Мерно ушедших
На фронт
Умирать за республику,
За города,
За рабочих!

Два десятка студентов,
Едва уцелевших в тылу,
Посылают горячий,
Пропахший смолою подарок...
. . . .
А вернувшись с субботника,
Люди заснули в углу
На промерзшем полу
И дышали сгустившимся паром.

Хлеба не было.
В вузы никто не ходил.
В трубах пухла вода.
Мертвой ватой
Покрылись карнизы...
И студенчество слушало
Мерную поступь годин:
Шел Колчак,
Шел Деникин,
Рождался в крови
Коммунизм.

Октябрь 1928 г.

МАТЬ

Толпы с поезда. Ну, и народ! Впрямь как с шабаша:
Прут и прут, не допрутся пока...
— Тише! Бабку затискали! Что тебе, бабушка?
«Мне б Петрушу...» — Которого это? — «Сынка...»

Бултыхает старуха баулом и чайником.
У возниц, у шоферов, у публики — смех:
— Это что ж за петрушка такая? — «Начальник он...»
— Тут начальников много...—«Так мой—выше всех».

Уморила!
Над сборищем этнм, иад соимом
Гогот, хохот, шнбающий в пот.
Вдруг один кучерок как смекиет, да как вспомннт,
Что начальинк строительства —
Правильио — Петр!

Кулаком по мордам
Лошадей задремавших,
Чтоб стояли,
Чтоб выглядели, как орлы!
Сеио — в иогн. Киут — в руки:
«Садитесь, мамаша!..»

Ой, железные шины круты и круглы!
Ты качайся, на клевере вскормлеиный мерин!
Вороиая кобылка, пластайся в разлет!
Оберится, башкой помотает — и верит —
И не верит.

А бабушка иосом клюет.
Кацавейка иа ией — ие по-летиему — ватиая.
Ишь! горбатая... Ишь! — иепрнглядная вся...
Загорелая, старая и рябоватая...
...У иачальника в комнате
Карты внсят...
На кровати иачальиика — простыни взрыты.
Шторы — настежь,
И солице —
По всем косякам,
Кингам, стеклам, приборам...
Слепящая бритва
Пышет в зеркало,
А перед зеркалом — сам.
Крепкнй, свежий, еще ие успел приодеться,
Напевает чего-то в усы и под иос,
Пена шлепается на полотенце...

Входит возчик:
«Мамашу — в порядке довез...»

А за возчиком,
В белом платочке и валенках,
Что-то давиее-давиее, и не узнать...

Вспоминал... вспоминал... вспоминал...
Вспомнил — Маменька! —
«Я, Петруша! Я, милый! Я, кровный! Я — мать»...

Отобрал у нее узелки и баулы,
Рассовал под столы, оглянулся мельком.
Усадил, оглядел ее всю...—
И пахнуло
Детством — речкой, репейником, молоком,
Молодыми рябинами над оградами.
Рубашонкой в заплатах, сестренкой в соплях...

— Мама! Мамонька!
Чем же тебя мне порадовать?
Ты, наверно, с дороги устала, приляг.
Уложил ее, старенькую, на топчанике,
Одеялом, коротенькую,— до бровей...

— Самоварчик?
У нас, понимаешь ли,— чайники...
В церкву хочешь?
А я и не строил церквей.

Ну, да ты не волнуйся! Ты мало грешила,
Я ж тебя от любого греха излечу.
Знаешь, мамонька, что?
У меня есть машина.
Я тебя по строительству прокачу.

Ты посмотришь, чего мы настроили... Дела ж
До сих пор полон рот — и какие дела!
Покатаемся? Хочется? —
«Что ты! И где уж!»

Два денечка поохала
И померла.
А начальника мы уважали.
Не с ним ли
Возвели комбинат за четыре зимы?
Вышло так, что мамашу его хоронили
Всем строительством, всеми бригадами мы.

В полдень, как по сигналу,—
Сойтись и собраться!

В разогретый асфальт —
Многотысячный шаг!
Тихо, тихо прошел в голове демонстрации
Пятитонный, задернутый черным «фомаг».

Там четыре партийца
Почетною вахтою
Охраняют стоймя,
Не опершись на борт,
Загорелую, старую и рябоватую
Мать начальника наших работ.

Мы проходим, работоупорные жители,
Мимо ясных от яркого света громад.
Автогеном мерцает
Машиностроительный,
Равномерно работает
Химкомбинат.

Мерно медные трубы
Оркестра умелого,
На девчонках платочки
Весенних цветов...

...Ничего не видала
И мало что сделала
За семь с лишним десятков
Бедняцких годов.
На голодной степи, у дороги,— песочек.
Бабий голос — еще молодой — одинок...

Сын приехал
С уральских заводов,
Вальцовщиком,
Прогармонил недельку —
И смылся сынок.

А у ней, как и встарь, догнивает под дождиком
Ощетиненный, малоколосистый сноп...

Сын приехал,
Бежавши из ссылки
Подпольщиком,
Ночевал на овине —
И смылся сынок.

А она — со скотом — поднимается раненько.
Уж от старости пальцы пускаются в пляс...

Сын приехал
С гражданского фронта.
Израненный,
Отдохнул — и на фронт!
А она осталась...

Протащилась,
Не чуя ни горя, ни времени,
Через двадцать беременностей и смертей...

...Мы положим тебя,
Аграфена Ефремовна,
В парке отдыха
У пионерлагерей

Через светлые,
Через стеклянные версты
Сын тебя провожает,
Как через века...

Это строили мы
Под его руководством —
Инженера, начальника, большевика.
Это мы возводили,
Чтобы крепче дышалось,
Чтобы легче работалось,
Лучше жилось,
Чтобы с ног не валила
    Ни хворь,
        Ни усталость...

Мы положим тебя
У веселых берез,
Изможденную, темную мать неимущих,
Всех, кто новым и властным хозяином встал.

Пусть в оркестре
Все трубы играют
«Замучен
Тяжелой неволей...»
И «Интернационал»!

1933

Сергей
Есенин

(1895—1925)

КАНТАТА

Спите, любимые братья.
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

<1918>

ИОРДАНСКАЯ ГОЛУБИЦА

(Отрывки)

1

Земля моя златая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.

То душ преображенных
Неисчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.

А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь?

Лети, лети, не бейся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.

2

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей.

Крепкий и сильный,
На гибель твою
В колокол синий
Я месяцем бью.

Братья-миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть...

1918

НЕБЕСНЫЙ БАРАБАНЩИК

Л. Н. Старку

1

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы.
Нынче луну с воды
Лошади выпили.

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!

Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

2

Если это солнце
В заговоре с ними,
Мы его всей ратью
На штыках подымем.

Если этот месяц
Друг их черной силы,
Мы его с лазури
Камнями в затылок.

Разметем все тучи,
Все дороги взмесим,
Бубенцом мы землю
К радуге привесим.

Ты звени, звени нам,
Мать-земля сырая,
О полях и рощах
Голубого края.

3

Солдаты, солдаты, солдаты —
Сверкающий бич над смерчом.
Кто хочет свободы и братства,
Тому умирать нипочем.

Смыкайтесь же тесной стеною!
Кому ненавистен туман,
Тот солнце корявой рукою
Сорвет на златой барабан.

Сорвет и пойдет по дорогам
Лить зов над озерами сил —
На тени церквей и острогов,
На белое стадо горилл.

В этом зове калмык и татарин
Почуют свой чаемый град,
И черное небо хвостами,
Хвостами коров всламенят.

4

Верьте, победа за нами!
Новый берег недалек.
Волны белыми когтями
Золотой скребут песок.

Скоро, скоро вал последний
Миллионом брызнет лун.
Сердце — свечка за обедней
Пасхе массы и коммун.

Ратью смуглой, ратью дружной
Мы идем сплотить весь мир.
Мы идем, и пылью вьюжной
Тает облако горилл.

Мы идем, а там, за чащей,
Сквозь белесость и туман
Наш небесный барабанщик
Лупит в солнце-барабан.

1918

РУСЬ СОВЕТСКАЯ

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На перекличке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив.

Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней —
Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец,
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церкви, собрались.
Корявыми, немытыми речами
Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля,
И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщиня лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его — и этак и раз-этак,—
Буржуя энтого... которого... в Крыму...»
И клены морщатся ушами длинных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну, что ж!
Прости, родной приют.

Чем сослужил тебе — и тем уж я доволен,
Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки —
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас другая жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирев.

Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом поэта
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

<1924>

ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ

(Отрывок)

Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.

И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был,
И что со мною сталось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ламанша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маята,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

<1924>

ЛЕНИН

(Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»)

Еще закон не отвердел.
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россня! Сердцу милый край!
Душа сжнмается от боли.
Уж сколько лет-не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихнй быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбнща и долы.

Немолчный топот, громкий стон,
Внзжат тачанки н телегн.
Ужель я сплю н внжу сон,
Что с копьямн со всех сторон
Нас окружают печенеги?
Не сон, не сон, я вижу въявь
Ннчем не усыпленным взглядом,
Как, лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом.

Куда они? И где война?
Степная водь не внемлет слову.
Не знаю, светнт ли луна,
Иль всадник обронил подкову?
Все спуталось...

Но понял взор:
Страну родную в край нз края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор.
. . . .
Россия —
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветь — подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревожнвший мятежник?
Суровый гений! Он меня
Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.

Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, кто в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных,—
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.

. . . .

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...
Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.

. . . .

Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы.

. . . .

Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром.
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...
И он пришел.

. . . .

Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: «Чтоб кончить муки,
Берите всё в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет —
Как ваша власть и ваш Совет».

. . . .

И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели;
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен.

. . . .

И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из медно ла́ющих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь:
«Ленин умер!»
Их смерть к тоске не привела.
. . . .
Еще суровей и угрюмей
Они творят его дела...

1924

БАЛЛАДА О ДВАДЦАТИ ШЕСТИ

С любовью —
прекрасному
художнику
Г. Якулову

Пой песню, поэт,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой.
Море тоже рокочет
Песнь.
Их было
26.
26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занесть.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-й
Версте.

Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук.
Вылезают, стирая
Плеснь.
26 их было,
26.

Кто с прострелом в груди,
Кто в боку,
Говорят:
«Нам пора в Баку —
Мы посмотрим,
Пока есть туман,
Как живет Азербайджан».
. . . .
. . . .
Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял их
Отряд англичан.

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.

А на Востоке
Здесь
Их было
26.

Все помнят, конечно,
Тот,
18-й несчастный
Год.
Тогда буржуа
Всех стран
Обстреливали
Азербайджан.

Тяжел был Коммуне
Удар.
Не вынес сей край
И пал,
Но жутче всем было
Весть
Услышать
Про 26.

В пески, что как плавленый
Воск,
Свезли их
За Красноводск.
И кто саблей,
Кто пулей в бок,
Всех сложили на желтый
Песок.

26 их было.
26.
Их могилы пескам
Не занесть.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-й
Версте.

Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.

Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плесень.
26 их было,
26.

. . . .

Ночь как будто сегодня
Бледней.
Над Баку
26 теней.
Теней этих
26.
О них наша боль
И песнь.

То не ветер шумит,
Не туман.
Слышишь, как говорит
Шаумян:
«Джапаридзе,
Иль я ослеп,
Посмотри:
У рабочих хлеб.
Нефть — как черная
Кровь земли.
Паровозы кругом...
Корабли...
И во все корабли,
В поезда
Вбита красная наша
Звезда».

Джапаридзе в ответ:
«Да, есть.
Это очень приятная
Весть.
Значит, крепко рабочий
Класс
Держит в цепких руках
Кавказ.

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял нас
Отряд англичан».

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
26 их было,
26.

. . . .

Свет небес все синей
И синей.
Молкнет говор
Дорогих теней.
Кто в висок прострелен,
А кто в грудь.
К Ахч-Куйме
Их обратный путь...

Пой, поэт, песню,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой...
Море тоже рокочет
Песнь —
26 их было,
26.

1924

* * *

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,
Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.

Но ты видением поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом,
Что в той стране, где власть Советов,
Не пишут старым языком.

И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь,—
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.

<1924>

ВОСПОМИНАНИЕ

Теперь октябрь не тот.
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года.
Я помню жуткий
Снежный день.
Его я видел мутным взглядом.
Железная витала тень
Над омраченным Петроградом.
Уже все чуяли грозу,
Уже все знали что-то,
Знали,
Что не напрасно, знать, везут
Солдаты черепах из стали.
Рассыпались...
Уселись в ряд...
У публики дрожат поджилки...
И кто-то вдруг сорвал плакат

Со стен трусливой учредилки.
И началось...
Метнулись взоры,
Войной гражданскою горя,
И дымом пламенной «Авроры»
Взошла железная заря.
Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли «матов»
Взметнулась надпись огневая:
«Совет Рабочих Депутатов».

<Январь 1925>

* * *

Спит ковыль. Равнина дорогая
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси?

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

1925

* * *

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин,—
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил.
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное,
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам, и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

1925

АННА СНЕГИНА

(Из поэмы)

Я шел по дóроге в Криушу
И тростью сшибал зеленя.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо бы роман.

Но вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь,—
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!»
«Э, охотник!
Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но все ж мы тебя не порочим,
Ты — свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?

Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

1925

КАПИТАН ЗЕМЛИ

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир —
Единая семья.

Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым все так
Близко,—

Впадают в диво
И слоны...
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн
В своей расчистке,
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки,
Не пугачевский
Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке,
Все делал
Лишь людской закон.
Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он — рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия — его
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:

Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споет вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».

1925

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ

(Отрывки из поэмы)

*

Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?

Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай, как хошь,
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я спою о них,
Как спознать сумел.

*

Веселись, душа
Молодецкая.
Нынче наша власть,
Власть советская.
Офицерика,
Да голубчика
Прикокошили
Вчера в Губчека.

. . . .

Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так еще
Подотрем вам нос!»

*

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.
А на помог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

*

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы, крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни ногатой вас не взять,
Ни рязанами,
Вы гольем пошли гулять
С партизанами.
Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать —
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать,
Чтоб шумела рожь
И овес звенел,
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

*

Ну и как же ту злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему:
«Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами».
А у нас для них поют:
«Куда ты котишься?
В Вечека попадешь —
Не воротишься».

*

От одной беды
Целых три растут,—
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто,
Отколь гуд идет:

«Ты не смей дремать,
Трудовой народ,
Как под Питером
Рать Юденича».
Что же делать нам
Всем теперича?
И оттуда бьют,
И отсель палят,—
Ой ты, бедный люд,
Ой ты, Питер-град!

*

. . . .

Дождик лил тогда
В три погибели.
На корню дожди
Озимь выбили.
И на энтот год
Не шумела рожь.
То не жизнь была,
А в печенки нож.

. . . .

Дождик льет и льет.
Ты терпи, терпи.
В куртке кожаной
Коммунар, не спи.

*

А за синим Доном,
Станицы казачьей,
В это время волк ехидный
По-кукушьи плачет.
Говорит Корнилов
Казакам поречным:
«Угостите партизанов
Вишеньем картечным.
С Красной Армией Деникин
Справится, я знаю.
Расстелились наши пики
С Дона до Дунаю».

*

. . . .
Вей сильней и крепче,
Ветер синь-студеный.
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой Буденный.

*

Если крепче жмут,
То сильней орешь.
Мужику одно:
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина —
В сотни верст легла
Прямо в никь она.
Над такой бедой
В стане белых ржут.
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девок лапают.
«Так и надо вам,
Сиволапые!
Ты, мужик, прохвост!
Сволочь, бестия!
Отплати-кось нам
За поместия.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать!»

*

Ой ты, синяя сирень,
Голубой палисад,
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены,
Заливные луга
Не покошены.

И примят овес,
И прибита рожь.
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

*

Но сильией всего
Те встревожеиы,
Что иочьми ие спят
В куртках кожаиых,
Кто за бедиый люд
Жить и сгибиуть рад,
Кто ие хочет сдать
Вольиый Питер-град.

*

Там под Лиговом
Страшный бой кипит.
Питер трауриый
Без огией. Не спит.
Миг — и вот сейчас
Враг проломит все,
И прощай мечта
Городов и сел...
Пот и кровь струит
С лиц встревожениых.
Бьют и бьют людей
В куртках кожаных.
Как снопы, лежат
Трупы по полю.
Коии в страхе ржут,
В страхе топают.
Но иапор от нас
Все сильией, сильией.
Бьются восемь дией,
Бьются девять дией...
На десятый деиь
Не сдержался враг...
И пошел чесать
По кустам в овраг.

Наши взад им: «Крой!»
Пушки бьют, палят...
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!

*

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босяком бежит.
И от стона и от рева
Вся земля дрожит.
Ищут хлеба они,
Просят милости,
Ну и как же злобной воле
Тут не вырасти?
У околицы
Гуляй-полевой
Собиралися
Буйны головы.
Да как стали жечь,
Как давай палить,
У Деникина
Аж живот болит.

. . . .

*

Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова.
Цветочек мой,
Цветик маковый.
Ты скорей, адмирал,
Отколчакивай.
Там за степью гул,
Там за степью гром,
Каждый в битве защищает
Свой отцовский дом.
Курток кожаных
Под Донцом не счесть,
Видно, много в Петрограде
Этой масти есть.

*

В белом стане вопль,
В белом стане стон:
Обступает наша рать
Их со всех сторон.
В белом стане крик,
В белом стане бред,
Как пожар стоит
Золотой рассвет.
И во всех кабаках
Огни светятся...
Завтра многие друг с другом
Уж не встретятся.
И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.

*

В красном стане храп,
В красном стане смрад,
Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

*

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:

«Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут,
Будет крыть нас плеть,
Всем весь век тогда
В нищете корпеть».
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул;
Громко кашлянув,
«На,— сказал он мне,—
Дома нет сапог,
Передай жене».

*

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.
Эх ты, яблочко,
Да цвету разного,
Бей того... которого...
Буржуазного.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За лощиной пруд,
А за прудом лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

*

Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: «Жене
Сапоги не враз,
Я их сам теперь
Износить горазд».

*

Вот и кончен бой,
Тот, кто жив, тот рад.
Ай да вольный люд!
Ай да Питер-град!
От полуночи
До синя утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра.
Бродит тень Петра,
Грозно хмурится
На кумачный цвет
В наших улицах.
В берег бьет вода
Пенной индевью...
Корабли плывут
Будто в Индию...

1924

Николай Заболоцкий

(1903—1958)

ГОРОД В СТЕПИ

(Отрывки)

2

Какой простор для мысли и труда!
Какая сила дерзости и воли!
Кто, чародей, в необозримом поле
Воздвиг потомству эти города?
Кто выстроил пролеты колоннад,
Кто вылепил гирлянды на фронтонах,
Кто средь степей разбил испепеленных
Фонтанами взрывающийся сад?
А ветер стонет, свищет и гудит,
Рвет вымпела, над башнями играя,
И изваянье Ленина стоит,
В седые степи руку простирая.
И степь пылает на исходе дня,
И тень руки ложится на равнины,
И в честь вождя заводят песнь акыны,
Над инструментом голову склоня.
И затихают шорохи и вздохи,
И замолкают птичьи голоса,
И вопль певца из струнной суматохи,
Как вольный беркут, мчится в небеса.
Летит, летит, летит... остановился...
И замер где-то в солнце... А внизу
Переполох восторга прокатился,
С туманных струн рассыпав бирюзу.
Но странный голос, полный ликованья,
Уже вступил в особый мир чудес,
И целый город, затаив дыханье,
Следит за ним под куполом небес.
И Ленин смотрит в глубь седых степей,
И думою чело его объято,
И песнь летит, привольна и крылата,
И, кажется, конца не будет ей.
И далеко, в сиянии зари,
В своих широких шляпах из брезента
Шахтеры вторят звону инструмента
И поднимают к небу фонари...

4

Надев остроконечные папахи
И наклонясь на гриву скакуна,
Вокруг отар во весь опор казахи
Несутся, вьются, стиснув стремена.
И стрепет, вылетев из-под копыт,
Шарахается в поле, как лазутчик,
И солнце жжет верхи сухих колючек,
И на сто верст простор вокруг открыт.
И Ленин на холме Караганды
Глядит в необозримые просторы,
И вкруг него ликуют птичьи хоры,
Звенит домбра и плещет ток воды.
И за составом движется состав,
И льется уголь из подземной клети,
И ветер гонит тьму тысячелетий,
Над Казахстаном крылья распластав.

1947

ХОДОКИ

В зипунах домашнего покроя,
Из далеких сел, из-за Оки,
Шли они, неведомые, трое —
По мирскому делу ходоки.

Русь металась в голоде и буре,
Все смешалось, сдвинутое враз:
Гул вокзалов, крик в комендатуре,
Человечье горе без прикрас.

Только эти трое почему-то
Выделялись в скопище людей,
Не кричали бешено и люто,
Не ломали строй очередей.

Всматриваясь старыми глазами
В то, что здесь наделала нужда,
Горевали путники, а сами
Говорили мало, как всегда.

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним,—
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

Эти трое мало говорили.
Что слова! Была не в этом суть.
Но зато в душе они скопили
Многое за долгий этот путь.

Потому, быть может, и таились
В их глазах тревожные огни
В поздний час, когда остановились
У порога Смольного они.

Но когда радушный их хозяин,
Человек в потертом пиджаке,
Сам работой до смерти измаян,
С ними говорил накоротке,

Говорил о скудном их районе,
Говорил о той поре, когда
Выйдут электрические кони
На поля народного труда,

Говорил, как жизнь расправит крылья,
Как, воспрянув духом, весь народ
Золотые хлебы изобилья
По стране ликуя понесет,—

Лишь тогда тяжелая тревога
В трех сердцах растаяла, как сон,
И внезапно видно стало много
Из того, что видел только он.

И котомки сами развязались,
Серой пылью в комнате пыля,
В их руках стыдливо показались
Черствые ржаные кренделя.

С этим угощеньем безыскусным
К Ленину крестьяне подошли.
Ели все. И горьким был и вкусным
Скудный дар истерзанной земли.

1954

Рюрик Ивнев

(1891—1981)

СМОЛЬНЫЙ

Довольно! Довольно! Довольно
Истошно кликушами выть!
Весь твой я, клокочущий Смольный,
С другими — постыдно мне быть.

Пусть ветер холодный и резкий
Ревет и не хочет стихать,
Меня научил Достоевский
Россию мою понимать.

Не я ли стихами молился,
Чтоб умер жестокий палач,
И вот этот круг завершился,
Россия, Россия, не плачь!

Не я ль призывал эти бури,
Не я ль ненавидел застой?
Дождемся и блеска лазури
Над скованной льдами Невой.

Чтоб счастье стране улыбнулось,
Она заслужила его.
И чтобы в одно обернулось
Твое и мое торжество.

Довольно! Довольно! Довольно!
Кликушам нет места в бою.
Весь твой я, клокочущий Смольный,
Всю жизнь я тебе отдаю!

Октябрь 1917 г.

ЛЕНИН

Хоть верь в могущество судьбы,
Хоть отрицай ее значенье,
Но пробил час освобожденья,—
Россия встала на дыбы.

Среди осколков самовластья,
Под вой неистовых врагов
Не для себя мы ищем счастья,
А для народов и веков...

Нам путь указывает Ленин.
И с верой пламенной в него
Мы для грядущих поколений
Уже готовим торжество.

Мы примем на себя все муки
Холодных дней, голодных зим,
Но стяг родной в чужие руки
Мы никогда не отдадим.

Во имя равенства и братства
Народов, скованных еще,
Без передышки будем драться
До самой смерти горячо.

Нам путь указывает Ленин,
Не отходящий от руля.
Уже сверкает в отдаленье
Обетованная земля.

2 ноября 1918 г.

НАРОД

В ушах еще звучат восторженные крики
Народа. В глазах еще горят веселые огни.
И у трибуны море огневое...
О, страсть народная! О, смысл ее великий!
Одну лишь только ветку шелохни —
И затрепещет дерево живое.

1918

* * *

Я помню день Октябрьского восстанья.
Кипели площади. Дворец был пуст.
С его дрожащих побелевших уст
Последнее срывалось содроганье.

Нева катилась медленно и вольно
И, как всегда, спокойною волной,
А там, вдали, высокий хмурый Смольный
Уж властвовал, могучий и стальной.

Железный остров средь стальной стихии,
Во время бури острой и слепой,
Так он стоял среди больной России,
Охваченный рабочею толпой.

Дома пылали. Проносились люди.
Чудовищно гремя, броневики
Встречали залпы спрятанных орудий,
И кое-где щетинились штыки.

Я помню дым, и небо, и тревогу,
И мост Дворцовый, и веселый шум
Восставших войск, взошедших на дорогу
Гражданских войн, великих дней и дум.

1918

ОКТЯБРЬСКАЯ ПОЭМА

(Отрывки)

1

...Враги, озлобляясь, крестили нас Каинами,
Европа скалит на нас штыки,
Благословляемые, проклинаемые
И несгибаемые большевики.

Когда-то (давно ли?) вы были в подполье,
И было легко, точно выпить до дна,
Отдать нам все силы, отдать свои боли,
Отдать свою жизнь, как кусок полотна.

Теперь тяжелей стопудовой поклажи
Сказать вам: я с вами, я ваш навсегда.
О муке бессонниц никто не расскажет,
Как пули, как кегли, метнулись года.

Я верю в тебя горячо и упрямо,
Рожденная бурей Советская власть.
С такою же верою Васко да Гама,
Как в прорубь, летел в океанскую пасть.

...От старого мира ни звука, ни метра,
Умри «не убий», и воскресни «убей»,
Сожги, распыли, распластай и по ветру
Бессмысленный розовый пепел развей.

Вы снились мне с детства, как мука, как счастье,
Быть может, в разрезе иных плоскостей,
И принял я сердцем и новые снасти,
И озеро крови, и груды костей.

3

Семнадцатый год. Морские просторы.
Матросские песни. Горячий свинец.
Казалось, дымят еще пушки «Авроры»
И содрогается Зимний дворец.

Маяк для будущих поколений
В реквизированном особняке,
Простой и неповторимый Ленин
Громил капиталистов и их лакеев.

В огне и дыму возникали Советы,
И корчились в судорогах отруба,
Как пластырь на тело, ложились декреты,
Расклеенные на столбах.

Октябрь, я помню тебя годовалым,
Шумели ветра, и гудела земля.
Неистовым криком Россия кричала,
Иссохшие груди свои оголя.

А там — в глубине бесконечной равнины —
Начинающая оживать
Выпрямляет могущественную спину
Два века бездействовавшая Москва.

Вспоминая исписанные страницы
На видавших виды стенах Кремля,
Она смотрела с тревогой на новые лица,
Любопытства не утоля.

И лишь те, кто когда-то стонали под плетью,
Чьи тела боярский нож кромсал,
Посылают сквозь прожитые столетья
Пролетариям свои голоса.

Дрожа от испуга, волнуясь от счастья,
Задыхаясь от внутреннего торжества,
Принимает вагоны Советской власти
Встрепенувшаяся Москва...

1932

* * *

Пусть мне ответит кто-нибудь на свете,
Как ощутить чужую боль
Своей,
Как не бросать чужой беды на ветер
И глубже проникать в сердца людей.

В глухой тайге, в непроходимой чаще,
Приникшему к деревьям головой,
Дай свой ответ, прямой и настоящий,
Единственно возможный и живой.

Так в юности взывал к кому-то страстно,
И в зрелых годах мне пришел ответ,
Ответ прямой и с правдою согласный:
Зари октябрьской лучезарный свет.

1938

ЛЕНИНУ 1917 ГОДА

Было время: не знал я ни Маркса, ни Канта
И о жизни по Ленину только судил,
Я старался по мере ума и таланта
Делать все для того, чтобы он победил.

Всё смешалось теперь: и событья, и даты,
Книги, митинги, толпы людей и дома,
Гул берлинских бульваров, и наши солдаты,
И на небе октябрьского солнца кайма.

Годы мчатся, как звуки по волнам эфира.
Не сгибаясь, мы шли от зари до зари.
Имя Ленина, ставшее совестью мира,
Путеводной звездою над нами горит.

7 ноября 1980 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

(Из поэмы)

Пролог

История — это не даты заученные,
Не цифры сухие, как жесткое сено...
История — это не перечень путчей,
Не стены бастилий, не льды и арены.

История — это дыхание трепетное
Народов, стремящихся к жизни свободной,
Без трусости подлой, без жалкого лепета,
Что цепи нужны для простого народа.

Но то, что казалось почти невозможным,
Свершилось. И час революции грянул.
И Ленин, пронизанный болью народной,
Взошел на корабль и стал капитаном.

И если ты связан с Отчизной своею
Не метрикой только, но сердцем и разумом,
Ты должен поведать потомству скорее
О том, что ты видел своими глазами.

II

Скажи, чье сердце не сжималось
В тот памятный и страшный год?
Россия билась и металась,
Как рыба в судорге о лед.

В борьбе слепой изнемогала,
Смотря на Запад и Восток,
Народам мира подавала
Тревожный пламенный гудок.

На улице толпа гудела,
Никто не знал: где явь, где сон.
Ночь петроградская чернела,
И ветер дул со всех сторон.

А у реки в Кшесинском доме
Уж не гремела речь вождя,
И с неба падали в истоме
Потоки снега и дождя.

Кто крикнул в эту ночь: довольно?!
Кто встал у шаткого руля?
В свинцовых датах смуглый Смольный,
За ним — деревни и поля.

На стенах — строгие декреты
Наклеены и вкривь и вкось...
Откуда столько душ отпетых
В стране тишайшей набралось?

Откуда, боже, эти люди?
Молился обыватель вслух.
За ним с медяшками на блюде
Шли толпы вспуганных старух...

Честолюбив, с усмешкой едкой
Строчил свои статьи Чернов.
Он грязью лил с упрямством редким
На «варваров-большевиков».

Во всех газетах пишет это,
Сочится злоба между строк,
И ядовитые памфлеты
Летят на пашню и гудок.

О, эти взмыленные ночи,
Как кони мчались в даль и снег,
И понял в Октябре рабочий,
Что он не раб, а человек.

1981

Илья
Ионов

(1887—1942)

В ОДИН СОЮЗ

В один союз, народы мира!
Вложите в ножны тесаки,
Вернитесь к пашням опустелым,
Всех стран уставшие полки.

Смените стяги боевые
На знамя алое труда,
Пусть стихнет злоба и навеки
Умрет кровавая вражда.

Сотрите волею мятежной
Тысячелетние межи,
Чтоб под огнем не погибали
Колосья трепетные ржи.

Пусть там, где пушки грохотали,
Спокойно сеятель пройдет
И мирно утреннюю песню
Рожок пастуший пропоет.

Во имя равенства и братства,
Германец, русский и француз,
Сойдитесь с миром и сомкнитесь
В один союз!

1917

ГРЯДУЩЕЕ

Над миром светлым и свободным,
Горнилом вечного труда,
Горит огнем международным
Красноармейская звезда.

Ее лучи неугасимы,
Алеют ровно сквозь туман,
И к ней, как древле пилигримы,
Идут рабочие всех стран.

С нубийцем черным породнился
Крестьянин волжских берегов,
И братски в гул единый слился
Напев различных языков.

Один над всеми стяг багряный,
И все во власти тех же чар:
Вражды и злобы истуканов
Испепелил святой пожар.

Горят сверкающие знаки:
Колосья, молот и серпы,
И, словно огненные маки,
Пестреют дети средь толпы.

Конца не видно караванам
Великих рыцарей труда,
К чьим многолетним тяжким ранам
Коснулась лаской осиянной
Красноармейская звезда.

1919

РОССИЯ

По ниве жизни конь крылатый
Волочит тяжко красный плуг,
За ним с трудом идет оратай,
Коня и плуга верный друг.

Дымится пена под шлеею,—
Земля упорна и суха,
Но под железною рукою
Рвут пашню жадно лемеха.

Храпит и гнется конь упрямый,
Что шаг, то хвощ иль лебеда,
Но все ж ложится прямо, прямо
За бороздою борозда.

За ним с берестяным лукошком,
С боков отмеченным звездой,
Великий сеятель сторожко
Идет нехоженой тропой.

Грозит им небо ежечасно
И мечет молнию-копье,
И с криком злобным и опасным
Кружит над ними воронье.

Но конь могучий и крылатый,
Сверкая пеной, все идет,
И все упорнее оратай
Свой острый красный плуг ведет.

1919

КОММУНИСТЫ

Посвящаю членам Российской
Коммунистической партии.

Стремясь к одной великой цели,
Не знаем страха мы в борьбе,
Лишь мы в годину бед посмели
Наперекор пойти судьбе.
Когда на нас враги точили
Исподтишка свои ножи,
Мы святотатственно разбили
Законов древних рубежи.
Под знамя наше мы собрали
Семью коммуны трудовой
И путь великий начертали
Резцом по карте мировой.
Тот путь далек... Пусть будет круче
К вершинам солнечным подъем —
Сквозь холод, мрак, туман и тучи
Мы факел красный пронесем.
Уж видно с вышек наших башен:
Перешагнув через моря,
Над гладью иноземных пашен
Зажглась восстания заря.

Меж Нью-Йорком и Москвою
Бежит певучая волна
И невидимкою-рукою
Стальные пишет письмена:
«Во имя общей братской доли,
Вы, пролетарии всех стран,
Порывом мощным твердой воли
Сомкните свой великий стан.
Грядите в помощь коммунарам,
Рубите рабства кандалы,
Пусть старый мир одним ударом
Сметут мятежные валы».
Подхвачен клич за океаном,
Раздался первый гулкий звон,
Вот-вот суровым ураганом
Восстанет гордый Альбион.
Мы не одни... Глядите, братья,
Горит за морем тот же герб:
Переплелись в одном объятье
Колосья, молот, плуг и серп.

1920

Михаил Исаковский

(1900—1973)

МАТЕРИ

Не думай, мать, об убежавшем сыне:
Я лучших дней у жизни не прошу.
Всегда, всегда к Октябрьской годовщине
Я благодарные стихи пишу.

Пишу про те скрипучие полати,
Где по ночам ворочалась иужда.
Пишу о том, что к нашей низкой хате
Плывут огни по медным проводам;

Пишу о том, как ме́жи нас душили,
Как ставил голод серые кресты,
И что теперь в поля идут машины,
И что хлеба высо́ки и густы.

Родная мать, молящаяся небу!
Родиая мать, покориая судьбе!
Скажи, ие ты ль приклеивала хлебом
Портреты Ленина в своей избе?

И вечерами, примостившись к свету,
Не ты ль стыдливо просишь у снохи
Прочесть тебе ту самую газету,
В которой сын печатает стихи?

И если б старость утопить в пучине,
Ты побежала бы за мною вслед.
Вот почему к Октябрьской годовщине
Я каждый раз пишу тебе привет.

1925

ПИСЬМО В СТРАНУ СОВЕТОВ

Советский край, страна большевиков,
Страиа великих дерзновенных планов!
Видна ты мне со всех материков,
Со всех земель, морей и океанов.

И где б я ни был,— ты всегда со мной:
В Шанхае, в Лондоне,
В Париже иль Варшаве.
И знаю я: ведут к тебе одной
Дороги и пути обоих полушарий.

Пусть мы границами еще разделены,
Пусть никогда друг друга не встречали,
Но у меня в глазах отражены
Все радости твои и все твои печали.

Ты научилась в битвах побеждать,
Ты вышла к свету из подвалов темных
И хорошо умеешь понимать
Всех обездоленных и угнетенных.

И мы несем свои сердца тебе,
Чтобы горела в них неугасимо
Твоя
Суровая решительность в борьбе,
Твоя
Неиссякаемая сила.

Ты солнцем правды озаряешь нас —
Людей труда в закабаленных странах,
И миллионы рук,
И миллионы глаз
По всей земле
Твою несут охрану.

И все охотники на голову твою,
Что замышляют войны и походы,
Ответят нам в решительном бою
За все свои дела,
За все твои невзгоды.

Страна Советов, родина побед!
Мы все с тобой — наперекор границам.
Ты — наша молодость,
Ты — наш рассвет,
Надежды нашей
Первая зарница.

1932

У МАВЗОЛЕЯ ЛЕНИНА

Проходит ночь. И над землей все шире
Заря встает, светла...
Не умер он: повсюду в этом мире
Живут его дела.

И если верен ты его заветам —
Огням большой весны,—
В своей стране ты должен стать поэтом —
Творцом своей страны.

На стройке ль ты прилаживаешь камень,—
Приладь его навек,
Чтобы твоими умными руками
Гордился человек.

Растишь ли сад, где вечный голод плакал,
Идешь ли на поля,
Работай так, чтоб от плодов и злаков
Ломилась вся земля.

Услышишь гром из вражеского стана
У наших берегов,—
Иди в поход, сражайся неустанно
И будь сильней врагов!

Какое б ты ни делал в жизни дело,
Запомни — цель одна:
Гори, дерзай, чтоб вечно молодела
Великая страна;

Чтобы, когда в холодные потемки
Уйдешь ты,— слеп и глух,—
Твое бы имя понесли потомки,
Как песню,— вслух.

1935

ПЕСНЯ О РЕВОЛЮЦИИ

На заре, на зорюшке туманной,
По скупым, неласковым полям
Это я — оратай безымянный —
Сеял хлеб с тоскою пополам.

Это я по городам и селам
Ощупью искал твоих следов;
Звал тебя я песней невеселой,
Ждал тебя я тысячу годов.

Это я холодными ночами
Думу передумывал твою,
Это я с винтовкой за плечами
Шел сражаться за тебя в бою.

Сквозь леса, сквозь дебри вековые
Ты мою услышала тоску,
Ты одна — за тыщу лет впервые —
Руку протянула мужику.

Под его нечесаную крышу
Принесла счастливое житье.
От тебя, от первой, я услышал
Имя настоящее свое.

И, твоим дыханием согретый,
Ласкою обласканный твоей,
Прохожу я по Стране Советов,
Как хозяин суши и морей.

Я не знаю, чрез какие реки,
По каким пройду еще местам,
Только знаю, что тебя вовеки
Никому в обиду я не дам.

1936

25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Я снова думал, в памяти храня
Страницы жизни своего народа,
Что мир не знал еще такого дня,
Как этот день — семнадцатого года.

Он был и есть начало всех начал,
И мы того свидетели живые,
Что в этот день народ наш повстречал
Судьбу свою великую впервые;

Впервые люди силу обрели
И разогнули спины трудовые,
И бывший раб хозяином земли
Стал в этот день за все века впервые;

И в первый раз, развеяв злой туман,
На безграничной необъятной шири
Взошла звезда рабочих и крестьян —
Пока еще единственная в мире...

Все, что сбылось, иль, может, не сбылось,
Но сбудется, исполнится, настанет! —
Все в этот день октябрьский началось
Под гром боев народного восстанья.

И пусть он шел в пороховом дыму,—
Он — самый светлый, самый незабвенный,
Он — праздник наш. И равного ему
И нет и не было во всей вселенной.

Сияет нам его высокий свет —
Свет мира, созидания и братства.
И никогда он не погаснет, нет,
Он только ярче будет разгораться!

8 ноября 1956

ДУМА О ЛЕНИНЕ

Когда вырастешь, дочка, отдадут тебя замуж
В деревню большую, в деревню чужую.
Мужики там всё злые — топорами секутся,
А по будням там дождь и по праздникам дождь...

(Из старой русской народной песни)

В Смоленской губернии, в хате холодной,
Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля — бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно было счастье — по будням ненастье,
По будням ненастье, а в праздники — дождь.

Голодный ли вовсе, не очень ли сытый,
Я все-таки рос и годов с десяти
Постиг, что одна мне наука открыта —
Как лапти плести да скотину пасти.

И плел бы я лапти... И может быть, скоро
Уже обогнал бы отца своего...
Но был на земле человек, о котором
В ту пору я вовсе не знал ничего.

Под красное знамя бойцов собирая,
Все тяготы жизни познавший вполне,
Он видел меня из далекого края,
Он видел и думал не раз обо мне.

Он думал о том о бесправном народе,
Кто поздно ложился и рано вставал,
Кто в тяжком труде изнывал на заводе,
Кто жалкую нивку слезой поливал;

Чьи в землю вросли захудалые хаты,
Чьи и́з году в год пустовали дворы;
О том, кто давно на своих супостатов
Точил топоры, но молчал до поры.

Он стал и надеждой и правдой России,
И славой ее и счастливой судьбой.
Он вырастил, поднял могучие силы
И сам их повел на решительный бой.

И мы, что́ родились в избе, при лучине,
И что умирали на грудах тряпья,—
От Ленина право на жизнь получили —
Все тысячи тысяч таких же, как я.

Он дал моей песне тот голос певучий,
Что вольно плывет по стране по родной.
Он дал моей ниве тот колос живучий,
Который не вянет ни в стужу, ни в зной.

И где бы я ни был, в какие бы дали
Ни шел я теперь по пути своему,—
И в дни торжества, и в минуты печали
Я сердцем своим обращаюсь к нему.

И в жизни другого мне счастья не надо,—
Я счастья хотел и хочу одного:
Служить до последнего вздоха и взгляда
Живому великому делу его.

1940—1941

Дмитрий Кедрин

(1907—1945)

ПЕСНЯ О ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ

Серы, прохладны и немы
Воды глубокой реки.
Тихо колышутся шлемы,
Смутно мерцают штыки.

Гнутся высокие травы,
Пройденной былью шурша.
Грезятся стены Варшавы
И камыши Сиваша.

Ваши седые курганы
Спят над широкой рекой.
Вы разрядили наганы
И улеглись на покой.

Тучи слегка серебристы
В этот предутренний час,
Тихо поют бандуристы
Славные песни о вас.

Слушают грохот крушенья
Своды великой тюрьмы.
Дело ее разрушенья
Кончим, товарищи, мы.

Наша священная ярость
Миру порукой дана:
Будет безоблачна старость,
Молодость будет ясна.

Гневно сквозь сжатые зубы
Плюнь на дешевый уют.
Наши походные трубы
Скоро опять запоют.

Музыкой ясной и строгой
Нас повстречает война.
Выйдем — и будут дорогой
Ваши звучать имена.

Твердо пойдем, побеждая,
Крепко сумеем стоять.
Память о вас молодая
Будет над нами сиять.

Жесткую выдержку вашу
Гордо неся над собой,
Выпьем тяжелую чашу,
Выдержим холод и бой.

Все для того, чтобы каждый
Смертью дышавший в борьбе,
Мог бы тихонько однажды
В сердце сказать о себе:

«Я создавал это племя,
Миру несущее новь.
Я подарил тебе, время,
Молодость, слово и кровь».

1927

СТРОИТЕЛЬ

Мы разбили под звездами табор
И гвоздями прибили к шесту
Наш фонарик, раздвинувший слабо
Гуталиновую черноту.
На гранита шершавые плиты
Аккуратно поставили мы
Ватерпасы и теодолиты,
Положили кирки и ломы.
И покуда товарищи спорят,
Я задумался с трубкой у рта:
Завтра утром мы выстроим город,
Назовем этот город — Мечта.
В этом улье хрустальном не будет
Комнатушек, похожих на клеть.

В гулких залах веселые люди
Будут редко грустить и болеть.
Мы сады разобьем, и над ними
Станет, словно комета хвостат,
Неземными ветрами гонимый,
Пролетать голубой стратостат.
Благодарная память потомков!
Ты поклонишься нам до земли.
Мы в тяжелых походных котомках
Для тебя это счастье несли!
Не колеблясь ни влево, ни вправо,
Мы работе смотрели в лицо,
И вздымаются тучные травы
Из сердец наших мертвых отцов...
Тут, одетый в брезентовый китель,
По рештовкам у каждой стены,
Шел и я, безымянный строитель
Удивительной этой страны.

1930

КРЕМЛЬ

В тот грозный день, который я люблю,
Меня почтив случайным посещеньем,
Ты говорил, я помню, с возмущеньем:
«Большевики стреляют по Кремлю».
Гора до пят взволнованного сала —
Ты ужасался... Разве знает тля,
Что ведь не кистью на стене Кремля
Свои дела история писала.
В тот год на землю опустилась тьма
И пел свинец, кирпичный прах вздымая.
Ты подметал его, не понимая,
Что этот прах — история сама...
Мы отдаем покойных власти тленья
И лишний сор — течению воды,
Но ценим вещь, раз есть на ней следы
Ушедшего из мира поколенья,
Раз вещь являет след людских страстей —
Мы чтим ее и, с книгою равняя,
От времени ревниво охраняя,
По вещи учим опыту детей.
А гибнет вещь — нам в ней горька утрата
Ума врагов и смелости друзей.

Так есть доска, попавшая в музей
Лишь потому, что помнит кровь Марата.
И часто капли трудового пота
Стирает мать. Приводит в Тюильри
Свое дитя и говорит: «Смотри —
Сюда попала пуля санкюлота...»
Постой, чудак, умерь свою спесивость,
Мы лучше знаем цену красоты.
Мы сводим в жизнь прекрасное, а ты?
Привык любить сусальную красивость...
Но ты решил, что дрогнула земля
У грузных ног обстрелянного зданья.
Так вслушайся: уже идут преданья
О грозных башнях Красного Кремля.

1928

КУКЛА

Как темно в этом доме!
Тут царствует грузчик багровый,
Под нетрезвую руку
Тебя колотивший не раз...
На окне моем — кукла.
От этой красотки безбровой
Как тебе оторвать
Васильки загоревшихся глаз?

Что ж!
Прильни к моим стеклам
И красные пальчики высунь...
Пес мой куклу изгрыз,
На подстилке ее теребя.
Кукле — много недель!
Кукла стала курносой и лысой.
Но не все ли равно?
Как она взволновала тебя!

Лишь однажды я видел:
Блистали в такой же заботе
Эти синие очи,
Когда у соседских ворот
Говорил с тобой мальчик,

Что в каменном доме напротив
Красный галстучек носит,
Задорные песни поет.

Как темно в этом доме!
Ворвись в эту нору сырую
Ты, о время мое!
Размечи этот нищий уют!
Тут дерутся мужчины,
Тут женщины тряпки воруют,
Сквернословят, судачат,
Юродствуют, плачут и пьют.

Дорогая моя!
Что же будет с тобой?
Неужели
И тебе между них
Суждена эта горькая часть?
Неужели и ты
В этой доле, что смерти тяжеле,
В девять пить,
В десять — врать
И в двенадцать —
Научишься красть?

Неужели и ты
Погрузишься в попойку и в драку,
По намекам поймешь,
Что любовь твоя —
Ходкий товар,
Углем вычернишь брови,
Нацепишь на шею — собаку,
Красный зонтик возьмешь
И пойдешь на Покровский бульвар?

Нет, моя дорогая!
Прекрасная нежность во взорах
Той великой страны,
Что качала твою колыбель!
След труда и борьбы —
На руке ее известь и порох,
И под этой рукой
Этой доли —
Бояться тебе ль?

Для того ли, скажи,
Чтобы в ужасе,
С черствою коркой
Ты бежала в чулан
Под хмельную отцовскую дичь,—
Надрывался Дзержинский,
Выкашливал легкие Горький,
Десять жизней людских
Отработал Владимир Ильич?

И когда сквозь дремоту
Опять я услышу, что начат
Полуночный содом,
Что орет забулдыга-отец,
Что валится посуда,
Что голос твой тоненький плачет,—
О терпенье мое!
Оборвешься же ты наконец!

И придут комсомольцы,
И пьяного грузчика свяжут,
И нагрянут в чулан,
Где ты дремлешь, свернувшись в калач,
И оденут тебя,
И возьмут твои вещи,
И скажут:
«Дорогая!
Пойдем,
Мы дадим тебе куклу.
Не плачь!»

1932

ДВОЙНИК

Два месяца в небе, два сердца в груди,
Орел позади, и звезда впереди.
Я поровну слышу и клекот орлиный,
И вижу звезду над родимой долиной:
Во мне перемешаны темень и свет,
Мне Недоросль — прадед, и Пушкин — мой дед.

Со мной заодно с колченогой кровати
Утрами встает молодой обыватель,
Он бродит, раздет, и немыт, и небрит,
Дымит папиросой и плоско острит.
На сад, что напротив, на дачу, что рядом,
Глядит мой двойник издевательским взглядом,
Равно неприязненный всем и всему,—
Он в жизнь эту входит, как узник в тюрьму.

А я человек переходной эпохи...
Хоть в той же постели грызут меня блохи,
Хоть в те же очки я гляжу на зарю
И тех же сортов папиросы курю,
Но славлю жестокость, которая в мире
Клопов выжигает, как в затхлой квартире,
Которая за косы землю берет,
С которой сегодня и я в свой черед
Под знаменем гезов, суровых и босых,
Вперед заношу мой скитальческий посох...
Что ж рядом плетется, смешок затая,
Двойник мой, проклятая косность моя?

Так, пробуя легкими воздух студеный,
Сперва задыхается новорожденный,
Он мерзнет, и свет ему режет глаза,
И тянет его воротиться назад,
В привычную ночь материнской утробы;
Так золото мучат кислотною пробой,
Так все мы в глаза двойника своего
Глядим и решаем вопрос: кто кого?

Мы вместе живем, мы неплохо знакомы,
И сильно не ладим с моим двойником мы:
То он меня ломит, то я его мну,
И, чуть отдохнув, продолжаем войну.
К эпохе моей, к человечества маю
Себя я за шиворот приподымаю.
Пусть больно от этого мне самому,
Пускай тяжело,— я себя подыму!
И если мой голос бывает печален,
Я знаю: в нем фальшь никогда не жила!..
Огромная совесть стоит за плечами,
Огромная жизнь расправляет крыла!

1934

КРЫМ

Старинный друг, поговорим,
Старинный друг, ты помнишь Крым?
Вообразим, что мы сидим
Под буком темным и густым.
Медуз и крабов на мели
Босые школьники нашли,
За волнорезом залегли
В глубоком штиле корабли,
А море, как веселый пес,
Лежит у отмелей и кос
И быстрым языком волны
Облизывают валуны.
Звезда похожа на слезу,
А кипарисы там, внизу,
Как две зеленые свечи
В сандалом пахнущей ночи.
Ты закурил и говоришь:
«Как пахнет ночь! Какая тишь!
Я тут уже однажды был,
Но край, который я любил,
Но Крым, который мне так мил,
Я трехдюймовками громил.
Тогда, в двадцатом, тут кругом
Нам каждый камень был врагом,
И каждый дом, и каждый куст...
Какая перемена чувств!
Ведь я теперь на берегу
Окурка видеть не могу,
Я веточке не дам упасть,
Я камушка не дам украсть.
Не потому ль, что вся земля —
От Крыма и до стен Кремля,
Вся до последнего ручья —
Теперь ничья, теперь моя?
Пусть в ливадийских розах есть
Кровь тех, кто не успел расцвесть,
Пусть наливает виноград
Та жизнь, что двадцать лет назад
Пришла, чтоб в эту землю лечь,—
Клянусь, что праздник стоит свеч!
Смотри! Сюда со связкой нот
В пижаме шелковой идет

И поднимает скрипку тот,
Кто грыз подсолнух у ворот.
Наш летний отдых весел, но,
Играя в мяч, идя в кино,
На утлом ялике гребя,
Борясь, работая, любя,
Как трудно дался этот край,
Не забывай, не забывай!..»
Ты смолк. В потемках наших глаз
Звезда крылатая зажглась.
А море, как веселый пес,
Лежит у отмелей и кос,
Звезда похожа на слезу,
А кипарисы там, внизу,
Нам светят, будто две свечи,
В сандалом пахнущей ночи...
Тогда мы выпили до дна
Бокал мускатного вина,—
Бокал за Родину свою,
За счастье жить в таком краю,
За то, что Кремль, за то, что Крым
Мы никому не отдадим.

1935

Владимир Кириллов

(1890—1943)

* * *

Гремят мятежные раскаты,
Гудит набата красный звон,
Мир угнетенья, мир проклятый
До основанья потрясен.

И в грозном вихре разрушенья,
В кровавом ужасе войны
Уже цветут, горят виденья
Великой Мировой Весны.

И близок день: вернется воин
С полей войны под мирный кров,
И будет Новый Мир построен —
Мир без тиранов и рабов.

И разноликие народы,
Разрушив сети злобных пут,
Под сенью Братства и Свободы
Легко и радостно вздохнут.

12 января 1918

ЖЕЛЕЗНЫЙ МЕССИЯ

Вот он — спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме приводов, в блеске машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали — явится в солнечных ризах,
В ореоле божественных тайн,
А он пришел к нам в дымах сизых
С фабрик, заводов, окраин.

Вот он шагает чрез бездны морей,
Непобедимый, стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.

Где прозвенит его властный крик —
Недра земные вскрываются,
Горы пред ним расступаются вмиг,
Полюсы мира сближаются.

Где пройдет — оставляет след
Гулких железных линий,
Всем несет он радость и свет,
Цветы насаждает в пустыне.

Новое солнце миру несет,
Рушит троны, темницы,
К вечному братству народы зовет,
Стирает черты и границы.

Знак его алый — символ борьбы —
Угнетенных маяк спасительный;
С ним победим мы иго судьбы,
Мир завоюем пленительный.

Апрель или май 1918

МАТРОСАМ

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песнь огневая рубиновых слов.

Вы — солнце, вы — свежесть стихии соленой,
Вы — вольные ветры, вы — рокоты бурь,
В речах ваших звоны, морские циклоны;
Во взорах безбрежность — морская лазурь.

Врагам не прощали вы кровь и обиды
И знамя борьбы поднимали не раз,
Балтийские воды и берег Тавриды
Готовят потомкам пленительный сказ.

Как бурные волны, вы грозно вливались
Во дни революций на невский гранит,
И кровью орлиной не раз омывались
Проспекты, панели асфальтовых плит.

Открытые лица, широкие плечи,
Стальные винтовки в бесстрашных руках,
Всегда наготове для вражеской встречи,—
Такими бывали вы в красных боях.

Подобно утесам, вы встали, титаны,
На страже коммуны, на страже свобод
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный Семнадцатый год.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веков!

Весна 1918

* * *

Флаг кумачовый на скудном шесте,
Грубая надпись: «Вся власть Советам!»,
Но каждое сердце в палящей мечте,
И знамя горит мировым рассветом.

Топот тяжелый натруженных ног,
Серые блузы, кепи да блузы,
Но крепче железа рабочие узы,—
Каждый изведал из сотни дорог
Только одну: суму да острог.

Взоры упорны, упрямы лица,
Прямо с заводов, прямо с работы —
В сытую роскошь праздной столицы,
В пышный проспект мишуры, позолоты.

Встревоженный Невский привстал на дыбы,
Знамя маячит знаком судьбы...

Прыгнули нервно стекляшки лорнетов:
Что там? «Советы... долой кадетов»...
В струйках фиалок — звериная злость:
На фонари бы черную кость...

Шляпы, пенсне, золотые погоны,
Шепот струится: «Вот они, вот,
Большевики, дезертиры, шпионы...
Что же по ним не строчит пулемет?»

В жирных мозгах шевелится, должно быть,
Греза: на белом коне генерал.
Только бесплодна и греза и злоба —
Вот надвигается огненный шквал.

Флаг кумачовый на скудном шесте,
Поступь упруга, не гнутся колени.
Каждое сердце в палящей мечте
Лелеет весеннее слово «Ленин».

1922

25 ОКТЯБРЯ

Есть дни величавей столетий...
Играй, моя песня, гори!
Этот день осенний светит
Светом неумирающей зари.

Дни брели бродягами хилыми,
Пропадая в тумане и мгле,
Этот встал над седыми могилами
Женихом невесте-земле.

Никогда не забудут потомки
Бурный Смольный с жужжаньем улья,
И сжигавшие страх и потемки
Пламя слов и костер патруля.

Каждый был на голову выше,
Каждый был окрылен и силен.
Верю: даже созвездия слышат
Этих дней полыхающий звон.

Были пьяны, хмельны без водки,
От зари до зари без сна;
Было новое даже в походке,
В каждом взоре — огонь и весна.

1922

Семен Кирсанов

(1906—1972)

ЧИТАЯ ЛЕНИНА

Когда за письменным столом
вы бережно
берете
его живой и вечный том
в багряном переплете —
и жизнь ясна,
и мысль чиста,
не тронутая тленьем,
с гравюры первого листа
вас будто видит Ленин.

И чудится:
он знает все,
что было в эти годы,—
и зарева горящих сел,
и взорванные своды,
и Севастополь,
и Донбасс,
и вьюгу в Сталинграде,
и кажется —
он видел вас
у Ковпака в отряде...

И хочется сказать ему
о времени суровом,
как побеждали
злую тьму
его могучим словом,
как освещало каждый штык
его родное имя,
как стало званье —
большевик —
еще непобедимей.

И хочется сказать о том,
как в битве и работе
нам помогал
великий том
в багряном переплете,
как Ленин
с нами шел вперед
к победе шаг за шагом,
как осенял себя народ
его бессмертным стягом!

1945

О НАШИХ КНИГАХ

По-моему,
пора кончать скучать,
по-моему,
пора начать звучать,
стучать в ворота,
мчать на поворотах,
на сто вопросов
строчкой отвечать!
По-моему,
пора стихи с зевотой,
с икотой,
рифмоваться неохотой
из наших альманахов
исключать,
кукушек хор
заставить замолчать
и квакушку
загнать в ее болото.
По-моему,
пора сдавать в печать
лишь книги,
что под кожей переплета
таят уменье
радий излучать,
труд облегчить,
лечить и обучать,
и из беды
друг друга выручать,

и рану,
      если нужно,
                  облучать,
и освещать
            дорогу для полета!..
Вот какая нам предстоит гигантская
                                   работа.

1953

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Молодой головой
                  русея,
над страницей стихов склонясь,
был Асеев,
            и будет Асеев
дверь держать
                открытой для нас.
Мне приснится,
                и прояснится,
и сверкнет отраженным днем —
на дарьяльскую щель
                      Мясницкой
этот сверху глядящий дом.

Я взбегал
           по крутейшей лестнице
мимо примусов и перин
на девятый этаж,
                  где свеситься
было страшно,
                держась перил.

У обрыва
          лестничной пропасти
был на двери фанерный лист,
на котором
             крупные подписи
открывавших ту дверь вились,

Я о том расскажу
при случае,
а за подписями щита —
знаменитые строки
слушали,
знаменитые —
шли читать.

Был Каменский,
два пальца свиста
он закладывал в рот стиха,
был творец
«Лейтенанта Шмидта»,
И — чего уж таить греха —
за фанерой
дверного ребуса,
на партнера кося глаза,—
с Маяковским
Асеев резался,
выходя на него с туза.

Королями
четырехкратными
отбиваясь с широких плеч,
Маяковский
острил за картами
(чтоб Коляду
от карт отвлечь).

Но Коляда
лишь губы вытянет
и, на друга чуть-чуть косясь,—
вдруг из веера
даму вытянет
и на стол,—
козырей пасьянс!
Вот ночные птицы
закаркали,
вот каемка зари залегла...
Только ночь не всегда за картами,
не всегда
здесь велась игра.

Стекла вздрагивали
от баса,
под ногами дрожал паркет,
так читался
«Советский паспорт» —
аж до трещин на потолке.

Над плакатами
майских шествий
в круглом почерке воскресал
и всходил на помост
Чернышевский,
мчались сани
синих гусар.

Если только
тех лет коснуться —
выплывают из-под строки
мейерхольдовские
конструкции,
моссельпромовские ларьки,

тень «Потемкина»
на экране,
башня Татлина
в чертеже,
И Республики воздух ранний,
пограничник
настороже...

И еще не роман,
не повесть
здесь отлеживались на листе,
а буденновской песни
посвист
из окна
вырывался в степь.

И казаки неслись
усатые
под асеевский пересвист,
это годы неслись
двадцатые,
это наши стихи
неслись.

Еще много войн
провоюется,
и придет им пора стихать,
но позвавшая нас
Революция

никогда
не стихнет
в стихах!

И ни тления им,
ни пепла,
ни забвенья —
они звучат
и вытаскивают из пекла
обожженных войной
внучат.

Потому что, когда железная
лапа смерти
стучится к нам,—
в наше место
встает поэзия,
с перекличкою по рядам.

Мы не урны,
и мы не плиты,
мы страницы страны,
где мы
для взволнованных глаз открыты
за незапертыми
дверьми.

Нач. 60-х гг.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Я наблюдал не раз
жизнь
старых фотографий,
родившихся
при нас
в Октябрьском Петрограде.

В начале наших дней
в неповторимых сценах
остановился
миг
на снимках драгоценных.

Они скромнее книг,
но душу мне тревожит
печаль и боль,
что миг
продлиться в них не может...

Как пожелтел листок
из тонкого картона!
Вот
людям раздают
винтовки и патроны.

Вот,
выставив штыки,
глазасты и усаты,
глядят с грузовика
восставшие солдаты...

Вот
площадь у дворца,
и, может, выстрел грянул,—
так строго
в объектив
красногвардеец глянул...

Вот
наискось летит
матрос, обвитый лентой,
и то,
что он убит,
всем ясно,
всем заметно...

Вот
женщина в толпе
перед могилой плачет,
но мокрые глаза
она под шалью прячет...

Вот
    парень на столбе
над невским парапетом,
он машет картузом,
крича:
        «Вся власть Советам!»

Вот
    понесли плакат
две молодых студентки...
Вот
    Ленин над листком
склонился на ступеньке...

Вот
    первый наш рассвет
и длань Петра чернеет,
а девушка
            декрет
на черный мрамор клеит...

Но почему они
на снимках неподвижны,—
они,
    которых жизнь —
начало новой жизни?

Не верю,
          что навек
мгновение застыло!
Товарищи!
            Скорей
вставайте с новой силой!
И кто посмел сказать:
«Остановись,
              мгновенье»?
Вдруг
      будто пронеслось
по снимкам дуновенье,
как будто
           некий маг
в фуражке-невидимке
вдруг палочкою мах-
нул —
      и очнулись снимки!

Вот
   поднялся матрос
и лег живой на цоколь,
чтоб грудью отстоять
от немцев
          Севастополь...

Сошли с грузовика
солдаты из отряда
с гранатами —
                 в окоп,
в обломки Сталинграда...

И две студентки,
                    две
наивных недотроги,
снаряды повезли
по ледяной дороге...

Теперь они сдают
экзамен в институте —
другие,
      но они,
такие же по сути...

Вот
   женщина сошла
со снимка
          в час суровый
и в школьный зал вошла
учительницей новой...

И парень
          на столбе
телевизионной вышки
приваривает сталь
под молнийные вспышки...

И глянул в объектив
нестрого и неловко
похожий
        на того
прохожего с винтовкой,

но он держал чертеж
в конверте из картона —
ракеты,
что взлетит
звездой десятитонной!

О, снимки!
Снова в них
заулыбались лица!
Но я и знал,
что миг
не мог остановиться.
Что Ленин
написал
под новью наших планов
знакомые слова:
«Согласен.
В. Ульянов...»

Я прихожу в музей,
я прикоснуться
вправе
к листовкам первых дней,
к квадратам
фотографий.

Они глядят со стен
и подтверждают сами,
что тот,
кто был ничем,
стал всем
и всеми нами!

1967

Николай Клюев

(1887—1937)

* * *

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть все небо в алмазах,
Уловить серафимов хвалы,
Причаститься из Спасовой чаши!
Наши юноши — в тучах орлы,
Звезд задумчивей девушки наши.

Город-дьявол копытами бил,
Устрашая нас каменным зевом.
У страдальческих теплых могил
Обручились мы с пламенным гневом.
Гнев повел нас на тюрьмы, дворцы,
Где на правду оковы ковались...
Не забыть, как с детями отцы
И с невестою милой прощались...

Мостовые расскажут о нас,
Камни знают кровавые были...
В золотой, победительный час
Мы сраженных орлов схоронили.
Поле Марсово — красный курган,
Храм победы и крови невинной...
На державу лазоревых стран
Мы помазаны кровью орлиной.

Конец 1917 — начало 1918 г.

ГИМН ВЕЛИКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Мы — красные солдаты,
Священные штыки,
За трудовые хаты
Сомкнулися в полки.

От Ладоги до Волги
Взывает львиный гром...
Товарищи, недолго
Нам мериться с врагом!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Низвергнуты короны,
Стоглавый капитал.
Рабочей обороны
Бурлит железный вал.
Он сокрушает скалы,
Пристанище акул...
Мы молоды и алы
За изгородью дул!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Да здравствует Коммуны
Багряная звезда:
Не оборвутся струны
Певучего труда!
Да здравствуют Советы,
Социализма строй!
Орлиные рассветы
Трепещут над землей.
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
С нуждой проклятой споря,
Зовет поденщик нас;
Вращают жернов горя
С Архангельском Кавказ.
Пшеница же — суставы
Да рабьи черепа...
Приводит в лагерь славы
Возмездия тропа.
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
За праведные раны,
За ливень кровяной
Расплатятся тираны
Презренной головой.
Купеческие туши
И падаль по церквам,
В седых морях, на суше
Погибель злая вам!

Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Мы — красные солдаты,
Всемирных бурь гонцы,
Приносим радость в хаты
И трепет во дворцы.
В пылающих заводах
Нас славят горн и пар...
Товарищи, в походах
Будь каждый смел и яр!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Под огненное знамя
Скликайте земляков,
Кивач гуторит Каме,
Олонцу вторит Псков:
«За Землю и за Волю
Идет бесстрашных рать...»
Пускай не клянет долю
Красноармейца мать.
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
На золотом пороге
Немеркнущих времен
Отпрянет ли в тревоге
Бессмертный легион?
За поединок краткий
Мы вечность обретем.
Знамен палящих складки
До солнца доплеснем!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!

1919

* * *

Огонь и розы на знаменах,
На ружьях маковый багрец,
В красноармейских эшелонах
Не счесть пылающих сердец!

Шиповник алый на шинелях,
В единоборстве рождена,
Цветет в кумачневых метелях
Багрянородная весна.

За вороньем погоню правя,
Парят коммуны ястреба...
О нумидийской знойной славе
Гремит пурговая труба,

Египет в снежном городишке,
В броневиках — слоновый бой...
Не уживется в душной книжке
Молотобойных песен рой.

Ура! Да здравствует коммуна!
(Строка — орлиный перелет)
Припал к пурпуровым лагунам
Родной возжаждавший народ.

Не потому ль багрец и розы
Заполовели на штыках,
И с нумидийским тигром козы
Резвятся в яростных стихах!

1919

ЮНОСТЬ

Мой красный галстук так хорош,
Я на гвоздику в нем похож,—
Гвоздика — радостный цветок
Тому, кто старости далек
И у кого на юной шее,
Весенних яблонь розовее,
Горит малиновый платок,
Гвоздика — яростный цветок!

Мой буйный галстук — стая птиц,
Багряных зябликов, синиц,
Поет с весною заодно,
Что парус вьюг упал на дно,
Во мглу скрипучего баркаса,
Что синь небесного атласа
Не раздерут клыки зарниц.
Мой рдяный галстук — стая птиц!

Пусть ворон каркает в ночи,
Ворчат овражные ключи
И волк выходит на опушку,—
Козлятами в свою хлевушку
Загнал я песни и лучи...
Пусть в темень ухают сычи!

Любимый мир — суровый дуб
И бора пихтовый тулуп,
Отары, буйволы в сто пуд
В лучах зрачков моих живут,
Моим румянцем под горой
Цветет шиповник молодой,
И крепкогрудая скала,
Упорство мышц моих взяла!

Мой галстук с зябликами схож,
Румян от яблонных порош,
От рдяных листьев Октября
И от тебя, моя заря,
Что над родимою страной
Вздымаешь молот золотой!

1927

Василий Князев

(1887—1937)

ПЕСНЯ КОММУНЫ

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами.

Все в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга;
За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг и от плуга!

Пусть британцев орда
Снаряжает суда,
Угрожая Руси кандалами,—
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами.

Славен красный наш род,
Жив свободный народ,—
Все идут под знамена Коммуны.
Гей, враги у ворот!
Коммунары — вперед!
Не страшны нам лихие буруны!

Враг силен? Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами,—
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат,
Станут девушки в ряд,
Будут дети и жены бороться,
Всяк солдат-рядовой,
Сын семьи трудовой —
Все, в ком сердце мятежное бьется!

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,—
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами!!!

1918

НОВАЯ МЕТЛА

Грязи, сору — без числа
В обновленной хатке...
Ну-ка, новая метла,
Наведи порядки!

Гоц, [1] Керенский и другие
Всё загадили в краю...
Помогите, дорогие,
Выместь родину мою.
Всех бездельников-банкиров,
Трудовой семьи вампиров,
Что шипят на новый строй,
Тунеядцев, невских франтов,
Финансистов, фабрикантов —
В шею новою метлой!

Грязи, сору — без числа
В обновленной хатке...
Ну-ка, новая метла,
Наведи порядки!

Точно так же не мешало б
Чистку книжную начать —

---

[1] Гоц А. Р. — один из лидеров партии эсеров.

Чересчур уж много жалоб
На панельную печать.
Все журнальчики и книжки
Про скандальчики-интрижки:
«Стрекозу», «Весь мир» гнилой,
Пинкертонов приключенья —
Мародеров развлеченье —
В шею новою метлой!

Грязи, сору — без числа
В обновленной хатке...
Ну-ка, новая метла,
Наведи порядки!

Подмести немедля надо
И казенные места —
Проползло немало гада
К нам украдкой в ворота!
Всех подложных комиссаров
Из вчерашних земгусаров,
Грязных взяточников рой,
Ради выгоды корыстной
Строй признавших ненавистный,—
В шею новою метлой!

Грязи, сору — без числа
В обновленной хатке...
Ну-ка, новая метла,
Наведи порядки!

Весна 1918

СЫН КОММУНАРА

Промчится вихрь с неслыханною силой...
Сиротка мальчик спросит мать свою:
«Скажи, родная, где отец мой милый?»
И сыну мать, склонившись над могилой,
Ответит гордо:
«Пал в святом бою!
Он призван был в дни черной непогоды,
Когда враги душили край родной,
Грозя залить кровавою волной
Светильники у алтарей свободы.

На их удар ответил он ударом
И пал, от братьев отводя беду...
Отец твой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году!»

Привет и ласку ото всех встречая,
Сын коммунара спросит мать свою:
«Не понимаю. Объясни, родная:
Я — мал и слаб: за что мне честь такая
В родном краю?»
И мать ответит маленькому сыну:
«К тебе горят любовию сердца
За крестный подвиг твоего отца,
Погибшего в тяжелую годину.
Стонала Русь под вражеским ударом,
Грозила смерть свободному труду...
Отец твой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году!»

— «Но почему мы не в каморке тесной,
А во дворце живем с тобой?.. Взгляни —
Какой простор! какой уют чудесный!
За что был отдан бедноте окрестной
Дворец царей? Родная, объясни».
И мать ответит, мальчика лаская:
«Раскрыли перед вами дверь дворцов
Заслуги ваших доблестных отцов,
Что пали, за свободу погибая.
Шел враг на Русь с мечами и пожаром,
Неся с собой смертельную беду...
Отец твой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году!»

И смолкнет сын, в раздумии глубоком
Взирая на могильный холм борца
И думая о доблестном далеком...
Гигантом пред его духовным оком
Восстанет тень почившего отца.
И даст он клятву — тою же тропою
Всю жизнь свою безропотно идти
И не сходить с отцовского пути
Неколебимо-гордою стопою:

«Клянусь быть честным, доблестным и ярым,
К насильникам всю жизнь питать вражду
Отец мой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году!»

Лето 1918

БЕССМЕРТНОЕ

Дни героической защиты
Октябрьских вольностей гнезда
Не будут миром позабыты.
Пройдут несчетные года,
И гордо встанут из гробницы
Дружины красных львов столицы,
Чтоб на границах площадей
Держать надменно и сурово
Звеняще-бронзовое слово
О подвигах великих дней.

Близ серомраморных окопов
Артель бессмертных землекопов,
Обильно льющих медный пот,
Мужчин и женщин изнуренных,
Блокадою изнеможденных,
Двухтысячный увидит год.
Воскреснут людные райкомы
Незабываемых недель:
Кровати-стулья, пыль соломы —
Пятиминутная постель
Дежурных членов тройки красной,
Что сна не знали в миг опасный,
Храня свободы колыбель.
И вы, работницы, орлицы
Краснопредместных чердаков,
Перелетев чрез тьму веков,
Опуститесь в сады столицы,
Чтоб миру диктовать страницы
Поэм о подвигах своих,
Из бронзы высекая стих!

1919. Дни Юденича

Павел Коган

(1918—1942)

ПИСЬМО

(Отрывок)

Жоре Лепскому

...Мы пройдем через это.
Мы затопчем это, как окурки,
Мы, лобастые мальчики невиданной
революции,
В десять лет мечтатели,
В четырнадцать — поэты и урки.
В двадцать пять — внесенные в смертные
реляции.
Мое поколение —
это зубы сожми и работай,
Мое поколение —
это пулю прими и рухни.
Если соли не хватит —
хлеб намочи потом,
Если марли не хватит —
портянкой замотай тухлой.
Ты же сам понимаешь, я не умею бить
в литавры,
Мы же вместе мечтали, что пыль, что
ковыль, что криница.
Мы с тобою вместе мечтали пошляться
по Таврии
(ну, по Крыму по-русски),
А шляемся по заграницам.
И когда мне скомандует пуля
«не торопиться»
И последний выдох на снегу воронку
выжжет
(Ты должен выжить, я хочу, чтобы ты
выжил),
Ты прости мне тогда, что я не писал
тебе писем.

А за нами женщины наши,
И годы наши босые,
И стихи наши,
И юность,
И январские рассветы.
А леса за нами,
А поля за нами —
Россия!
И, наверно, земшарная Республика
Советов!..

Декабрь, 1940

ПЕРВАЯ ТРЕТЬ

(Отрывки из романа в стихах)

Глава II

12

О мальчики моей поруки!
Давно старьевщикам пошли
Смешные ордерные брюки,
Которых нам не опошлить.
Мы ели тыквенную кашу,
Видали Родину в дыму,
В лице молочниц и мамаши
Мы били контру на дому.
Двенадцатилетние чекисты,
Принявши целый мир в родню,
Из всех неоспоримых истин
Мы знали партию одну.
И фанатическую честность
С собой носили как билет,
Чтоб после, в возрасте известном,
Как корью ей переболеть.
Но, правдолюбцы и аскеты,
Все путали в пятнадцать лет.
Нас честность наша до рассвета
В тревожный выводила свет.
На Украине голодали,
Дымился Дон от мятежей,
И мы с цитатами из Даля
Следили дамочек в ТЭЖЭ.

Но как мы путали. Как сразу
Мы оказались за бортом,
Как мучались, как ум за разум,
Как взгляды тысячи сортов.
Как нас несло к чужим. Но нету
Других путей. И тропок нет.
Нас честность наша до рассвета
В тревожный выводила свет.
О Родина! Я знаю шаг твой,
И мне не жаль своих путей.
Мы были совестью абстрактной,
А стали совестью твоей.

Глава IV

4

В те годы в праздники возили
Нас по Москве грузовики,
Где рядом с узником Бразилии
Художники изобразили
Керзона (нам тогда грозили,
Как нынче, разные враги).
На перечищенных, охрипших
Врезались в строгие века
Империализм, Антанта, рикши,
Мальчишки в старых пиджаках.
Мальчишки в довоенных валенках,
Оглохшие от грома труб,
Восторженные, злые, маленькие,
Простуженные на ветру.
Когда-нибудь в пятидесятых
Художники от мук сопреют,
Пока они изобразят их,
Погибших возле речки Шпрее.
А вы поставьте зло и косо
Вперед стремящиеся упрямо,
Чуть рахитичные колеса
Грузовика системы «АМО»,
И мальчики моей поруки
Сквозь расстояние и изморозь
Протянут худенькие руки
Людям
коммунизма.

Из недописанной главы

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков,
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Косая сажень, твердый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими, любыми,
Не очень умными подчас,
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучась, горячась.
Мы были всякими, но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они прикрасят и припудрят,
И все-таки пробьемся мы!
. . . .
И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю,
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахнуло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох как пес от ностальгии
В любом кокосовом раю...

1940—1941

Борис
Корнилов

(1907—1938)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МОИМ ПРИЯТЕЛЯМ

(Отрывки)

> Все те же мы: нам целый мир — чужбина;
> Отечество нам Царское Село.
>
> *А. С. Пушкин*

2

...Утренняя изморозь —
плохая погода,
через пень-колоду, в опорках живем,
снова дует ветер двадцатого года —
батальоны ЧОНа
стоят под ружьем.
А в лесу берлоги,
мохнатые ели,
чертовы болота,
на дыре — дыра,
и лесные до смерти бандиты надоели,
потому бандитам помирать пора.
Осенью поляны
все зарею вышиты,
ЧОНовский разведчик
выполз, глядит...
Ишь ты,
поди ж ты,
что же говоришь ты —
ты ль меня,
я ль тебя,
молодой бандит.
Это наша молодость —
школа комсомола,
где не разучивают слова «боюсь»,
и зовут чужбиною
Царские Села,
и зовут отечеством
Советский Союз.

Точка —
ночью звезды
тлеют, как угли,
с ЧОНа отечество
идет, как с туза...
Васька Молчанов —
ты ли мне не друг ли?
Хоть бы написал товарищу раза.

3

Вы на партработе —
тяжелое дело
брать за манишку бредущих наугад,
как щенков натаскивать,
чтобы завертело
в грохоте ударных и сквозных бригад.
Я сижу и думаю —
мальчики что надо,
каждый знает дело,
не прет на авось,—
«Молодость и дружба» — сквозная бригада
через пятилетье, большое насквозь...

1931

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ

Ребята, на ходу — как были
мы в плену —
немного о войне поговорим...
В двадцатом году
шел взвод на войну,
а взводным нашим Вася Головин.
Ать, два...

И братва басила —
бас не изъян:
— Да здравствует Россия,
Советская Россия,
Россия рабочих и крестьян!

В ближайшем бою к нам идет офицер
(англичане занимают край),
и томми нас берут на прицел.
Офицер говорит: Олл райт...
Ать, два...

Это смерти сила
грозит друзьям,
но — здравствует Россия,
Советская Россия,
Россия рабочих и крестьян!

Стояли мы под дулами —
не охали, не ахали,
но выступает Вася Головин:
— Ведь мы такие ж пахари,
как вы, такие ж пахари,
давайте о земле поговорим.
Ать, два...

Про самое, про это,—
буржуй, замри,—
да здравствует планета,
да здравствует планета,
планета наша, полная земли!

Теперь про офицера я...
Каким он ходит пупсиком —
понятно, что с работой
незнаком.
Которые тут пахари —
ударь его по усикам
мозолями набитым кулаком.
Ать, два...

Хорошее братание
совсем не изъян —
да здравствует Британия,
да здравствует Британия,
Британия рабочих и крестьян!

Офицера пухлого берут на бас,
и в нашу пользу кончен спор.

Мозоли-переводчики промежду нас —
помогают вести разговор.
Ать, два...

Нас томми живо поняли —
и песня по кустам...
А как насчет Японии?
Да здравствует Япония,
Япония рабочих и крестьян!

Ребята, ну...
как мы шли на войну,
говори — полыхает закат...
Как мы песню одну,
настоящую одну
запевали на всех языках.
Ать, два...

Про одно про это
ори друзьям:
— Да здравствует планета,
да здравствует планета,
планета рабочих и крестьян!

1932

ОКТЯБРЬСКАЯ

Поднимайся в поднебесье, слава, —
не забудем, яростью горя,
как Московско-Нарвская застава
шла в распоряженье Октября.

Тучи злые песнями рассеяв,
позабыв про горе и беду,
заводило Вася Алексеев
заряжал винтовку на ходу.

С песнею о красоте Казбека,
о царице в песне говоря,
шли ровесники большого века
добивать царицу и царя.

Потому с улыбкою невольной,
молодой с верхушки до подошв,
принимал, учитывая, Смольный
питерскую эту молодежь.

Не клади ей в зубы голый палец
никогда, особенно в бою,
и отцы седые улыбались,
вспоминая молодость свою.

Ты ползи вперед, от пуль не падай,
нашей революции краса.
Площадь перед Зимнею громадой
вспоминает наши голоса.

А министры только тары-бары,
кое-кто посмылся со двора.
Наши нападенья и удары
и сегодня помнят юнкера.

На фронтах от севера до юга
в непрерывном и большом бою
защищали парень и подруга
вместе Революцию свою.

Друг, с коня который пулей ссажен,
он теперь спокоен до конца:
запахали трактора на сажень
кости петроградского бойца.

Где его могила? На Кавказе?
Или на Кубани? Иль в Крыму?
На Сибири? Но ни в коем разе
это неизвестно никому.

Мы его не ищем по Кубаням,
мертвеца не беспокоим зря,
мы его запомним и вспомянем
новой годовщиной Октября.

Мы вспомянем, приподнимем шапки,
На мгновенье полыхнет огнем,
занесем сияющие шашки
и вперед, как некогда, шагнем.

Вот и вся заплаканная тризна,
коротка и хороша она,—
где встает страна социализма,
лучшая по качеству страна.

1932

ОСЕНЬ

(Отрывки)

Деревья кое-где еще стояли в ризах
и говорили шумом головы,
что осень на деревьях, на карнизах,
что изморозью дует от Невы.

И тосковала о своем любимом
багряных листьев бедная гульба,
и в небеса, пропитанные дымом,
летела их последняя мольба.

И Летний сад... и у Адмиралтейства —
везде перед открытием зимы —
одно и то же разыгралось действо,
которого не замечали мы.

Мы щурили глаза свои косые,
мы исподлобья видели кругом
лицо России, пропитой России,
исколотое пикой и штыком.

Ты велика, Российская держава,
но горя у тебя невпроворот —
ты, милая, не очень уважала
свой черный, верноподданный народ.

...Свинцовое, измызганное небо
лежит сплошным предчувствием беды.
Ты мало видела, Россия, хлеба,
но видела достаточно воды.

Твой каждый шаг обдуман и осознан,
и много невеселого вдали:
сегодня — рано, послезавтра — поздно,—
и завтра в наступление пошли.

Навстречу сумрак, тягостный и дымный,
тупое ожидание свинца,
и из тумана возникает Зимний
и баррикады около дворца.

Там высекают языками искры —
светильники победы и добра,
они — прекраснодушные министры —
мечтают поработать под ура.

А мы уже на клумбах, на газонах
штыков приподнимаем острие,—
под юбками веселых амазонок
смешно искать спасение свое.

Слюнявая осенняя погода
глядит — мы подползаем на локтях,
за нами — гром семнадцатого года,
за нами — революция, Октябрь.

Опять красногвардейцы и матросы —
Октябрьской революции вожди,—
легли на ветви голубые росы,
осенние, тяжелые дожди.

И изморозь упала на ресницы
и на волосы старой головы,
и вновь листает славные страницы
туманный ветер, грянувший с Невы.

Она мила — весны и лета просинь,
как отдыха и песен бытие...
Но грязная, но сумрачная осень —
воспоминанье лучшее мое.

1932

ТЕЗИСЫ РОМАНА

(Отрывки)

2

Как мне диктует романистов школа,
начнем с того...
Короче говоря,
начнем роман с рожденья комсомола —
с семнадцатого года,
с октября.
Вот было дело. Господи помилуй! —
гудела пуля серою осой,
И Керенский (любимец... душка... милый...)
скорее покатился колбасой.
Тогда на фронте, прекращая бойню
братанием и злобой на корню,
встал фронтовик и заложил обойму,
злопамятную поднял пятерню.
Готовый на погибельную муку,
прошедший через бурю и огонь,
он протянул ошпаренную руку,
и, как обойма, звякнула ладонь.
Тогда орлом сидевшая империя
последние свои теряла перья,
и — злы, неповторимы, велики —
путиловские встали подмастерья,
кронштадтские восстали моряки.
Как бомбовозы, песни пролетали,
легла на землю осень животом...

(Все это — предисловие, детали
и подступы к роману. А потом...)
Уже тогда, метаясь разъяренно
у заводской ободранной стены,
ребята с Петергофского района
и с Выборгской ребята стороны
пошли вперед,
что не было нимало
смешною в революцию игрой,
хоть многого еще не понимала
и зарывалась молодость порой.

Ей все бы громыхала канонада,
оиа жнтье меняла на часы,
н Леиии останавлнвал где надо
н улыбался в рыжие усы.

(Не даиным свыше, не защитой сирым,
не сладкнм велеречьем, а в связи
с любовью нашей, с ненавнстью, с миром
ты Леиииа, поэт, нзобрази.
Пускай от горестн иапухлн веки,—
писатель, помни — хоть сие старо:
ты пишешь о великом человеке —
ты в кровь свое обмакнвай перо.)

Ои знал тогда,— товарищн, поверьте,—
что эти заводские пацаны
не ради легкой от шрапнели смерти,
а ради иовой жизни рождены.
Мы положеиье поняли такое,
когда, сползая склонамн зимы,
мы выиграли битву у Джанкоя
н у Самары победили мы.
Из боя в битву сызиова н сиова
ходили за едииое одио —
Антоиова мы били у Тамбова,
нз Украины вымели Махно.
Оии запомнят — эти нитервеиты —
навеки иезапамятных веков —
тяжелых наших пулеметов ленты
н ленточкн балтийских моряков.
Когда блокадой зажимала в кольца
республику озлоблеииая рать,—
мы полагалн — есть у комсомольца
умеиие и жить н умирать.

...Несла войиы развернутая лава,
увереиностью била от Москвы —
была Россия иекогда двуглава,
а в сущиости, совсем без головы.
Огромиые орлы стоят косые —
геральдика — нельзя же без орлов!
За то, что ты без головы, Россия,
мы положилн множество голов.

Но пулей срезан адмиральский ворон,
пообломали желтые клыки,
когда, патроны заложив затвором,
шагнули в битву наши старики.
Не износили английских мундиров,
не истрепали английских подошв.
Врагу заранее могилы вырыв,
за стариками вышла молодежь.
Офицерье отброшено, как ветошь,
последние, победные бои...
Советская республика, а это ж
вам не Россия, милые мои...

ФРОНТОВИКИ

(Отрывок)

Сиятельные мальчики полков его величества,
мундиры в лакированных и узеньких ремнях
увешаны медалями, ботфорты замшей вычистя,
как бы перед фотографом сидели на конях.

За неудобства мелкие в походе вроде простыни,
за волосок, не срезанный с напудренной щеки,
украшенные свежими на физии коростами
и синяками круглыми ходили денщики.

А что такое простыни? Мы простыней не видели,
нас накормили досыта похлебкой из огня,
шинель моя тяжелая, источенная гнидами,—
она и одеяло мне, она и простыня.

А письма невеселые мы получали с родины,
что наша участь скверная — ой-ой нехороша,
что мы сначала проданы, потом опять запроданы,
в конечном счете дешевы — не стоим ни гроша.

Что дома пища знатная — в муку осина смолота,
и здорово качало нас от этих новостей,
но ничего там не было — в России — кроме голода,
что щупальца вытягивал из разных волостей.

А отдых в лучшем случае один — тифозный госпиталь,
где пациент блаженствует и ест на серебре,—
мы плюнули на родину и харкнули на господа,
и место наше верное нашли мы в Октябре.

Держава-мать Российская, мы нахлебались дымного,
тебе за то почтение во век веков летит —
благодарим поклонами — и в первый раз у Зимнего
мы проявили маленький, но все же аппетит.

Мясное было кушанье, а штык остер, как вилочка.
Свою качая родину, пошли фронтовики,
и пригодилась страшная и фронтовая выучка,
штыки четырехгранные...
Да здравствуют штыки!

1933

КОММУНИСТЫ ИДУТ ВПЕРЕД

(Из поэмы «Триполье»)

Утро.
Смазано небо
зарею, как жиром...
И на улице пленных
равняют ранжиром.

Вдоль по фронту не сыто
оружьем играя,
ходит батько и свита
от края до края.

Ходит молча, ни слова,
не ругаясь, не спорясь,—
глаза черного, злого
прищурена прорезь.

Атаман опоясан
изумрудною лентой.
Перед ним секретарь
изогнулся паяцем.

Изогнулся и скалит
кариозные зубы,—
из кармана его
выливается шкалик.

Атаман, замечая,
читает рацею:
— Это льется с какою,
спрошу тебя, целью?
Водка — это не чай,
заткни ее пробкой...

Секретарь затыкает,
смущенный и робкий.

На ходу поминая
и бога и маму,
молодой Тимофеев
идет к атаману,
полфунтовой подковой
траву приминая;
шита ниткой шелковой
рубаха льняная.

Сапоги его смазаны
салом и дегтем,
петушиным украшены
выгнутым когтем.

Коготь бьет словно в бубен,
сыплет звон за спиною:
— Долго чикаться будем
с такою шпаною? —
И тяжелые руки,
перстнями расшиты,
разорвали молчанье,
и выбросил рот:
— Пять шагов,
коммунисты,

кацапы
и жиды!..
Коммунисты,
вперед —
выходите вперед!

Ой, немного осталось,
ребята,
до смерти...
Пять шагов до могилы,
ребята,
отмерьте!

Вот она перед вами,
с воем гиеньим,
с окончанием жизни,
с распадом,
с гниеньем.

Что за нею?
Не видно...
Ни сердцу, ни глазу...
Так прощайте ж,
весна, и леса, и снеги!

И шагнули сто двадцать...
Товарищи...
Сразу...
Начиная — товарищи —
с левой ноги.

Так выходят на бой.
За плечами — знамена,
сабель чистое, синее
полукольцо.
Так выходят,
кто знает врагов
поименно...
Поименно —
не то чтобы только в лицо.
Так выходят на битву —
не ради трофеев,
сладкой жизни, любви
и густого вина...
И назад отступает
молодой Тимофеев,
руки налиты страхом,
нога сведена.

У Зеленого в ухе завяли мониста,
штаб попятился вместе,
багров и усат...
Пять шагов, коммунисты.
Вперед, коммунисты...
И назад отступают бандиты...
Назад.

1933

РАССКАЗ КОННОАРМЕЙЦА

(Из поэмы «Моя Африка»)

...За командира нашего милого
я расскажу, товарищи, два слова.
Я был при нем,
когда его убили,
и беляков я видел торжество.
Ему приятно, земляки, в могиле,
что не забыли все-таки его,
что поминаем добрыми словами
и отомстить клянемся подлецам,
казачьими качаем головами,
а слезы протекают по усам.
Он был черен,
с опухшими губами,
он с Африки — далекой стороны,
но, как и мы,
донские и с Кубани,
стремился до свободы и войны.
Не за награды
и не за медали —
за то, чтоб африканским буржуям,
капиталистам африканским дали,
как и у нас, в России, по шеям.
Он с нами шел —
на белом,
на буланом,
погиб за нас
от огнестрельных ран...
Его крестили в Африке Виланом,
что правильно по-русскому Иван.

Ушла его усмешка костяная,
перешагнул житейскую межу...
Теперь, бойцы,
тоскуя и страдая,
я за его погибель расскажу.
Когда пришло его распоряженье,
что надо для разбития оков,
для, то есть, полного уничтоженья,
пошли мы лавою на беляков.
Ну, думаю, Россия,
кровью вымой,
что на твоей нагадили груди...
И командир
на самой
на любимой
на белой
на кобыле
впереди.
Ну, как сейчас
его я вижу бурку —
летит вперед,
оружием звеня...
(Отсыпьте-ка махорки на закурку,
волнения замучили меня.)
У беляков же
мнения иные —
не за свободу.
В золоте погон.
Лежат у пулеметов номерные
готовые.
Командуют: огонь!
И дали жару.
Двадцать два «максима»
пошли косить
жарчее и сильней,
что, сами знаете, невыносимо.
Скорее заворачивай коней!
Мы все назад...
За нами белых сила...
Где командир?
А он на беляков
один пошел...
— Да здравствует Россия
и полное разбитие оков! —

Какой красивый...
Мать его любила...
К полковнику
в карьер,
наискосок,
сам черный — образина,
а кобыла
вся белая, что сахарный песок.
Как резанул полковника гурдою [1] —
вся поалела рыжая трава,
качнул полковник
головой седою —
налево сам,
направо голова.
Но и ему осталось жить недолго —
пробита грудь,
отрубана рука...
Ой, поминай, Россия,
мама-Волга,
ты командира нашего полка!
Москва и Тула,
Киев и Саратов,
пожалуйста, запомните навек,
что он, конечно,
родом из арапов,
но абсолютно русский человек.
Он воевал за нас,
не за медали,
а мы, когда ударила беда,
геройскую кончину наблюдали,
и многие сгорели со стыда.
Не вытерпев подобного примера,
коней поворотили боевых —
до самой смерти,
не сходя с карьера,
уж лучше в мертвых,
нежели в живых.
Так вот дела какие были,
брат мой,
под городом Воронежем,
в дыму,—

---

[1] Гурда — шашка особой закалки. *(Прим. автора.)*

мы командира
привезли обратно,
и почести мы сделали ему.
Когда-нибудь и я,
веселый, шалый,
прилягу на могильную кровать...
Но думаю,
что в Африке, пожалуй,
мне за него придется воевать.
И я уверен,
поздно или рано
я упаду в пороховой туман,
меня зароют,
белого Вилана,
который был по-русскому — Иван...

1935

Алексей Крайский

(1891—1941)

ДЕКРЕТЫ

По лужам, по грязи смешная девчонка
Бежит, предлагая газеты.
Как воробей, заливается звонко:
— Декреты! Декреты! Декреты!

Вся власть Советам — декрет номер первый,
Мир всему миру — декрет номер два...
От крика — у барынь мигрени и нервы,
У генералов — кругом голова.

У генералов дрожат эполеты,
От страха? от смеха? — никак не понять.
Фыркают франты: «Собачьи Советы»,
И уверяют, что на три дня.

Девчонке нет дела, базарит газеты
Налево, направо... Смешная, постой!
Ты прочитай и пойми, что декреты,
Эти декреты — для нас с тобой.

Отец — на войне, задыхаясь от газов,
Мать — на табачной, чахоткой дыша,—
Слышат твою равнодушную фразу
И за газеты приняться спешат.

Читая, подумают оба, что станет
Их дочка наркомом страны трудовой...
Пойми же, девчонка, пойми же, смешная,
Что эти декреты для нас с тобой.

1917

«АВРОРА»

В черный, глухой, притаившийся город
Неотвратимо вступила «Аврора»;
Вымпелом красным, как гневом, горя,
В город вошла голубая заря.

Путаясь в царском изодранном гимне,
Заледенел от предчувствия Зимний,—
В окна орбиты орудий глядят,
По колоннадам снаряды летят.

Штормом с земли поднимается город
На баррикады... «Аврора», «Аврора»,
Крепость, огни, мосты, Нева...
Кружится сердце и голова.

Кружится небо и мостовая,—
В новую, светлую жизнь голубая
Входит «Аврора», подняв якоря,
Городу, миру — заря! заря!

1917

ГРАНИ ГРЯДУЩЕГО

Америка, Индия, Афганистан,
Лондон и Токио, Мельбурн и Рим,
через Антанты разбухший стан
руки протягиваем вам,
горбом и мозолями говорим:

— Кули, жнецы, гончары, кочегары,
каменщики, углекопы, ткачи,
соединяйтесь, товарищи!

На север!
На зарево звездных пожаров
идите!
Из пламени гнева восставших масс
пылающие головни
берите.
Они,
разгораясь,
и там, и у вас
зажгут непроглядные заросли зла,
жажду наживы выжгут дотла...

В пепел —
нужды и насилия цепи!
Рынки рабов безработных —
в пепел!

Храмов и тюрем решетки —
в прах!
Крах
нефтяным королям и банкирам,
папам и пасторам — страшный суд!
Только трудящиеся живут,
только рабочий владеет миром!
Литейщик тогда для себя и для всех
выплавляет легкий и звонкий смех;
с песней веселою каждый ткач
радости выткет яркий кумач;
каменщиков непрерывные смены
заложат фундамент
и стройные стены,
перекликаясь, взведут...

Товарищ! Войди в небывалый строй,
где солнцем горит над зеленой землей
свободный и радостный труд.

1918

ПРИЗЫВ

Не коршунов туча, не стая волков —
Мундиры, кресты, эполеты,
Готовя оковы и яд пауков,
Кольцом окружили Советы.

Хотелось ли нам безобразной резни...
Хотелось ли крови и спора...
Мы мир всему миру и счастье несли,
Мы труд выше солнца и звезд вознесли,
Но мира не хочет звериная свора,
А труд ей страшнее позора...
Так что же... молчать... или снова упасть
И ползать пред ней на коленях...
Кормить ненасытную барскую пасть,
Горбатясь в презренных именьях?
Сгибаться под старым ярмом и кнутом...
Рабами вернуться в заводы...
Дружнее... знамена свои развернем
И с песней в последнюю битву пойдем
Во имя труда и свободы...

1919

Глеб Кржижановский

(1872—1959)

ИЗ ЦИКЛА «СОНЕТЫ»

Владимиру Ильичу Ленину

XII

Как робко северной весны дыханье!..
Разведкой скромной были первые шаги
Тогдашних наших начинаний...
Подстерегали нас со всех сторон враги.
    Но с каждым днем заметно нарастали
    И силы наши крепли в той борьбе,
    И все ясней мы сознавали,
    Сколь многим мы обязаны тебе.
Заботой дружеской проникнутое слово,
От зорких глаз твоих ничто не ускользнет,
И легче дышится нам снова —
Сквозь полог туч нам солнца луч блеснет...
    Дерзанье юности и мудрость зрелых лет —
    Таков источник мировых побед!

XIII

Какое горе — тяжко болен он!..
Преступно было нам его не уберечь.
Ужели может быть недугом он сражен?
А врач нам говорит — идет о жизни речь.
    Придешь к нему и трудно оторваться
    От этих черт любимого лица...
    Высоким лбом нельзя не любоваться —
    Нет, смерти не сломить бесстрашного борца!
Все та ж чудесных глаз с раскосинкой загадка,
Грассирующий тот же говорок,
Губ волевых с насмешечкой укладка,
На этот раз над тем, что сам сплошать так мог...
    Болезнь побеждена, он снова с нами,
    Дни баррикад не за горами!

XIV

Ужель все кончено? Все струны отзвенели?
И о страде всех нас замолкнет в мире речь...
Не может быть! Недаром мы сумели
Такой костер из искорок зажечь...
    Далеких юных дней отрадные волненья.
    И встречи первые, Ильич, с тобой...
    О, если бы в последнее, предсмертное
                                                    мгновенье
    Твой облик пламенный предстал передо мной!
И чтобы не укор прочесть в твоем мне взоре,
А прежний теплый твой и дружеский привет...
С самой бы смертью я тогда поспорил,
Сказал бы я: где ты — там смерти нет!
    Где ты — там сердце мира бьется,
    Там знамя красное победно развернется!

1948

Михаил Кульчицкий

(1919—1943)

* * *

Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Славлю Котовского разум,
Который за час перед казнью
Тело свое граненое
Японской гимнастикой мучит.
Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Славлю мальчишек Иена,
Которые в чужом городе
Пишут поэмы под утро,
Запивая водой ломозубой,
Закусывая синим дымом.
Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Славлю солдат революции,
Мечтающих над строфою,
Распиливающих деревья,
Падающих на пулемет!

X.1939

МАЯКОВСКИЙ

(Последняя ночь государства Российского)

Как смертникам жить им до утренних звезд,
и тонет подвал, словно клипер.
Из мраморных столиков сдвинут помост,
и всех угощает гибель.
Вертинский ломался, как арлекин,
в ноздри вобрав кокаина,
офицеры, припудрясь, брали Б-Е-Р-Л-И-Н,
подбирая по буквам вина.

Первое пили борщи Бордо,
багрового, как революция,
в бокалах бокастей, чем женщин бедро,
виноградки щипая с блюдца.
Потом шли: эль, и ром, и ликер —
под маузером все есть в буфете.
Записывал переплативший сеньор
цифры полков на манжете.
Офицеры знали — что продают.
Россию. И нет России.
Полки. И в полках на штыках разорвут
Честь. (Вы не смейтесь, мессия.)
Пустые до самого дна глаза
знали, что ночи — остаток.
И каждую рюмку — об шпоры, как залп
в осколки имперских статуй.
Вошел
        человек
                огромный,
                        как Петр,
петроградскую
                ночь
                        отряхнувши,
пелена дождя ворвалась с ним.
                                Пот
отрезвил капитанские туши.
Вертинский кричал, как лунатик во сне,—
«Мой дом — это звезды и ветер...
О черный, проклятый России снег —
я самый последний на свете...»
Маяковский шагнул. Он мог быть убит.
Но так, как берут бронепоезд,
воздвигнулся он на мраморе плит
как памятник и как совесть.
Он так этой банде рявкнул: «Молчать!» —
что слышно стало:
                        пуст
                                город.
И вдруг, словно эхо,— в дале-о-оких ночах
его поддержала «Аврора».

XII.1939

САМОЕ ТАКОЕ

(Поэма о России)

(Отрывки)

II. Год моего рождения

До основанья, а затем...
(«Интернационал»)

Тогда начиналась Россия снова.
Но обугленные черепа домов
не ломались,
ступенями скалясь
в полынную завязь,
и в пустых глазницах
вороны смеялись.
И лестницы без этажей
подымались
в никуда,
в небо,
еще багровое.
А безработные красноармейцы
с прошлогодней песней,
еще без рифм
на всех перекрестках снимали
немецкую
проволоку,
колючую как готический шрифт.
По чердакам
еще офицеры метались
и часы
по выстрелам
отмерялись.
Тогда
победившим красным солдатам
богатырки-шлемы
уже выдавали
и — наивно для нас,—
как в стрелецком когда-то,
на грудь нашивали
мостики алые.

И по карусельным
ярмаркам нэпа,
где влачили волы
кавунов корабли,
шлепались в жменю
огромадно-нелепые,
как блины,
ярковыпеченные рубли...

V. Поколение Ленина

Где никогда не может быть ничья.
(Турочкин)[1]

...И встанут
над обломками Европы
прямые,
как доклад,
конструкции,
прозрачные, как строфы,
из неба,
стали,
мысли
и стекла.
Как моего поколения
мальчики
фантастикой Ленина
заманись —
работа в степени романтики —
вот что такое
коммунизм!..
Уже опять к границам сизым
составы тайные
идут,
и коммунизм опять
так близок —
как в девятнадцатом году.
Тогда
матросские продотряды
судили корнетов
револьверным салютцем.

[1] Турочкин — настоящая фамилия друга Кульчицкого — известного поэта Николая Отрады, погибшего на финской войне.

Самогонщикам —
десять лет.
А поменьше гадов
запирали
«до мировой революции».
Помнишь — с детства —
рисунок:
чугунные путы
человек сшибает
с земшара
грудью? —
Только советская нация
будет
и только советской расы люди...
Если на фуражках нету
звезд,
повяжи на тулью
марлю...
красную...
подымай винтовку,
кровью смазанную,
подымайся
в человечий рост!
Кто понять не сможет,
будь глухой —
на советском языке
команду в бой!
Уже опять к границам сизым
составы тайные идут,
и коммунизм опять так близок —
как в девятнадцатом году.

VII. Самое такое

Но если бы кто-нибудь мне сказал:
сожги стихи —
коммунизм начнется,
я только б терцию
помолчал,
я только б сердце свое
слыхал,
я только б не вытер
сухие глаза,
хоть, может,— в тумане,

хоть, может,—
согнется
плечо над огнем.
Но это нельзя.
А можно —
долго
мечтать
про коммуну.
А надо думать —
только о ней.
И необходимо
падать
юным,
и — смерти подобно —
медлить коней!
Но не только огню
сожженных тетрадок
освещать меня
и дорогу мою:
пулеметный огонь
песню пробовать будет,
конь в намете
над бездной Европу разбудит,
и, хоть я на упадочничество
не падок,
пусть не песня,
а я упаду
в бою.
Но если я
прекращусь в бою,
не другую песню
другие споют.
И за то,
чтоб как в русские
в небеса
французская девушка
смотрела б спокойно —
согласился б ни строчки
в жисть не писать...
. . . .
А потом взял бы —
и написал
тако-о-ое...

1940—1941

Василий Лебедев-Кумач

(1898—1949)

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.
От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей.
Всюду жизнь и вольно и широко,
Точно Волга полная, течет.
Молодым — везде у нас дорога,
Старикам — везде у нас почет.

Наши нивы глазом не обшаришь,
Не упомнишь наших городов,
Наше слово гордое «товарищ»
Нам дороже всех красивых слов.
С этим словом мы повсюду дома,
Нет для нас ни черных, ни цветных,
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.

Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.
Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать,—
Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать.

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

1935

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!
Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!
Не смеют крылья черные
Над родиной летать.
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!
Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

1941

ОКТЯБРЬСКАЯ ЗВЕЗДА

Гремит война, отчизну потрясая,
Суровый мрак окутал города.
Но ты горишь, горишь, не угасая,
Великая Октябрьская звезда.

В грозе и в буре ты взошла над нами,
И в светлый путь с тобою мы пошли,
И ты, звезда, венчала наше знамя,
Святое знамя трудовой земли.

Над родиной сверкая четверть века,
Сегодня ты особенно светла,—
За право жить, за счастье человека
Ты вновь народы в битву подняла.

Звезда земли, любимой и свободной,
Ты нас ведешь на грозный, правый бой,
Везде нам светит знак твой благородный,
И каждый воин осенен тобой.

Ты всюду с нами в битве исполинской —
И в час побед, и в тяжкий смертный час,
Отцовским словом, лаской материнской
Ты греешь сердце каждому из нас.

В тебе слились все думы об отчизне,
Весь жаркий пыл отваги молодой,—
Ведь все, что было радостного в жизни,
Все связано с Октябрьскою звездой.

Свободы нашей пламень пятикрылый
Не угасить злодеям никогда!
Вперед, друзья! Ударим с новой силой!
За родину, за все, что сердцу мило,
Веди нас в бой, Октябрьская звезда!

Ноябрь — декабрь 1942

Владимир Луговской

(1901—1957)

РАССВЕТ

Легкая ночь.
Прощальная ночь.
Месяц висит
Клыкатый.
Высоко окно.
Окно черно.
Дома.
Фонари.
Плакаты.

Красен плакат:
Красный солдат
Пальцем и зрачками
Колется.
Пора наступать!
Пора!
Да, товарищи,
Вчера
Записался и я добровольцем.

В пять утра
Загремят буфера,—
Милая,
Помни друга!
В пять часов
Душа на засов —
К югу, к югу, к югу!

Сероколонную глыбу вокзала
Голосом меди труба пронизала,
И наклоненно плывущее знамя

Красноармейцы вносят в вагон.
Тогда начинается время рассвета,
В теплушке качается пасмурный ветер,
И ночь остается далеко за нами,
А впереди — золотой перегон.

Утро. Утро — часы тумана...
Богатырский тучеход.
Серебро рассвета.
Песня солнечных ворот
Северного лета.
Величава и легка
Облаков прохлада.
Розовеют облака,
Дребезжат приклады.

Ты ли, юность, позвала,
Ты ли полюбила
Вспененные удила,
Боевую силу?
Письма в десять рваных строк,
Шаг усталой роты,
Штык, наточенный остро,
Грохот поворота?

Ты ревущим поездам
Рельсы распрямила,
Пятикрылая звезда —
Будущее мира.
Ты звенела в проводах,
Ты, как песня, спета,
Пятикрылая звезда —
Пять лучей рассвета.
На прощанье ты прими
Перелеты пашен,
Шаг суровый, что гремит
У кремлевских башен.
На прощанье отвори
Площадь с ровным склоном —
Это Ленин говорит
Смолкшим батальонам.

Это ты простилась, друг,
В платье парусиновом.
Это катятся на юг
Молодость и сила.
На платформах ни души,
Гром гремит далече,
Проплывают камыши
Безымянных речек.

1926—1928

БАТАРЕЯ

Вьюга намыливает. Ветер бреет.
Митингует с вечера батарея.
Папахи, папахи, спины и спины.
В бараке белугой ревет детина:
«Да что ж это?
      Да как это?
            Да мы теперь трусы!»
Председатель замертво глядит на часы...
У шестидюймовок нахохлились посты.
Внизу — Новодевичий монастырь.
За ним, в куполах, корпусах и окнах,
То щелкнет,
            то брякнет,
                        то треснет,
                                    то грохнет,

Это, разливаясь кровавой слюдой,
Крутится московский Октябрьский бой.
«Да что ж это?
      Да как это?
            Да мы теперь предатели!»
Сорок сороков в голове у председателя.
Бьют они, бьют они —
Бьют колокола.
Ждут они, ждут они —
Была не была!
Тонет и тянет гул гулевой,
Кажутся головы одной головой.
Вот она ворочает огромным ртом:
«Первое орудие!..
      Гром?
      Нет...»
«Товарищи, мы держим нейтралитет.
От имени...» — и дальше все боком да боком,
Косит демократ распаленным оком.
Вместо головы — теперь много голов,
А ветер бреет сучья наголо.
«Викжель заявил... Комитет приказал...» —
Скачет на трибуне другая егоза.
Прапоры шушукают. Шинели преют.
Митингует с вечера батарея.

Внизу, полыхая пулеметной бородой,
Крутится московский Октябрьский бой.
Крутится метелица, кривя колокола.
Бьют они, бьют они —
Была не была!
Накурено,
натоптано,
мглисто...
Входит Москва в образе связиста,
Лезет шинель в снеговой икре:
«Товарищи!
Юнкера
Взяли
Кремль!»
Спрашивает город Воробьевы горы:
«Мне беда!
А вы?.. Вы скоро?..
Или... никогда?!»
«Товарищи!
Да что ж это?
Да мы теперь!..
Да кто мы?»
Крутится барак от солдатской истомы.
Председатель шваркает окурок в блюдце.
«Свобода!..
Революция!..
Батарея!..
Резолюция!..»
Гребнем грохает гул гулевой,
Вытянулись головы одной головой.
Вот она рявкнула огромным ртом:
«К орудиям бегом!
Стано-о-о-вись!
Первое орудие!..»
Гром.
«Второе!..»
Гром.
Крен.
«Третье!..»
Гром.
Кремль!

1929

ПИСЬМО К РЕСПУБЛИКЕ ОТ МОЕГО ДРУГА

Ты строишь, кладешь и возводишь,
  ты гонишь в ночь поезда,
На каждое честное слово
  ты мне отвечаешь: «Да!»
Прости меня за ошибки,—
  судьба их назад берет.
Возьми меня в переделку
  и двинь, грохоча, вперед.

Я плоть от твоей плоти
  и кость от твоей кости,
И если я много напутал,
  ты тоже меня прости.
Наполни приказом мозг мой
  и ветром набей мне рот,
Возьми меня в переделку
  и двинь, грохоча, вперед.

Я спал на твоей постели,
  укрыт снеговой корой,
И есть на твоих равнинах
  моя молодая кровь.
Я к бою не опоздаю
  и встану в шеренгу рот,—
Возьми же меня в переделку
  и двинь, грохоча, вперед.

Такие, как я, срывались
  и гибли наперебой.
Я школы твои и газеты
  и клубы питал собой.
Такие, как я, поднимали
  депо, и забой, и завод,—
Возьми же меня в переделку
  и двинь, грохоча, вперед.

Такие, как я, сидели
  над цифрами день и ночь,
Такие, как я, опускались,
  а ты им могла помочь.
Кто силен тобой —
  в работе он,

Кто брошен тобой —
  умрет.
Возьми же меня в переделку
  и двинь, грохоча, вперед.

Я вел твои экспедиции,
  стоял у твоих реторт.
Я делал свою работу,—
  хоть это не первый сорт.
Ты строишь за месяцем месяц,
  ты крепнешь за годом год,—
Возьми же меня в переделку
  и двинь, грохоча, вперед.

Я шел за тобою следом
  с тяжелой, как жизнь, семьей,
И мать, и жена, и сестры
  стирали белье твое.
Я проклял квартирную плату,
  я проклял водопровод,—
Возьми же меня в переделку
  и двинь, грохоча, вперед.

Я сонным огнем тлею
  и еле качаю стих,
За то, что я стал холодным,
  ты тоже меня прости.
Но время идет, и стройка идет,
  и выпадет мой черед,—
Возьми же меня в переделку
  и двинь, грохоча, вперед.

Три поколенья культуры
  и три поколенья тоски,
И жизнь, и люди, и книги,
  прочитанные до доски.
Республика это знает,
  республика позовет,
Возьмет меня в переделку
  и двинет, гремя, вперед.

Ты строишь, кладешь и возводишь,
  ты гонишь в ночь поезда.
На каждое честное слово
  ты мне отвечаешь: «Да!»

Так верь и этому слову —
от сердца оно идет,—
Возьми меня в переделку
и вечно веди вперед!

1929

БОЛЬШЕВИКАМ ПУСТЫНИ И ВЕСНЫ

В Госторге, у горящего костра,
Мы проводили мирно вечера.
Мы собирали новостей улов
И поглощали бесконечный плов.
А ночь была до синевы светла.
И ныли ноги от казачьего седла.
Для нас апрель просторы распростер,
Мигала лампа,
И пылал костер.

Член посевкома зашивал рукав,
Предисполкома отгонял жука,
Усталый техник, лежа на боку,
Дописывал последнюю строку.
А по округе, на плуги насев,
Водил верблюдов
Большевистский сев.

Шакалы воем оглашали высь.
На краткий отдых люди собрались.
Пустыня била ветром в берега,
Она далеко чуяла врага,
Она далеко слышала врагов —
Удары заступа и шарканье плугов.

Три раза в час в ворота бился гам:
Стучал дежурный с пачкой телеграмм,
И цифры, выговоры, слов напор
В поспешном чтенье наполняли двор.
Пустыня зыбилась в седой своей красе.
Шел по округе
Большевистский сев.

Ворвался ветер, топот лошадей,
И звон стремян, и голоса людей.
Свет фонаря пронесся по траве,

И на веранду входит человек,
За ним другой, отставший на скаку.
Идет пустыня, ветер,
Каракум!

Крест-накрест маузеры. Рубахи из холстин.
Да здравствуют работники пустынь!
Ложатся люди, кобурой стуча,
Летают шутки, и крепчает чай.
На свете всё одолевать привык
Пустыню обуздавший большевик.
Я песни пел, я и сейчас пою
Для вас, ребята из Ширам-Кую.
Вам до зари осталось отдохнуть,
А завтра — старый караванный путь
На те далекие колодцы и посты.
Да здравствуют
Работники пустынь!

Потом приходит юный агроном,
Ему хотелось подкрепиться сном,
Но лучше сесть, чем на постели лечь,
И лучше храпа — дружеская речь.
В его мозгу гектары и плуги,
В его глазах зеленые круги.
Берись за чайник, пиалу налей.
Да здравствуют
Работники полей!

И после всех, избавясь от беды,
Стучат в Госторг работники воды.
Они в грязи, и ноги их мокры,
Они устало сели на ковры,
Сбежались брови, на черту черта.
«Арык спасли.
Устали. Ни черта!
Хороший чай — награда за труды».
Да здравствуют
Работники воды!

Но злоба конскими копытами стучит,
И от границы мчатся басмачи,
Раскинув лошадиные хвосты
На землю, воду и песок пустынь.
Дом, где сидим мы,— это байский дом.

Колхоз вспахал его поля кругом.
Но, чтобы убивать и чтобы взять,
Бай и пустыня возвращаются опять.
Тот топот конницы и осторожный свист
Далеко слышит по пескам чекист.
Засел прицел в кустарнике ресниц.
Да здравствуют
Работники границ!..

Вы, незаметные учителя страны,
Большевики пустыни и весны!
Идете вы разведкой впереди,
Работы много — отдыха не жди.

Работники песков, воды, земли,
Какую тяжесть вы поднять смогли!
Какую силу вам дает одна —
Единственная на земле страна!

1930

КУРСАНТСКАЯ ВЕНГЕРКА

Сегодня не будет поверки.
Горнист не играет поход.
Курсанты танцуют венгерку,—
Идет девятнадцатый год.

В большом беломраморном зале
Коптилки на сцене горят,
Валторны о дальнем привале,
О первой любви говорят.

На хорах просторно и пусто,
Лишь тени качают крылом,
Столетние царские люстры
Холодным звенят хрусталем.

Комроты спускается сверху,
Белесые гладит виски.
Гремит курсовая венгерка.
Роскошно стучат каблуки.

Летают и кружатся пары —
Ребята в скрипучих ремнях
И девушки в кофточках старых,
В чиненых тупых башмаках.

Оркестр духовой раздувает
Огромные медные рты.
Полгода не ходят трамваи,
На улице склад темноты.

И холодно в зале суровом,
И надо бы танец менять,
Большим перемолвиться словом,
Покрепче подругу обнять.

Ты что впереди увидала?
Заснеженный, черный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон?

Заветная ляжет дорога
На юг и на север — вперед.
Тревога, тревога, тревога!
Россия курсантов зовет!

Навек улыбаются губы
Навстречу любви и зиме.
Поют беспечальные трубы,
Литавры гудят в полутьме.

На хорах — декабрьское небо,
Портретный и рамочный хлам.
Четверку колючего хлеба
Поделим с тобой пополам.

И шелест потертого банта
Навеки уносится прочь,—
Курсанты, курсанты, курсанты,
Встречайте прощальную ночь!

Пока не качнулась манерка,
Пока не сыграли поход,
Гремит курсовая венгерка...
Идет — девятнадцатый год.

1940

ЛЕНИН

Сто сотен рек родного края
до дна промерзли
в этот день,
и люди, слез не утирая,
читали краткий бюллетень.
Нет,
мы не думали о чуде,
темнело небо над Москвой,
но тот, о ком рыдали люди,
бессмертен в памяти людской!

Он воплощенье светлой силы,
которой
смерти не сломать!
Вернее не бывало сына
в семье твоей,
Россия-мать.
В нем пела слава поколений,
прозренья сердца и ума;
в том имени —
Владимир Ленин —
жила история сама!

Он создал партию,
дотоле
непроторенный путь избрав, —
надежды, разума и воли
воистину чудесный сплав!
В ней,
словно факел в эстафете,
бессмертным мужество и честь,
он жив,
и в каждом партбилете
души его частица есть.

В музеях желтые страницы,
тома в тиши библиотек,
но блещут времени зарницы,
перегоняя бурный век.
Изваян он и нарисован,
он воплощен в сердцах людей,

он жив:
деяньем, мыслью, словом,—
властитель творческих идей.

В суровый испытаний час
полки
прошли сквозь дым и пламя,
и осеняло в битвах нас
родное Ленинское знамя.
И, став сама
прочней металла
в краю железа и огня,
то знамя
гвардия лобзала,
одно колено преклоня.

Мы все преграды побороли,
сумели их с пути смахнуть,
и в этом ленинская воля,
его ученья смысл и суть.
Его мечты —
вот наши крылья,
нас кличут славы времена,
нам щедрости и изобилья
отрада светлая дана.
До самых дальних
поколений,
как свет, дойдут твои слова,
великий Ленин,
вождь и гений,
твоя мечта в сердцах жива!

Он шел
как вестник ледохода,
он света луч метнул во тьму,
сердца великого народа,
как к солнцу, тянутся к нему.

Он с нами,
как живой с живыми,
он в поколеньях говорит.
Родное
ленинское имя
над миром
знаменем горит!

1954

СЕРЕДИНА ВЕКА

(Из поэмы)

Да, весь я твой, живое время, весь
До глуби сердца, до предсмертной мысли.
И я горжусь, что вместе шел с тобой,
С тобой, в котором движущие силы —
Октябрь, Народ и Ленин, весь я в них.
Они внутри меня. Мы неразрывны.
И в том, что я сегодня записал,
Я слышу голоса, я вижу мысли
Других людей, друзей, живых и мертвых.
Я записал все так, как я увидел,
И как умел, и как вообразил.
Я всюду вижу горькие пробелы —
Мне десять жизней нужно бы прожить,
Чтоб передать богатство нашей жизни,
То главное, что принесли мы в мир
На смену старому, в средину века.
Без сказки правды в мире не бывает.
Мне сказочное видится во всем:
В борьбе, природе, в жизни человека.
Я твой, живое время, весь я твой!
Я за окном услышал хруст шагов —
Идет румяный человек в ушанке.
Как молод он! Как щеки разгорелись
От холода! Журнал зажат под мышкой...
Пальто подбито ветром. Подожди.
Ты, молодость, ты, будущее наше!
Я здесь, с тобой. Ты видишь эту книгу?
Я протянул ее.
                        Возьми ее!

1956

ЮНОСТЬ

(Из поэмы)

...Все, чем гордиться только могут люди,
Все это создавали мы впервые
И щедро раздавали всем народам.
— Берите! Чувств и мыслей наших
                                                  хватит
Еще на два других планетных шара.

Да, мы богаты духом:
Посмотрите,
В каком великолепье мы живем!

Трагически прекрасно было время
Гигантских строек, подвигов, трудов.
Подвижничества, юного геройства,
Когда мы землю снова покоряли
Лопатою, киркою, топором,
А после — экскаватором и краном.
Над смертью Маяковского,
ты слышишь,
Всходила песня самоотреченья,
Сама себе сдавив руками горло
И твердо чувствуя себя счастливой.

...О молодость неслыханного мира,
Те десять дней, что потрясли весь мир.
Ты, молодость, сердца̀ не выдавала
На посрамленье.
Ты переносила
Все тяготы, все беды, все сомненья
И самый тяжкий, грозный труд войны.
Теряла все, на виселицах стыла,
В печах сгорала и под танк кидалась.
В блокаде умирала, смерть стыдила,
Народы поднимала. На рейхстаг
Взносила знамя. Жертвовала всем.
Да, сила юности зовет меня,
Той юности, единственной на свете,
Такой понятной, светлой, неподкупной,
Что миллионы гибли за нее.
Той юности, что в ленинской квартире
Сидит и смотрит на плетеном кресле
В такую даль, что и сказать нельзя.

Она жива!
Ты слышишь — нету в мире
Той силы, что бы юность погубила.
Она зовет нас:
— Говорите правду,
Творите людям честное добро,

Навеки станьте под Октябрьским ветром,
Чистейшим ветром с моря и Невы,
С горбатых переулков Красной Пресни.—
И каждого та юность ободряет:
«Ты человек, так будь самим собой,
Будь гордым, справедливым и
свободным,
Ни перед кем не унижай себя».
А шар земной —
он выкруглен для счастья...

Дыханье молодости слышит мир,
Рожденный, чтобы вечно обновляться.
Так будем вечно обновлять его!

1956

МОСКВА

(Из поэмы)

Осенний день был золотист и рыж.
Пылали в небе купола соборов.
Наш Малый Николаевский дворец,
Где я служил в Кремле, был полон света.
А Кремль — корабль из камня — плыл над
миром,
Курантным боем говоря с Москвой.
Вдруг позвонили мне.
— Иди скорее!
Приехал Ленин. Выздоровел он.
Он в кабинет вошел... Он в Совнаркоме! —
Какая сила вынесла меня,
Не знаю. Я бежал и задыхался.
В молчаньи перед аркой Совнаркома
Толпа стояла, очень небольшая,
Смятенно как-то и сурово глядя
На черный ленинский автомобиль.
Шофер ходил, как звери ходят в клетке,—
Вперед-назад. Опять вперед-назад.
Москва была еще тогда тиха.
Часы на Спасской медленно пробили.
Весь золотой, по старой мостовой
Скользнул шуршащий лист.
И вышел Ленин.

Он вышел медленно, но как бы быстро,
Ссутулясь и немного припадая,
Зажав в руке потрепанную кепку.
Он вежливо ответил нам. Желтел
Огромный лоб болезненно и влажно.
Он всех коснулся взглядом, но глядел
Прищуренными, жгучими глазами
В такую даль, что и сказать нельзя.
На небо посмотрел, на Совнарком,
На стены — вековечный труд народа,
На золотых орлов, тускневших в небе,
На бронзу пушек — след Наполеона,
На самый верх Никольской блеклой башни,
Что сбили мы снарядом в Октябре,
На все, что мы зовем Кремлем, Москвой.
Россией. Государством. Нашим миром.
Он на секунду обернулся к нам,
Чуть поднял руку, сделал два движенья
Ладонью — вверх и вниз. Да! Вверх и вниз.
Но он глядел на окна Совнаркома,
Те самые,
откуда виден мир.
Шофер, блестевший в ярко-черной коже,
Как смерть осунувшись за полчаса,
Рванул наотмашь дверцу. Взвыл мотор.
В последний раз прошла в окне машины
Отцовская, крутая голова.
...Ты видел, как догматиков скрипучих
В мертвящий плен цитаты загоняли.
И все же, вопреки железной скуке,
Рвались под солнце зло, неудержимо
Десятки тысяч подлинных людей,
Талантливых, умелых, непреклонных.
Кто выводил их к свету?
Вел Октябрь,
Ни с чем на целом свете не сравнимый,
Та ленинская теплая ладонь,
Что на плече своем услышит каждый,
Кто хочет шагом твердым жизнь пройти.
Шаги, шаги, шаги, шаги, шаги.
Шаги тяжелые, шаги прямые,
Веселые шаги, шаги надежды,
И молодости, и решенья. Шаг
Батальонов. Шаг полночной смены.

Лукавые и легкие шаги
Девичества. Усталый шаг ученых.
Шаг физкультурников, широкий, четкий.
Мечтательный и звонкий шаг весны.
Но чьи я слышу длинные шаги
И трости стук на выбитом асфальте?
То Маяковский ночью по Тверской
Идет домой, огромный, одинокий.
Апрель. Капели. Вогнутая ночь
От ветра, одиночества и силы,
Которая уже уперлась в стену
Еще ему неведомых времен.
Идите, Маяковский. Правда с вами,
Колючая и тяжкая.
                                        Идите!
Идите через смерть. Не становитесь
Опорой для начетчиков.
                                        Спешите
Туда, куда вас звал в поэме Ленин,—
В бессмертье, в чистый ветер Октября.
...Ты знаешь, город мой, душа России,
Ты знаешь:
                          в нашем мире человек
Оценивает жизнь свою сполна,
Смысл целой жизни — по своей эпохе,
По лучшему, чистейшему, что в ней
Он увидал, услышал и продумал,
Что понял неожиданно в бою,
В труде, в страданье, в подвиге народном.
О, город мой, ты для меня вожатый
На всем моем пути. С тобой вошла
Моя душа в атомный век.
                                        Вошла
В ускоренное, взвихренное время
Несущихся космических частиц.
Вошла душа в большое время правды,
Той правды, что для нас, людей, одна.
И жертвенность, и героизм, и гордость,
Что так привычны нашему народу,
Беспрекословно служат этой правде.
Народ великий, терпеливый, грозный,
В терпении своем, в своем размахе
Не для того переносил невзгоды,
Невиданные тяготы и беды,

Чтоб усомниться в самой чистой правде,
Которую своей железной волей
Поставил выше всех на свете правд.
А в этой правде есть и боль и сказка.
Без сказок правды в мире не бывает.

И вера в человечество,
и вера
В родную землю,
в равенство людей
Перед Октябрьским, ленинским законом.
Ведь через нашу жизнь прошла, как совесть,
Отцовская, крутая голова.
Мы шли за ним.
Всегда, всегда за ним.
За Лениным. За нашим человеком,
Не бронзовым, не мраморным, не книжным,
Живым, пока в груди у нас дыханье.
Но помнишь — он с тобой в Кремле
простился,
О, город мой, звезда моя и слава,
В осенний, золотисто-рыжий день?
Он умер?
Нет, не умер!
Он вернулся!
Где видишь ты его?
Он рядом с нами.

1956

НОЧНОЙ ПАТРУЛЬ

Временем уменьшенный
молодости кров —
Города Смоленщины,
буркалы домов,
Пронзительная,
звонкая
январская луна,
Ампирными колонками
подперта тишина.
Выстрел отдаленный.
Кино без стекол «Арс».

На площади
беленый
глиняный Карл Маркс.
Слепил его художник,
потом в тифу пропал.
Звезда из красной жести.
Дощатый пьедестал.
Звезда из красной жести,
лак или крови ржа.
В средине серп и молот,
лучи острей ножа.
И Днепр завороженный,
весь ледяной до дна,
И ведьмами озябшими
зажженная луна.
Идет патруль по городу.
Округа вся мертва.
Шагами тишь распорота:
раз-два, раз-два, раз-два!
И я иду, и я иду —
ремень вошел в плечо,—
Несу звезду,
мою звезду,
что светит горячо.
Всем людям я
звезду несу,
пяти материкам.
Недвижен Днепр,
синеет Днепр —
славянская река.
И невысоко над Днепром,
где стонут провода,
Другая
блещет хрусталем
холодная звезда.
Живу, люблю, умру в ночи —
все так же будет стлать
Она бесстрастные лучи
на снежную кровать.
Свеча в окне губкома,
из труб не вьется дым.
Дорогой незнакомой
идти нам,
молодым.

Идти Россией и Кремлем
в неслыханный простор,
Идти полночным патрулем —
подсумок, штык, затвор.
Пойдешь направо — там Колчак,
от крови снег рябит.
Пойдешь налево —
там Берлин,
там Либкнехт Карл убит.
Убит,
лежит он на снегу,
кровь залила усы,
На мертвой согнутой руке
спешат, стучат часы.
Дрожат Истории весы.
История — стара.
Стучат часы,
спешат часы:
«Пора, пора, пора!»
Звезда из красной жести,
дощатый пьедестал.
Я пять лучей Коммуны
рукой своей достал.
Рукой достал,
потрогал,
на шапку приколол.
Глядит товарищ Ленин,
облокотясь на стол.
Горит звезда багровая,
судьбу Земли
тая,—
Жестокая и строгая,
как молодость моя.
Идет патруль по городу —
шаги, шаги, шаги...
На все четыре стороны —
враги, враги, враги...
А ветер жжет колени.
Звезда горит огнем.
Мы здесь,
товарищ Ленин!
Мы землю повернем!

1957

Анатолий Луначарский

(1875—1933)

МАРСОВО ПОЛЕ

Надписи на памятнике борцам революции

Не жертвы — герои
Лежат под этой могилой
Не горе, а зависть
Рождает судьба ваша
В сердцах
Всех благодарных
Потомков
В красные страшные дни
Славно вы жили
И умирали прекрасно

К сонму великих
Ушедших от жизни
Во имя жизни расцвета
Героев восстаний
Разных времен
К толпам якобинцев
Борцов 48
К толпам коммунаров
Ныне примкнули сыны
Петербурга

По воле тиранов
Друг друга терзали
Народы
Ты встал трудовой
Петербург
И первый начал войну
Всех угнетенных
Против всех угнетателей
Чтоб тем убить
Самое семя войны

Против богатства
Власти и знанья
Для горсти
Вы войну повели
И с честию пали
За то чтоб богатство
Власть и познанье
Стали бы
Жребием общим

Со дна угнетенья
Нужды и невежества
Поднялся
Ты пролетарий
Себе добывая
Свободу и счастье
Все человечество
Ты осчастливишь
И вырвешь
Из рабства

1917—1918

Вписали в анналы
России
Великую славу
Скорбные светлые годы
Посев ваш
Жатвой созреет
Для всех населяющих
Землю

Бессмертен
Павший за великое
Дело
В народе жив
Вечно
Кто для народа
Жизнь положил
Трудился боролся
И умер
За общее благо

Не зная имен
Всех героев борьбы
За свободу
Кто кровь свою отдал

Род человеческий
Чтит безымянных
Всем им в память
И честь
Этот камень
На долгие годы
Поставлен

1919

* * *

Прислушайтесь! Чу! Отдаленные раскаты...
Земля дрожит. Гигантская борьба
Мир потрясает. Мир не хочет больше
Сгибаться под железною пятой...
...В России фронт переменился: грянул
Священный бой, последний бой. Не раб
С рабом схватился по призыву властных,
А угнетенные поднялись дружно против
Рабовладельцев. Этот бой
Пожаром разрастется над землей,
И, словно Феникс, выйдет из пожаров
Свободный, обновленный светлый мир.
Об этих днях гадали уж пророки,
Поэты их провидели. И вы
Увидите сейчас картины, речи
Услышите, в которых рисовал
Пролог к той драме, коль и вы артисты,
Великий сын Америки. Внимайте:
Здесь борются свободный идеал
С Железною Пятой капитализма,
Здесь ваши братья с вашими врагами
Переживут моменты жгучей распри,
И будете вы слышать эхо, видеть отблеск
Тех красных дней, что окружают вас.
Два года власть рабочая стояла,
Стоит и устоит, но под грозой
Она живет, и грозною под стать
Овеянную гордою надеждой...

1919

Николай Майоров

(1919—1942)

ЛЕНИН

Вот снова он предстанет в жестах,
Весь — наша воля. Сила. Страсть...
Кругом народ. И нету места,
Где можно яблоку упасть.

Матрос. И женщина. С ней рядом,
Глаза взведя на броневик,
Щекой небритою к прикладу
Седой путиловец приник.

Он рот открыл. Он хочет слышать,
Горячих глаз не сводит он
С того, о ком в газетах пишут,
Что он вильгельмовский шпион.

Он знает: это ложь. Сквозная.
Такой не выдумать вовек.
Газеты брешут, понимая,
Как нужен этот человек

Ему. Той женщине. Матросам,
Которым снился он вчера,
Где серебром бросает осыпь
В сырую ночь прожектора...

И всем он был необходим.
И бредила — в мечтах носила,—
Быть может, им и только им
В тысячелетиях Россия.

И он пришел... Насквозь прокурен
В квартирах воздух, кашель зим.
И сразу стало ясно: буря
Уж где-то слышится вблизи.

Еще удар. Один. Последний...
Как галька, были дни пестры.
Гнусавый поп служил обедни.
Справляли пасху. Жгли костры.

И ждали. Дни катились быстро.
Уж на дворе октябрь гостил,
Когда с «Авроры» первый выстрел
Начало жизни возвестил.

1937

МЫ

Это время
трудновато для пера.
(Маяковский)

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет, не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
кусок горячей, верной нам земли:
где мы прошли с обугленными ртами
и мужество как знамя пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
железом обозначены следы,—
так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
о людях, что ушли, не долюбив,
не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
крутых путей к последней высоте,
мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
в столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
да в серой прозе наших дневников,
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
тянули воду полными глотками.
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед и падали, и, еле
в обмотках грубых ноги волоча,
мы видели, как женщины глядели
на нашего шального трубача,
а тот трубил, мир ни во что не ставя
(ремень сползал с покатого плеча),
он тоже дома женщину оставил,
не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень тверд, уступы каменисты,
почти со всех сторон окружены,
глядели вверх — и небо было чисто,
как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
и слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
он нами пройден, пройден до конца,
и хорошо, что руки наши пахнут
угрюмой песней верного свинца.

И как бы ни давили память годы,
нас не забудут потому вовек,
что, всей планете делая погоду,
мы в плоть одели слово «человек»!

1940

* * *

Нам не дано спокойно сгнить в могиле,—
Лежать навытяжку и, приоткрыв гробы,—
Мы слышим гром предутренней пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам! Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

1940-е годы

ТВОРЧЕСТВО

Есть жажда творчества,
уменье созидать,
на камень камень класть,
вести леса строений.
Не спать ночей, по суткам голодать,
вставать до звезд и падать на колени.
Остаться нищим и глухим навек,
идти с собой, с своей эпохой вровень
и воду пить из тех целебных рек,
к которым прикоснулся сам Бетховен.
Брать в руки гипс, склоняться на подрамник,
весь мир вместить в дыхание одно,
Одним мазком весь этот лес и камни
живыми положить на полотно.
Не дописав,
оставить кисти сыну,
так передать цвета своей земли,
чтоб век спустя все так же мяли глину
и лучшего придумать не смогли.
А жизнь научит правде и терпенью,
принудит жить, и, прежде чем стареть,
она заставит выжать все уменье,
какое ты обязан был иметь.

1940-е годы

Леонид Мартынов

(1905—1980)

* * *

Между домами старыми,
Между заборами бурыми,
Меж скрипучими тротуарами
Бронемашина движется.

Душки трепещут за шторами,—
Пушки стоят на платформе,
Смотрит упорными взорами
Славный шофер — Революция.

Руки у ней в бензине,
Пальцы у ней в керосине,
А глаза у ней сине-сине,
Синие, как у России.

1922

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НЕБЕСА

Перед
Революцией,
Овладевшей столицею,
Запирали дверь на засов;
Революцию хотели скинуть с весов:
На нее выпускали псов.

Революция гибнет! Злая зараза
Тонет в осенней грязи.
Революция гибнет — откликнулись сразу
Все, кто стоял вблизи.

Революция гибнет! Из объятий матроса
Она пошла по рукам!
Революция гибнет, попав под колеса
К собственным броневикам.

«Революция гибнет!» — крик пронесся
По морям и материкам.
Но Революция
Розоволицая,
Слушая их голоса,
Мчась через фронты и через позиции,
Через моря и леса
И оказавшись уже за границею,
Все побеждала: войска, и полицию,
И полицейского пса.

Революция
Охватывала за нацией нацию,
Творя свои чудеса,
Хоть не походили на праздничную
Иллюминацию
Революционные небеса.

20-е гг.

ПУТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

И не теоретические споры,
И не примеры из литературы,
Но горы, и соленые озера,
И бурное взволнованное море,
И хмурые заоблачные зори —
Вот что влечет революционера,
Скорее практика, чем фантазера!

Не худо,
Сев на важного верблюда,
Направиться и к югу и к востоку!
Дари свободу бедному народу
И намечай железную дорогу!
Дари свободу! Что же это значит?
Дари им воду, букву, цифру, слово
И все, на что ты сам имеешь право,
Чтоб, ржаво треснув, рассыпались цепи...

В палящий зной нивелировка степи,
Анализ почв, промер воды в озерах —
Вот он один, высокий и прекрасный,
Тяжелый путь революционера,
Одна твоя немеркнущая слава!

1926

РЕВОЛЮЦИЯ

Революция
Назревала,
И затем она разразилась.
Алый стяг она развевала,
Вдруг как будто
Затормозилась.

Тормозилась она богачами —
Улещали ее речами,
Прекращали в самом начале,
Чтобы не было им печали.

Но пошла она в наступленье,
С ветхих петель срывая двери,
Возглашая свои веленья
Над развалинами империй.

Революция расковала
Всех томившихся в казематах,
Революция раскрывала
Беднякам глаза на богатых.

Бедняков она поднимала,
Обнимала по-пролетарски,
И без слов она понимала
По-латышски и по-мадьярски.

По-китайски и по-немецки,
И по-чешски и по-словацки,
Чтоб со всеми жить по-соседски,
Договариваться по-братски.

Помним мы, как она назревала
В копях, в шахтах, во мгле подвала,
В бесконечных хвостах за хлебом
И под смрадным окопным небом.

50-е гг.

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Помню
Двадцатые годы —
Их телефонные ручки,
Их телеграфные коды,
Проволочные колючки.

Помню
Недвижные лифты
В неотопляемых зданьях
И бледноватые шрифты
В огненно-пылких изданьях.

Помню
И эти газеты,
Помню и эти плакаты,
Помню и эти рассветы,
Помню и эти закаты.

Помню
Китайскую стену
И конструктивную сцену,
Мутность прудов Патриарших,
Мудрость товарищей старших.

Помню
Фанерные крылья
И богатырские шлемы,
Помню и фильмы, что были
Немы и вовсе не немы.

Помню я
Лестниц скрипучесть
И электричества тленье.
Помню я буйную участь
Нашего поколенья.

1954

СВОБОДА

Я уяснил,
Что значит быть свободным.
Я разобрался в этом чувстве трудном,
Одном из самых личных чувств на свете.

И знаете, что значит быть свободным?
Ведь это значит быть за все в ответе!
За все я отвечаю в этом мире —
За вздохи, слезы, горе и потери,
За веру, суеверье и безверье.

Я должен делать так, по крайней мере,
Поскольку сам уже ничем не связан
И стал, как говорится, вольной птицей.
Всему и всем я помогать обязан
Освободиться!

Освободиться!
Разве это просто?
Не говоря уже о человеке,
Который ищет помощи, опоры,
Чтоб сдвинуть с места всяческие горы
И обуздать бушующие реки,
Не говоря уже о человеке,
И сами горы возглашают часто,
Что от безлюдья стонут их ущелья,
И сами реки тоже просят моста
И изнывают от бескорабелья.
Шипит пустыня, что под нею море,
До коего столь просто докопаться;
Легко ли все ж какой-нибудь Сахаре
В одних песках купаться и купаться?
Давно пора покончить с этим адом!
И в то же время
Близко, где-то рядом,
Атлантика бушует неустанно,
И повествуют острова пространно
О бешенстве другого океана,
Который хочет их бесследно слопать.

Да океан ли только, в самом деле?
Я вижу пепел, чую дым и копоть,
И пот, и кровь на истомленном теле,
И я употреблю свою свободу,
Чтоб острова на воздух не взлетели,
Материки не провалились в воду
И целые миры не опустели.
Бороться буду я за все живое,
И должен я со всеми столковаться,
И каждому хочу лишь одного я:
Действительно
Свободы
Добиваться!

1957

ВАС НЕ БЫЛО ЕЩЕ...

Вы
Видели ее,
Когда она настала?
Она взяла свое.
Свергала с пьедестала
Всех, кто пытался влезть
Низвергнутым на смену.
Прыть, краснобайство, лесть —
Все потеряло цену.

На пыльной мостовой
С опавшею листвой
Керенок прах мешала,
По-своему решала.
Сорила шелухой
Подсолнухов лущеных.
Казались чепухой
Сомнения ученых.
Казались пустяком
И саботаж и фронда
В сравненье с мужиком,
Упорно прущим с фронта.

И были ерундой
Европы пересуды
В сравнении с нуждой
Оборванного люда.
Шла осень горячо.
Шли толпы. Страшен гнев их.
Вас не было еще
И в материнских чревах,
Когда дрались отцы
И кровь из ран хлестала.
Вас не было, юнцы,
Когда она настала —
На горе меньшинству
И большинству на счастье,
Настала наяву,
Чтоб стать Советской властью!

1957

ОКТЯБРЬ

Опавшую листву
Топтал, швырял, кружил,
Но с грезящими наяву
Фантастами дружил.

Он звездоплавателя сны
Не посчитал за блажь,
И вот поэтому с Луны
Сияет вымпел наш.

Октябрь порвал немало уз,
И, грубо говоря,
Проветрились чертоги муз
Ветрами Октября.

Он, кривде затыкая пасть,
Обуздывал корысть.
Свободой упивалась всласть
Новаторская кисть.

И озарилась мгла кулис
Новаторским лучом,
Ведь вот откуда мы взялись
И выросли на чем!

1960

Алексей Маширов-Самобытник

(1884—1943)

КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

О солнечно-бурый
Октябрьский набат,
О нежно-пурпурный
Цветок баррикад!
В раскатах восстаний
Твой пламень могуч,
Народных страданий
Серебряный ключ.
Он солнечным светом
Звенит, как живой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

Взращенный в невзгодах,
В приволье родном,
На гневных заводах,
В подполье глухом,
В кровавые ночи
На бранных полях,
В призывах рабочих,
В солдатских сердцах,
Он вспыхнул с расцветом
Зари огневой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

И светлым зигзагом
Сверкнули штыки,
Уверенным шагом
Проходят полки.
На север, восток,
И на запад и юг,
Чтоб красный цветок
Взять под огненный круг.

Несется приветом
Их клич боевой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

1918

РАБОЧИЙ КЛУБ

В раскатах будничного гула
Мне отдых сладкий мил и люб.
Недаром сердце потянуло
В родной очаг — рабочий клуб.

Сегодня там огромный митинг:
Колчак разбит на Иртыше...
Какие песни загремите
В моей взволнованной душе?

О, в тихом зале, тихо рея,
Забрезжит Красный Петроград
В просторах страждущей Кореи,
В огне парижских баррикад...

— Кто жаждет солнечных сверканий
Сквозь гнет кровавого дождя,
За мной!..— И гул рукоплесканий
Покроет старого вождя.

А после — шум и разговоры:
— Билеты? Есть. А кто поет?
— Антанту ждут переговоры...
— Эх, увеличить бы паек!

— Борьба и творчество — наш лозунг!
— Ты прав, да, трудно воевать.
Но, не изранив рук, и розу
В саду весеннем не сорвать...

— Семейство здесь? — Давно в деревню
Отправил, горе с лишним ртом...—
Беседа музыки напевней
Вокруг рокочет, а потом...

К буфету двинется, качая
Меня, толпа, чтоб в свой черед
Добыть стакан несладкий чая
И скромный, скромный бутерброд.

Но грянет музыка, и дальний
Утихнет гул в живой волне...
А я в задумчивой читальне
Один останусь в тишине,

Чтоб у забытого мольберта,
Достав заветную тетрадь,
Под гул далекого концерта
Стихи для «Правды» набросать.

1920

РЕВОЛЮЦИЯ

1

Тебе б гигантским, тяжким ломом
Дробить унылой жизни льды
И поднимать мятежным громом
Суровых пахарей труды.

Тебе б дождей веселых бусы
Рассыпать на землю, любя...
Но робкие душою трусы
Позорно предали тебя.

Идя с опущенным забралом,
В борьбе кружась, как муравьи,
Они пред гордым капиталом
Склоняли головы свои.

И лживым, сумрачным покровом
Тебя сковали на заре,
Но ты рванулася, и снова
Весной запахло в Октябре.

2

Не ты ль на злобные утесы
Взметнула гневные полки?!
Как волны, движутся матросы,
И мечут гром броневики.

Дрожит земля победным гимном,
«Аврора» гордый шлет снаряд —
И падает надменный Зимний
К ногам рабочих и солдат.

А ты в лицо стальным декретом
Бросаешь весело врагам:
— Я вновь жива, вся власть Советам,
Вся власть мозолистым рукам.

Да будет дух твой вечно молод,
Как в море пенистый прибой,—
А в стяге красном над тобой
Горят, как солнце, серп и молот.

1921

* * *

Эти мощные, грубые глыбы
Мы ворочаем гордым векам,
Там миллионы творцов могли бы
Дать волю искусным рукам.

Нам же первым киркой и лопатой
И стучать, и ворочать вновь.
О, какою безмерною платой
Оправдается наша кровь!

1921

Владимир Маяковский

(1893—1930)

* * *

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
день твой последний приходит, буржуй!

1917

ЛЕВЫЙ МАРШ

(Матросам)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горами го́ря
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат на̀нятой,
стальной изливаются лѐвой,—
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

1918

ОДА РЕВОЛЮЦИИ

Тебе,
освистанная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъязвленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
«О»!
О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двуликая?

Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овеянному,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,
славишь человечий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборовы
тщетно возносит, пощаду моля,—
твоих шестидюймовок тупорылые боровы
взрывают тысячелетия Кремля.
«Слава».
Хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушенно тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе, обывательское,
— о, будь ты проклята трижды!—
и мое,
поэтово,
— о, четырежды славься, благословенная!—

1918

ПОТРЯСАЮЩИЕ ФАКТЫ

Небывалей не было у истории в аннале
факта:
вчера,
сквозь иней,
звеня в «Интернационале»,

Смольиый
рииулся
к рабочим в Берлиие.
И вдруг
увидели
деятели сыска,
все эти завсегдатаи баров и опер,
триэтажиый
призрак
со стороиы российской.
Подиялся.
Шагает по Европе.
Обедающие ие успели окоичить обед —
в место это
грохнулся,
и иад Аллеей Побед —
знамя
«Власть Советов».
Напрасио пухлые руки взмóлены,—
не остаиовить в его иеслышиом карьере.
Раздавил,
и дальше рииулся Смольный,
республик и царств беря барьеры.
И уже
из лоска
тротуариого гляица
Брюсселя,
иатягивая нерв,
росла легенда
про Летучего голландца —
голлаидца революционеров.
А он —
по полям Бельгии,
по рыжим от крови полям,
туда,
где гудит союзиое ржанье,
метнулся.
Красный встал иад Парижем.
Смолкли парижане.
Стоишь и сладостным маршем мáиишь.
И вот,
восстаиию в лапы отдаиа,
рухиула республика,
а ои — за Ламаиш.

На площадь выводит кварталы Лондона.
А после
пароходы
низко-низко
над океаном Атлантическим видели —
пронесся
к шахтерам калифорнийским.
Говорят —
огонь из зева выделил.
Сих фактов оценки различна мерка.
Не верили многие.
Ловчились в спорах.
А в пятницу
утром
вспыхнула Америка,
землей казавшаяся, оказалась порох.
И если
скулит
обывательская моль нам:
— Не увлекайтесь Россией, восторженные дети,—
я
указываю
на эту историю со Смольным.
А этому
я,
Маяковский,
свидетель.

1919

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ!

Я знаю —
не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?

Ноги без мозга — вздорны.
Без мозга
рукам нет дела.
Металось
во все стороны
мира безголовое тело.
Нас
продавали на вырез.
Военный вздымался вой.
Когда
над миром вырос
Ленин
огромной головой.
И зе́мли
сели на о́си.
Каждый вопрос — прост.

И выявилось
два
в хао́се
мира
во весь рост.
Один —
животи́ще на животи́ще.
Другой —
непреклонно скалистый —
влил в миллионы тыщи.
Встал
Горой мускулистой.

Теперь
не промахнемся мимо.
Мы знаем кого — мети!
Ноги знают,
чьими
трупами
им идти.

Нет места сомненьям и воям.
Долой улитье — «подождем»!
Руки знают,
кого им
крыть смертельным дождем.

Пожарами землю дымя,
везде,
где народ испле́нен,
взрывается
бомбой
имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!

И это —
не стихов вееру
обмахивать юбиляра уют.—
Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою.

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП.

1920

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Слава тебе, краснозвездный герой!
Землю кровью вымыв,
во славу коммуны,
к горе за горой
шедший твердынями Крыма.
Они проползали танками рвы,
выпятив пушек шеи,—
телами рвы заполняли вы,
по трупам перейдя перешеек.

Они
за окопами взрыли окоп,
хлестали свинцовой рекою,—
а вы
отобрали у них Перекоп
чуть не голой рукою.
Не только тобой завоеван Крым
и белых разбита орава,—
удар твой двойной:
завоевано им
трудиться великое право.
И если
в солнце жизнь суждена
за этими днями хмурыми,
мы знаем —
вашей отвагой она
взята в перекопском штурме.
В одну благодарность сливаем слова́
тебе,
краснозвездная лава.
Во веки веков, товарищи,
вам —
слава, слава, слава!

1920—1921

ИЗ СЕРИИ «ОКНА САТИРЫ»

Штык красногвардейца возможность дал
флаг Октябрьский водрузить ал.
Только штык красноармейца охранил это знамя,
Октябрьскую революцию закрепил за нами.
Только с помощью красноармейцев знамя это
донесем до освобождения всего света.
Так старайся ж каждый,
Октябрю в честь,
работу по укреплению армии весть.

1921

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание:
отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания.

Заявишься:
«Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени о́на».—
«Товарищ Иван Ваныч ушли заседать —
объединение Тео и Гукона».

Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
Опять:
«Через час велели прийти вам.
Заседают:
покупка склянки чернил
губкооперативом».

Через час:
ни секретаря,
ни секретарши нет —
го́ло!
Все до 22-х лет
на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя на́ ночь
на верхний этаж семиэтажного дома.
«Пришел товарищ Иван Ваныч?» —
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Взъяренный,
на заседание
врываюсь лавиной,
дикие проклятья доро́гой изрыгая.
И вижу:
сидят людей половины.
О, дьявольщина!
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, оря.
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
«Оне на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится разорваться.
До пояса здесь,
а остальное
там».
С волнения не уснешь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:
«О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!»

1922

КОМСОМОЛЬСКАЯ

Смерть —
не сметь!

Строит,
        рушит,
                кроит
                        и рвет,
тихнет,
        кипит
                и пенится,

гудит,
говорит,
молчит
и ревет —
юная армия:
ленинцы.
Мы
новая кровь
городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
нить.
Ленин —
жил,
Ленин —
жив,
Ленин —
будет жить.
Залили горем.
Свезли в Мавзолей
частицу Ленина —
тело.
Но тленью не взять —
ни земле,
ни золе —
первейшее в Ленине —
дело.
Смерть,
косу положи!
Приговор лжив.
С таким
небесам
не блажить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
Ленин —
жив
шаганьем Кремля —
вождя
капиталовых пленников.

Будет жить,
и будет
земля
гордиться имеием
Леиина.
Еще
по миру
пройдут мятежи —
сквозь все межи
коммуне
путь проложить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
К сведению смерти,
старой карги,
гонящей в могилу
и старящей:
«Ленин» и «Смерть» —
слова-враги.
«Лении» и «Жизиь» —
товарищи.
Тверже
печаль держи.
Грудью
в горе прилив.
Нам —
не ныть.
Ленин —
жил.
Леиии —
жив.
Ленин —
будет жить.
Лении рядом.
Вот
он.
Идет
и умрет с иами.
И сиова
в каждом рожденном рождеи —

как сила,
как знанье,
как знамя.
Земля,
под ногами дрожи.
За все рубежи
слова —
взвивайтесь кружить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
Ленин ведь
тоже
начал с азов,—
жизнь —
мастерская геньина.
С низа лет,
с класса низов —
рвись
разгромадиться в Ленина.
Дрожите, дворцов этажи!
Биржа нажив,
будешь
битая
выть.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
Ленин
больше
самых больших,
но даже
и это
диво
создали всех времен
малыши —
мы,
малыши коллектива.

Мускул
        узлом вяжи.
Зубы-ножи —
в знанье —
            вонзай крошить.
Ленин —
        жил.
Ленин —
        жив.
Ленин —
        будет жить.
Строит,
        рушит,
            кроит
                и рвет,
тихнет,
        кипит
            и пенится,
гудит,
        молчит,
            говорит
                и ревет —
юная армия:
            ленинцы.
Мы
    новая кровь
            городских жил,
тело нив,

ткацкой идей
            нить.
Ленин —
        жил.
Ленин —
        жив.
Ленин —
        будет жить.

1924

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

(Из поэмы)

* * *

Слово за́ словом
из памяти таская,
не скажу
ни одному —
на место сядь.
Как бедна
у мира
сло́ва мастерская!
Подходящее
откуда взять?
У нас
семь дней,
У нас
часов — двенадцать.
Не прожить
себя длинней.
Смерть
не умеет извиняться.
Если ж
с часами плохо,
мала
календарная мера,
мы говорим —
«эпоха»,
мы говорим —
«эра».
Мы
спим
ночь.
Днем
совершаем поступки.
Любим
свою толочь
воду
в своей ступке.
А если
за всех смог
направлять
потоки явлений,

мы говорим —
«пророк»,
мы говорим —
«гений».
У нас
претензий нет,
не зовут —
мы и не лезем,—
нравимся
своей жене,
и то
довольны донéльзя.
Если ж,
телом и духом слит,
прет
на нас непохожий,
шпилим —
«царственный вид»,
удивляемся —
«дар божий».
Скажут так,—
и вышло
ни умнó, ни глупо.
Повисят слова
и уплывут, как ды́мы.
Ничего
не выколупишь
из таких скорлупок.
Ни рукам,
ни голове не ощутимы.
Как же
Ленина
таким аршином мерить!
Ведь глазами
видел
каждый всяк —
«эра» эта
проходила в двери,
даже
головой
не задевая косяк.
Неужели
про Ленина тоже:

«вождь
милостью божьей»?
Если б
был он
царствен и божествен,
я б
от ярости
себя не поберег,
я бы
стал бы
в перекоре шествий,
поклонениям
и толпам поперек.
Я б
нашел
слова
проклятья громоустого,
и пока
растоптан
я
и выкрик мой,
я бросал бы
в небо
богохульства,
по Кремлю бы
бомбами
метал:
долой!
Но тверды
шаги Дзержинского
у гроба.
Нынче бы
могла
с постов сойти Чека.
Сквозь мильоны глаз,
и у меня
сквозь оба,
лишь сосульки слез,
примерзшие
к щекам.
Богу почести казенные
не новость.

Нет!
Сегодня
настоящей болью,
сердце, холодей.
Мы хороним
самого земного
изо всех
прошедших
по земле людей.
Он земной,
но не из тех,
кто глазом
упирается
в свое корыто.
Землю
всю
охватывая разом,
видел
то,
что временем закрыто.
Он, как вы
и я,
совсем такой же,
только,
может быть,
у самых глаз
мысли
больше нашего
морщинят кожей,
да насмешливей
и тверже губы,
чем у нас.
Не сатрапья твердость,
триумфаторской коляской
мнущая
тебя,
подергивая вожжи,
Он
к товарищу
милел
людскою лаской,

Он
к врагу
вставал
железа тверже.
Знал он
слабости,
знакомые у нас,
как и мы,
перемогал болезни.
Скажем,
мне — бильярд —
отращиваю глаз,
шахматы ему —
они вождям
полезней.
И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведя
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей — человечьей диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.
И ему
и нам
одно и то же дорого.
Отчего ж,
стоящий
от него поодаль,
я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыханье
отдал?!
Да не я один!
Да что я
лучше, что ли?!
Даже не позвать,
раскрыть бы только рот —

кто из вас
из сел,
из кожи вон,
из штолен
не шагнет вперед?!
В качке —
будто бы хватил
вина и горя лишку —
инстинктивно
хоронюсь
трамвайной сети.
Кто
сейчас
оплакал бы
мою смертишку
в трауре
вот этой
безграничной смерти!
Со знаменами идут,
и так.
Похоже —
стала
вновь
Россия кочевой.
И Колонный зал
дрожит,
насквозь прохожен.
Почему?
Зачем
и отчего?
Телеграф
охрип
от траурного гуда.
Слезы снега
с флажьих
покрасневших век.
Что он сделал,
кто он
и откуда —
этот
самый человечный человек?
Коротка
и до последних мгновений

нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново.
Далеко давным,
годов за двести,
первые
про Ленина
восходят вести.
Слышите —
железный
и луженый,
прорезая
древние века,—
голос
прадеда
Бромлея и Гужона —
первого паровика?
Капитал
его величество,
некоронованный,
невенчанный,
объявляет
покоренной
силу деревенщины.
Город грабил,
греб,
грабастал,
глыбил
пуза касс,
а у станков,
худой и горбастый,
встал
рабочий класс.

* * *

Внуки
спросят:
— Что такое капиталист? —

Как дети
теперь:
— Что это
г-о-р-о-д-о-в-о-й?..—
Для внуков
пишу
в один лист
капитализма
портрет родовой.
Капитализм
в молодые года
был ничего,
деловой парнишка:
первый работал —
не боялся тогда,
что у него
от работ
засалится манишка.
Трико феодальное
ему тесно́!
Лез
не хуже,
чем нынче лезут.
Капитализм
революциями
своей весной
расцвел
и даже
подпевал «Марсельезу».
Машину
он
задумал и выдумал.
Люди
и те — ей!
Он
по вселенной
видимо-невидимо
рабочих расплодил
детей.
Он враз
и царства
и графства сжевал
с коронами их
и с орлами.

Встучнел,
как библейская корова
или вол,
облизывается.
Язык — парламент.
С годами
ослабла
мускулов сталь,
он раздобрел
и распух,
такой же
с течением времени
стал,
как и его гроссбух.
Дворец возвел —
не увидишь такого!
Художник
— не один! —
по стенам поерзал.
Пол ампиристый,
потолок рококовый,
стенки —
Людовика XIV,
Каторза.
Вокруг,
с лицом,
что равно годится
быть и лицом
и ягодицей,
задолицая
полиция.
И краске
и песне
душа глуха,
как корове
цветы
среди луга.
Этика, эстетика
и прочая чепуха —
просто —
его
женская прислуга.
Его
и рай
и преисподняя —

распродает
старухам
дырки
от гвоздей
креста господня
и перо
хвоста
святого духа.
Наконец,
и он
перерос себя,
за него
работает раб.
Лишь наживая,
жря
и спя,
капитализм разбух
и обдряб.
Обдряб
и лег
у истории на пути
в мир,
как в свою кровать.
Его не объехать,
не обойти,
единственный выход —
взорвать!
Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
— А где ж душа?!
Да это ж —
риторика!
Поэзия где ж?
Одна публицистика!! —
Капитализм —
неизящное слово,
куда изящней звучит —
«соловей»,
но я
возвращусь к нему
снова и снова.

Строку,
агитаторским лозунгом взвей!
Я буду писать
и про то
и про это,
но нынче
не время
любовных ляс.
Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.
Пролетариат —
неуклюже и узко
тому,
кому
коммунизм — западня.
Для нас
это слово —
могучая музыка,
могущая
мертвых
сражаться поднять.

* * *

Маркс!
Встает глазам
седин портретных рама.
Как же
жизнь его
от представлений далека!
Люди
видят
замурованного в мрамор,
гипсом
холодеющего старика.
Но когда
революционной тропкой
первый
делали
рабочие
шажок,

о, какой
невероятной топкой
сердце Маркс
и мысль свою зажег!
Будто сам
в заводе каждом
стоя сто́ймя,
будто
каждый труд
размозоливая лично,
грабящих
прибавочную стоимость
за руку
поймал с поличным.
Где дрожали тельцем,
не вздымая глаз свой
даже
до пупа
биржевика-дельца,
Маркс
повел
разить
войною классовой
золотого
до быка
доросшего тельца.
Нам казалось —
в коммунизмовы затоны
только
волны случая
закинут
нас
юля́.
Маркс
раскрыл
истории законы,
пролетариат
поставил у руля.
Книги Маркса —
не набора гранки;
не сухие
цифр столбцы,—
Маркс
рабочего
поставил на́ ноги

и повел
колоннами
стройнее цифр.
Вел
и говорил: —
сражаясь, лягте,
дело —
корректура
выкладкам ума.
Он придет,
придет
великий практик,
поведет
полями битв,
а не бумаг! —
Жерновами дум
последнее меля
и рукой
дописывая
восковой,
знаю,
Марксу
виделось
видение Кремля
и коммуны
флаг
над красною Москвой.
Назревали,
зрели дни,
как дыни,
пролетариат
взрослел
и вырос из ребят.
Капиталовы
отвесные твердыни
валом размывают
и дробят.
У каких-нибудь
годов
на расстоянии
сколько гроз
гудит
от нарастаний.

Завершается
восстанием
гнева нарастание,
нарастают
революции
за вспышками восстаний.
Крут
буржуев
озверевший норов.
Тьерами растерзанные,
воя и стеная,
тени прадедов,
парижских коммунаров,
и сейчас
вопят
парижскою стеною:
—Слушайте, товарищи!
Смотрите, братья!
Горе одиночкам —
выучьтесь на нас!
Сообща взрывайте!
Бейте партией!
Кулаком
одним
собрав
рабочий класс.—
Скажут:
«Мы вожди»,
а сами —
шаркунами.
За речами
шкуру
распознать умей!
Будет вождь
такой,
что мелочами с нами —
хлеба проще,
рельс прямей.
Смесью классов,
вер,
сословий
и наречий,
на рублях колес
землища двигалась.

Капитал
ежом противоречий
рос вовсю
и креп,
штыками иглясь.
Коммунизма
призрак
по Европе рыскал,
уходил
и вновь
маячил в отдаленьи...
По всему поэтому
в глуши Симбирска
родился
обыкновенный мальчик
Ленин.

* * *

Оглядите памятники —
видите
героев род вы?
Станет гоголем,
а ты
венком его величь.
Не такой —
чернорабочий,
ежедневный подвиг
нá плечи себе
взвалил Ильич.
Он вместе
учит в кузнечной пасти,
как быть,
чтоб зарплата
взросла пятаком.
Что делать,
если
дерется мастер.
Как быть,
чтоб хозяин
поил кипятком.
Но не мелочь
целью в конце:

победив,
не стой так
над одной
сметённой лужею.
Социализм — цель.
Капитализм — враг.
Не веник —
винтовка оружие.
Тысячи раз
одно и то же
он вбивает
в тугой слух,
а назавтра
друг в друга вложит
руки
понявших двух.
Вчера — четыре,
сегодня — четыреста.
Таимся,
а завтра
в открытую встанем,
и эти четыреста
в тысячи вырастут.
Трудящихся мира
подымем восстанием.
Мы уже
не тише вод,
травинок ниже —
гнев
трудящихся
густится в туче.
Режет
молниями
Ильичевых книжек.
Сыпет
градом
прокламаций и летучек.
Бился
об Ленина
темный класс,
тёк
от него
в просветленьи,

и, обданный
силой
и мыслями масс,
с классом
рос
Ленин.
И уже
превращается в быль
то,
в чем юношей
Ленин клялся:
— Мы
не одиночки,
мы —
союз борьбы
за освобождение
рабочего класса.—
Ленинизм идет
все далее
и более
вширь
учениками
Ильичевой выверки.
Кровью
вписан
героизм подполья
в пыль
и в слякоть
бесконечной Володимирки.

* * *

Слова
у нас
до важного самого
в привычку входят,
ветшают, как платье.
Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово —
«ПАРТИЯ».
Единица!
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.

Кто ее услышит? —
Разве жена!
И то
если не на базаре,
а близко.
Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.
Плохо человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин —
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.
А если
в партию
сгрýдились малые —
сдайся, враг,
замри
и ляг!
Партия —
рука миллионопалая,
сжатая
в один
громящий кулак.
Единица — вздор,
единица — ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно,

тем более
дом пятиэтажный.
Партия —
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
Партией
стройки
в небо взмечем,
держа
и вздымая друг друга.
Партия —
спинной хребет рабочего класса.
Партия —
бессмертие нашего дела.
Партия —
единственное,
что мне не изменит.
Сегодня приказчик,
а завтра
царства стираю в карте я.
Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
вот что такое партия.
Партия и Ленин —
близнецы-братья,—
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем —
Ленин.

* * *

Уже
Ильичем
поведенные в битвы,

еще
не зная
его по портретам,
толкались,
орали,
острее бритвы
солдаты друг друга
крыли при этом.
И в этой желанной
железной буре
Ильич,
как будто
даже заспанный,
шагал,
становился
и глаз, сощуря,
вонзал,
заложивши
руки за́ спину.
В какого-то парня
в обмотках,
лохматого,
уставил
без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто
душу
тащил из-под фраз.
И знал я,
что всё
раскрыто и понято
и этим
глазом
наверное выловится —
и крик крестьянский,
и вопли фронта
и воля нобельца,
и воля путиловца.
Он
в черепе
сотней губерний ворочал,

людей
носил
до миллиардов полутора.
Он
взвешивал
мир
в течение ночи,
а утром:
— Всем!
Всем!
Всем это —
фронтам,
кровью пьяным,
рабам
всякого рода,
в рабство
богатым отданным.—
ВЛАСТЬ
СОВЕТАМ!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным! —
Буржуи
прочли
— погодите,
выловим,—
животики пятят
доводом веским —
ужо им покажут
Духонин с Корниловым,
покажут ужо им
Гучков с Керéнским.
Но фронт
без боя
слова эти взяли —
деревня
и город
декретами зáлит,
и даже
безграмотным
сердце прожег.
Мы знаем,
не нам,
а им показали,

какое такое бывает
«ужо».
Переходило
от близких к ближним,
от ближних
дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
война,
война дворцам!»
Дрались
в любом заводе и цехе,
горохом
из городов вытряхивали,
а сзади
шаганье октябрьское
метило вехи
пылающих
дворянских усадеб.

* * *

Историки
с гидрой плакаты выдерут
— чи эта гидра была,
чи нет? —
а мы
знавали
вот эту гидру
в ее
натуральной величине.
«Мы смело в бой пойдем
за власть Советов
и как один умрем
в борьбе за это!»
Деникин идет.
Деникина выкинут,
обрушенный пушкой
подымут очаг.
Тут Врангель вам —
на смену Деникину.
Барона уронят —
уже Колчак.
Мы жрали кору,
ночевка — болотце,

но шли
миллионами красных звезд,
и в каждом — Ильич,
и о каждом заботится
на фронте
в одиннадцать тысяч верст.
Одиннадцать тысяч верст
окружность,
а сколько
вдоль да поперек!
Ведь каждый дом
атаковывать нужно,
каждый
врага
в подворотнях берег.
Эсер с монархистом
шпионят бессонно —
где жалят змеей,
где рубят сплеча.
Ты знаешь
путь
на завод Михельсона?
Найдешь по крови
из ран Ильича.

* * *

Залив
Ильичем
указан глубокий
и точка
смычки-причала
на́йдена,
и плавно
в мир,
строительству в доки,
вошла
Советских республик громадина.
И Ленин
сам
где железо,
где дерево
носил —
чинить
пробитое место.

Стальными листами
вздымал
и примеривал
кооперативы,
лавки
и тресты.
И снова
становится
Ленин — штурман,
огни по бортам,
впереди и сзади.
Теперь
от абордажей и штурма
мы
перейдем
к трудовой осаде.
Мы
отошли,
рассчитавши точно.
Кто разложился —
на берег
за вóрот.
Теперь вперед!
Отступленье окончено.
РКП,
команду на борт!
Коммуна — столетия,
что десять лет для ней?
Вперед —
и в прошлом
скроется нэпчик.
Мы двинемся
во сто раз медленней,
зато
в миллион
прочней и крепче.
Под этой
мелкобуржуазной стихией
еще
колышется
мертвая зыбь,
но, тихие
тучи
молнией выев,

уже —
нарастанье
всемирной грозы.
Враг
сменяет
врага поределого,
но будет —
над миром
зажжем небеса,
— но это
уже
полезней проделывать,
чем
об этом писать.—
Теперь
если пьете
и если едите,
на общий завод ли
идем
с обеда,
мы знаем,
пролетариат — победитель,
и Ленин —
организатор победы.
От Коминтерна
до звонких копеек,
серпом и молотом
в новой меди,
одна
неписаная эпопея —
шагов Ильича
от победы к победе.
Революции —
тяжелые вещи,
один не подымешь —
согнется нога.
Но Ленин
меж равными
был первейший
по силе воли,
ума рычагам.
Подымаются страны
одна за одной —

рука Ильича
указывала верно:
народы —
черный,
белый
и цветной —
становятся
под знамя Коминтерна.
Столпов империализма
непреклонные колонны —
буржуи
пяти частей света,
вежливо
приподымая
цилиндры и короны,
кланяются
Ильичевой республике Советов.
Нам
не страшно
усилие ничье,
мчим
вперед
паровозом труда...
и вдруг
стопудовая весть —
с Ильичем
удар.

* * *

Я счастлив.
Звенящего марша вода
относит
тело мое невесомое.
Я знаю —
отныне
и навсегда
во мне
минута
эта вот самая.
Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.

Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!
Знаменные
снова
склоняются крылья,
чтоб завтра
опять
подняться в бои —
«Мы сами, родимый, закрыли
орлиные очи твои».
Только б не упасть,
к плечу плечо,
флаги вычернив
и ве́ками алея,
на последнее
прощанье с Ильичем
шли
и медлили у мавзолея.
Выполняют церемониал.
Говорили речи.
Говорят — и ладно.
Горе вот,
что срок минуты
мал —
разве
весь
охватишь ненаглядный!
Пройдут
и на́верх
смотрят с опаской,
на черный,
посыпанный снегом кружок.
Как бешено
скачут
стрелки на Спасской.
В минуту —
к последней четверке прыжок.
Замрите
минуту
от этой вести!

Остановись,
движенье и жизнь!
Поднявшие молот,
стыньте на месте.
Земля, замри,
ложись и лежи!
Безмолвие.
Путь величайший окончен.
Стреляли из пушки,
а может, из тыщи.
И эта
пальба
казалась не громче,
чем мелочь,
в кармане бренчащая —
в нищем.
До боли
раскрыв
убогое зрение,
почти заморожен,
стою не дыша.
Встает
предо мной
у знамен в озарении
темный
земной
неподвижный шар.
Над миром гроб,
неподвижен и нем.
У гроба —
мы,
людей представители,
чтоб бурей восстаний,
дел и поэм
размножить то,
что сегодня видели.
Но вот
издалёка,
оттуда,
из алого
в мороз,
в караул умолкнувший наш,
чей-то голос —
как будто Муралова —

«Шагом марш».
Этого приказа
и не нужно даже,—
реже,
ровнее,
тверже дыша,
с трудом
отрывая
тело-тяжесть,
с площади
вниз
вбиваем шаг.
Каждое знамя
твердыми руками
вновь
над головою
взвито ввысь.
Топота потоп,
сила кругами,
ширясь,
расходится
миру в мысль.
Общая мысль
воедино созвеньена
рабочих,
крестьян
и солдат-рубак:
— Трудно
будет
республике без Ленина.
Надо заменить его —
кем?
И как?
Довольно
валяться
на перине клоповой!
Товарищ секретарь!
Нá тебе —
вот —
просим приписать
к ячейке еркаповой
сразу,
коллективно,
весь завод...—

Смотрят
буржуи,
глазки раскоряча,
дрожат
от топота крепких ног.
Четыреста тысяч
от станка
горячих —
Ленину
первый
партийный венок.
— Товарищ секретарь,
бери ручку...
Говорят — заменим...
Надо, мол...
Я уже стар —
берите внучика,
не отстает —
подай комсомол.—
Подшефный флот,
подымай якоря,
в море
пора
подводным кротам.
«По морям,
по морям,
нынче здесь,
завтра там».
Выше, солнце!
Будешь свидетель —
скорей
разглаживай траур у рта.
В ногу
взрослым
вступают дети
тра-та-та-та-та
та-та-та-та.
«Раз,
два,
три!
Пионеры мы.
Мы фашистов не боимся,
пойдем на штыки».
Напрасно
кулак Европы задран.

Кроем их грохотом.
Назад!
Не сметь!
Стала
величайшим
коммунистом-организатором
даже
сама
Ильичева смерть.
Уже
над трубами
чудовищной рощи,
руки
миллионов
сложив в древко,
красным знаменем
Красная площадь
вверх
вздымается
страшным рывком.
С этого знамени,
с каждой складки
снова
живой
взывает Ленин:
— Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте
спины и колени!
Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует революция,
радостная и скорая!
Это —
единственная
великая война
из всех,
какие знала история.

1924

ХОРОШО!

(Отрывки из поэмы)

5

...А в конце у Лиговки
другие слова
подымались
из подвалов.
«Я,
товарищи,—
из военной бюры.
Кончили заседание —
то́ка-то́ка.
Вот тебе,
к маузеру,
двести бери,
а это —
сто патронов
к винтовкам.
Пока
соглашатели
замазывали рты,
подходит
казатчина
и самокатчина.
Приказано
питерцам
идти на фронты,
а сюда
направляют
с Гатчины.
Вам,
которые
с Выборгской стороны,
вам
заходить
с моста́ Литейного.
В сумерках,
тоньше
дискантовой струны,

не галдеть
и не делать
заведенья питейного.
Я
за Лашевичем
беру телефон,—
не задушим,
так нас задушат.
Или
возьму телефон,
или вон
из тела
пролетарскую душу.
Сам
приехал,
в пальтишке рваном,—
ходит,
никем не опознан.
Сегодня,
говорит,
подыматься рано.
А послезавтра —
поздно.
Завтра, значит.
Ну, не сдобровать им!
Быть
Керенскому
биту и ободрану!
Уж мы
подымем
с царевой кровати
эту
самую
Александру Федоровну».

6

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрáми,
как дуют
при капитализме.

За Троицкий
дули
авто и трамы,
обычные
рельсы
вызмеив.
Под мостом
Нева-река,
по Неве
плывут кронштадтцы...
От винтовок говорка
скоро
Зимнему шататься.
В бешеном автомобиле,
покрышки сбивши,
тихий,
вроде
упакованной трубы,
за Гатчину,
забившись,
улепетывал бывший —
«В рог,
в бараний!
Взбунтовавшиеся рабы!..»
Видят
редких звезд глаза,
окружая
Зимний
в кольца,
по Мильонной
из казарм
надвигаются кексгольмцы.
А в Смольном,
в думах
о битве и войске,
Ильич
гримированный
мечет шажки,
да перед картой
Антонов с Подвойским
втыкают
в места атак
флажки.

Лучше
власть
добром оставь,
никуда
тебе
не деться!
Ото всех
идут
застав
к Зимнему
красногвардейцы.
Отряды рабочих,
матросов,
голи —
дошли,
штыком домерцав,
как будто
руки
сошлись на горле,
холёном
горле
дворца.
Две тени встало.
Огромных и шатких.
Сдвинулись.
Лоб о лоб.
И двор
дворцовый
руками решетки
стиснул
торс
толп.
Качались
две
огромных тени
от ветра
и пуль скоростей,—
да пулеметы,
будто
хрустенье
ломаемых костей.
Серчают стоящие павловцы.
«В политику...
начали...
ба́ловаться...

Куда
против нас
бочкаревским дурам?!
Приказывали б
на штурм».
Но тени
боролись,
спутав лапы,—
и лап
никто
не разнимал и не рвал.
Не выдержав
молчания,
сдавался слабый —
уходил
от испуга,
от нерва́.
Первым,
боязнью одолен,
снялся
бабий батальон.
Ушли с батарей
к одиннадцати
михайловцы или константиновцы...
А Ке́ренский —
спрятался,
попробуй
вымань его!
Задумывалась
казачья башка.
И
редели
защитники Зимнего,
как зубья
у гребешка.
И долго
длилось
это молчанье,
молчанье надежд
и молчанье отчаянья.
А в Зимнем,
в мягких мебеля́х,
с бронзовыми вы́крутами,

сидят
министры
в меди блях,
и пахнет
гладко выбритыми.

На них не глядят
и их не слушают —
они
у штыков в лесу.
Они
упадут
переспевшей грушею,
как только
их
потрясут.
Голос — редок.
Шепотом,
знаками.
— Керенский где-то? —
— Он?
За казаками.—
И снова молча.
И только
по́д вечер:
— Где Прокопович? —
— Нет Прокоповича.—
А из-за Николаевского
чугунного моста́,
как смерть,
глядит
неласковая
Авророых
башен
сталь.
И вот
высоко
над воротником
поднялось
лицо Коновалова.
Шум,
который
тек родником,
теперь
прибоем наваливал.

Кто длинный такой?..
Дотянуться смог!
По каждому
из стекол
удары палки.
Это —
из трехдюймовок
шарахнули
форты Петропавловки.
А поверху
город
как будто взорван:
бабахнула
шестидюймовка Авророва.
И вот
еще
не успела она
рассыпаться,
гулка и грозна,—
над Петропавловской
взвился
фонарь,
восстанья
условный знак.
— Долой!
На приступ!
Вперед!
На приступ! —
Ворвáлись.
На ковры!
Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы
каждый выступ
брали, перешагивая
через юнкеров.
Как будто
водою
комнаты полня,
текли,
сливались
над каждой потерей,
и схватки
вспыхивали
жарче полдня

за каждым диваном,
у каждой портьеры.
По этой
анфиладе,
приветствиями оранной
монархам,
несущим
короны-клады,—
бархатными залами,
раскатистыми коридорами
гремели,
бились
сапоги и приклады.
Какой-то
смущенный
сукин сын,
а над ним
путиловец —
нежней папаши:
«Ты,
парнишка,
выкладай
ворованные часы —
часы
теперича
наши!»
Топот рос
и тех
тринадцать
сгреб,
забил,
зашиб,
затыркал.
Забились
под галстук —
за что им приняться? —
Как будто
топор
навис над затылком.
За двести шагов...
за тридцать...
за двадцать...
Вбегает
юнкер:
«Драться глупо!»

Тринадцать визгов:
—Сдаваться!
Сдаваться!—
А в двери —
бушлаты,
шинели,
тулупы...
И в эту
тишину
раскатившийся всласть
бас,
окрепший
над реями рея:
«Которые тут временные?
Слазь!
Кончилось ваше время».
И один
из ворвавшихся,
пенснишки тронув,
объявил,
как об чем-то простом
и несложном:
«Я,
председатель Реввоенкомитета
Антонов,
Временное
правительство
объявляю низложенным».
А в Смольном
толпа,
растопырив груди,
покрывала
песней
фейерверк сведений.
Впервые
вместо:
—«И это будет...» —
пели:
—«И это есть
наш последний...» —
До рассвета
осталось
не больше аршина,—

руки
лучей
с востока взмóлены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
В Смольный».
Умолк пулемет.
Угодил толкóв.
Умолкнул
пуль
звенящий улей.
Горели,
как звезды,
грани штыков,
бледнели
звезды небес
в карауле.
Дул,
как всегда,
октябрь
ветрáми.
Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы
уже —
при социализме.

7

В такие ночи,
в такие дни,
в часы
такой поры
на улицах
разве что
одни
поэты
и вóры.
Сумрак
на мир
океан катнýл.

Синь.
Над кострами —
бур.
Подводной
лодкой
пошел ко дну
взорванный
Петербург.
И лишь
когда
от горящих вихров
шатался
сумрак бурый,
опять вспоминалось:
с боков
и с верхов
непрерывная буря.

На воду
сумрак
похож и так —
бездонна
синяя прорва.
А тут
еще
и виденьем кита
туша
Авророва.
Огонь
пулеметный
площадь остриг.
Набережные —
пусты.
И лишь
хорохорятся
костры
в сумерках
густых.
И здесь,
где земля
от жары вязка,
с испугу
или со льда,

ладони
держа
у огня в языках,
греется
солдат.
Вставайте!
Вставайте!
Вставайте!
Работники
и батраки!
Зажмите,
косарь и ковать,
винтовку
в железо руки!
Вверх —
флаг!
Рвань —
встань!
Враг —
ляг!
День —
дрянь!
За хлебом!
За миром!
За волей!
Бери
у буржуев
завод!
Бери
у помещика поле!
Братайся,
дерущийся взвод!
Сгинь —
стар.
В пух,
в прах.
Бей —
бар!
Трах!
тах!
Довольно,
довольно,
довольно

покорность
нести
на горбах.
Дрожи,
капиталова дворня!
Тряситесь,
короны,
на лбах!
Жир
ёжь
страх
плах!
Трах!
тах!
Тах!
тах! —
Эта песня,
перепетая по-своему,
доходила
до глухих крестьян —
и вставали села,
содрогая воем,
по дороге
топоры крестя.
— Но-
жи-
чком
на
месте чик
лю-
то-
го
по-
мещика.
Гос-
по-
дин
по-
мещичек,
со-
би-
райте
вещи-ка!

До-
шло
до поры,
вы-
хо-
ди,
босы,
вос-
три
топоры,
подымай косы.
Чем
хуже
моя Нина?!
Ба-
рыни сами.
Тащь
в хату
пианино,
граммофон с часами!
Под-
хо-
ди-
те, орлы!
Будя —
пограбили.
Встречай в колы,
провожай
в грабли!
Дело
Стеньки
с Пугачевым,
разгорайся жарче-ка!
Все
поместья
богачевы
разметем пожарчиком.
Под-
пусть
петуха!
Подымай вилы!
Эх,
не
потухай,—

пе-
тух милый! —
Черт
ему
теперь
родня!
Головы —
кочáном.
Пулеметов трескотня
сыплется с тачанок.
«Эх, яблочко,
цвета ясного.
Бей
справа
белаво,
слева краснова».
Этот вихрь,
от мысли до курка,
и постройку,
и пожара дым
прибирала
партия
к рукам,
направляла,
строила в ряды...

1927

ТОВАРИЩУ НЕТТЕ — ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ

Я недаром вздрогнул.
Не загробный вздор.
В порт,
горящий,
как расправленное лето,
разворачивался
и входил
товарищ «Теодор
Нетте».
Это — он.
Я узнаю его.
В блюдечках-очках спасательных кругов.

— Здравствуй, Нетте!
Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
канатов
и крюков.
Подойди сюда!
Тебе не мелко?
От Батума,
чай, котлами покипел...
Помнишь, Нетте,—
в бытность человеком
ты пивал чай
со мною в дипкупе?
Медлил ты.
Захрапывали сони.
Глаз
кося
в печати сургуча,
напролет
болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
стихи уча.
Засыпал к утру.
Курок
аж палец свел...
Суньтеся —
кому охота!
Думал ли,
что через год всего
встречусь я
с тобою —
с пароходом.
За кормой лунища.
Ну и здорово!
Залегла,
просторы надвое порвав.
Будто на̀век
за собой
из битвы коридоровой
тянешь след героя,
светел и кровав.
В коммунизм из книжки
верят средне.

«Мало ли
что можно
в книжке намолоть!»
А такое —
оживит внезапно «бредни»
и покажет
коммунизма
естество и плоть.
Мы живем,
зажатые
железной клятвой.
За нее —
на крест,
и пулею чешите:
это —
чтобы в мире
без Россий,
без Латвий,
жить единым
человечьим общежитьем.
В наших жилах —
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.
Мне бы жить и жить,
сквозь годы мчась.
Но в конце хочу —
других желаний нету —
встретить я хочу
мой смертный час
так,
как встретил смерть
товарищ Нетте.

15 июля — 1926. Ялта.

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями катись
любая бумажка.
Но эту...
По длинному фронту
купе
и кают
чиновник
учтивый
движется.
Сдают паспорта,
и я
сдаю
мою
пурпурную книжицу.
К одним паспортам —
улыбка у рта.
К другим —
отношение плёвое.
С почтеньем
берут, например,
паспорта
с двухспальным
английским лёвою.
Глазами
доброго дядю выев,
не переставая
кланяться,
берут,
как будто берут чаевые,
паспорт
американца.
На польский
глядят,
как в афишу коза.
На польский —
выпяливают глаза

в тугой
полицейской слоновости —
откуда, мол,
и что это за
географические новости.
И не повернув
головы кочан
и чувств
никаких
не изведав,
берут,
не моргнув,
паспорта датчан
и разных
прочих
шведов.
И вдруг,
как будто
ожогом,
рот
скривило
господину.
Это
господин чиновник
берет
мою
краснокожую паспорти́ну.
Берет —
как бомбу,
берет —
как ежа,
как бритву
обоюдоострую,
берет,
как гремучую
в 20 жал
змею
двухметроворостую.
Моргнул
многозначаще
глаз носильщика,
хоть вещи
снесет задаром вам.

Жандарм
вопросительно
смотрит на сыщика,
сыщик —
на жандарма.
С каким наслажденьем
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и ра́спят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый
советский паспорт.
Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
Я достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

1929

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Первое вступление в поэму

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем дерьме,

наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.
Засадила садик мило
дочка,
дачка,
водь
и гладь —
сама садик я садила,
сама буду поливать.
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот —
кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки —
кто их, к черту, разберет!
Нет на прорву карантина —
мандолинят из-под стен:
«Тара-тина, тара-тина,
т-эн-н...»
Неважная честь,
чтоб из этаких роз
мои изваяния высились

по скверам,
где харкает туберкулез,
где б... с хулиганом
да сифилис.
И мне
агитпроп
в зубах навяз,
и мне бы
строчить
романсы на вас,—
доходней оно
и прелестней.
Но я
себя
смирял,
становясь
на горло
собственной песне.
Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря!
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря.
Я к вам приду
в коммунистическое далеко
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так,—
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.

Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.
В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.
Я
ухо
словом
не привык ласкать;
ушку девическому
в завиточках-волосках
с полупохабщины
не разалеться тронуту.
Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий.
Оружия
любимейшего род,
готовая
рвануться в гике,

застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.
И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой

Мы не рабы,
рабы не мы!

плетется слава
в похороииом марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымяииые
иа штурмах мерли иаши!
Мие иаплевать
иа бронзы миогопудье,
мие наплевать
иа мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди,—
пускай иам
общим памятником будет
построеииый
в боях
социализм.
Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».
Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткииы плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
я стаиовлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай
быстрей протопаем,
протопаем
по пятилетке
дией остаток.
Мне
и рубля
ие иакопили строчки,

краснодеревщики
не слали мебель нá дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.
Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг,
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

1930

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.
Рот открыт
в напряженной речи,
усов
щетинка
вздернулась ввысь,
в складках лба
зажата
человечья,
в огромный лоб
огрóмная мысль.
Должнó быть,
под ним
проходят тысячи...

Лес флагов...
рук трава...
Я встал со стула,
радостью высвечен,
хочется —
идти,
приветствовать,
рапортовать!
«Товарищ Ленин,
я вам докладываю
не по службе,
а по душе.
Товарищ Ленин,
работа адовая
будет
сделана
и делается уже.
Освещаем,
одеваем нищь и óголь,
ширится
добыча
угля и руды...
А рядом с этим,
конешно,
много,
много
разной
дряни и ерунды.
Устаешь
отбиваться и отгрызаться.
Многие
без вас
отбились от рук.
Очень
много
разных мерзавцев
ходят
по нашей земле
и вокруг.
Нету
им
ни числа,
ни клички,

целая
лента типов
тянется.
Кулаки
и волокитчики,
подхалимы,
сектанты
и пьяницы,—
ходят,
гордо
выпятив груди,
в ручках сплошь
и в значках нагрудных...
Мы их
всех,
конешно, скрутим,
но всех
скрутить
ужасно трудно.
Товарищ Ленин,
по фабрикам дымным,
по землям,
покрытым
и снегом
и жнивьем,
вашим,
товарищ, сердцем и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем!..»
Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.

1929

Если
блокада
нас не сморила,
если
не сожрала
война
горяча —
это потому,
что примером,
мерилом
было
слово
и мысль Ильича.
— Вперед
за республику
лавой атак!
На первый
военный клич! —
Так велел
защищаться
Ильич.
Втрое,
каждый
станок и верстак,
работу
свою
увеличь!
Так
велел
работать
Ильич.
Наполним
нефтью
республики бак!
Уголь,
расти от добыч!
Так
работать
велел Ильич.
«Снижай себестоимость,
выведи брак!» —

гудков
вызывает
зыч,—
так
работать
звал Ильич.
Комбайном
на общую землю наляг.
Огнем
пустыри расфабричь!
Так
Советам
велел Ильич.
Сжимай экономией
каждый пятак.
Траты
учись стричь,—
так
хозяйничать
звал Ильич.
Огнями ламп
просверливай мрак,
республику
разэлектричь,—
так
велел
рассветиться
Ильич.
Религия — опиум,
религия — враг,
довольно
поповских притч,—
так
жить
велел Ильич.
Достань
бюрократа
под кипой бумаг,
рабочей
ярости
бич,—
так
бороться
велел Ильич.

Не береги
от критики
лак,
чин
в оправданье
не тычь,—
так
велел
держаться
Ильич.
«Слева»
не рви
коммунизма флаг,
справа
в унынье не хнычь,—
так
идти
наказал Ильич.
Намордник фашистам!
Довольно
собак
спускать
на рабочую «дичь»!
Так
велел
наступать Ильич.
Не хнычем,
а торжествуем
и чествуем.
Ленин с нами,
бессмертен и величав,
по всей вселенной
ширится шествие —
мыслей,
слов
и дел Ильича.

1930

Иван
Молчанов

(1903—1984)

ВЁСНЫ

На солнышке разбуженные сосны
Качаются в полянке голубой —
Забытые умчавшиеся вёсны
Шеренгами волнуются за мной.

И в памяти всплывают из тумана
Давнишние слова и имена,
То бурные, как рокот океана,
То тихие, как нежная струна.

Я вижу день.
Он радостен и светел.
Я чувствую лесную тишину.
И почки набухающие ветел,
И первую бурливую весну.

Не шелестят ни флаги, ни знамена,
От песен не хмелеет голова...
Не улицы, а лес темно-зеленый
Скрывает непривычные слова.

Ах, солнышко.
Оно лучами хлещет.
Оно со мной — в бунтующем огне...
Я слышу: речью радостною плещет
Оратор на обуглившемся пне.

Я вижу: кто-то к солнышку приподнял
Веселый развевающийся флаг
И кто-то громко крикнул:
— Не сегодня,
НО ЭТО БУДЕТ ТАК!

Да, это так!
Да, это так!..
И слово и винтовка
С тех пор — моя любимая родня...
В лесной полянке — тайная маевка
Родила миру нового меня.

Под пулями сильно штыка решенье,
Окопные минуты горячи...
В зеленый май
Железное крещенье
Я с красными полками получил...

И вот затихли пушечные грозы.
Я в гуще неуемного труда.
Кричали беспокойно паровозы,
И лес везли на стройку поезда.

И ветер шелестел в вершинах сосен,
И ветру было тоже не до сна...
И лучшей из моих зеленых весен
Была моя
Рабочая весна.

1925

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Н. Д. Ковригиной

I

Мне снова и снова немыслимо снятся
Холодные звезды голодных ночей.
Век молодой — ему восемнадцать,
Конь молодой — костра горячей.
Лесные разведки, за бандой погони,
Тайга, откликаясь на выстрелы, стонет...
И дырки в папахе,
И наше — «Даешь!»,
И —
«Врешь, растреклятый, от нас не уйдешь!..»
Вокруг полушубка патронная лента,
Винтовочный ствол, от мороза мохнатый.
И жалобный вопль беляка-интервента:
В своей же крови захлебнулся, сопатый!

Лежи уж, бандюга, тебя мы не звали...
А север раскалывал хвойные дали,
А звезды сияли
Наточенней стали...
Костер на привале.
Кони устали.
В кармане — крупинки последней махорки,
Да спички, да черствого хлеба полкорки,
Да тонкая книжица политотдела...
— Вперед, комсомол, за рабочее дело!
— А веку, ребята, всего восемнадцать!
— А нашей сестренке?
— А ей — за семнадцать...
— А Якову Блоху семнадцати нет...
— Семнадцати нет — для бойца не ответ!
— А жизнь-то, ребята...
— Ужасно богата!
— А хлеба, ребята...
— Четверка на брата!..
— Вперед за коммуну!..
— По коням!
— Ура-а-а!..

2

И ветер развеял золу от костра.

3

И вот на деревьях, еще полуголых,
Отметины пуль затянуло живицей,
И вот на голодной скамье совпартшколы
Открылись великих дерзаний страницы.
В ученье,
и в спорах,
и в помыслах юных
Мы плыли на берег всемирной коммуны.
— А жизнь-то, ребята...
— Ужасно богата!
— А хлеба, ребята...
— Четверка на брата!
— Хотя бы полфунта и чуточку щей...
— А нытиков, братцы, пора бы взашей!

— Кто нытик?
— Ты — нытик!
— Не нытик, а критик,
К тому же трезвейший во всем аналитик.
Отец мой был кантором...
— Кантор, а сдох!
— Ты что-то не то, уважаемый Блох!

Да, были у Якова язвы сомненья,
Но были к тому же четыре раненья,
И пусть в голове у него «не того»,
Мы все же, ребята, любили его.

«Ни пуль, ни мороза, друзья, не боюсь,
Вступаю в ряды, за винтовку берусь!..»
Но не от пуль
И не от мороза —
Умер наш Яков от туберкулеза,
Умер задиристый, звонкий, веселый,
Не кончив ни спора,
Ни совпартшколы.

4

...Все чаще и чаще немыслимо снится
Базар и нэпач, как луна, круглолицый,
И ситный духмяный,
И дыни в развале...
А мы учились,
А мы голодали.
Порой заплетались усталые ноги...
— А Надька, ребята, пошла в педагоги!
— Да ну?
— Вот и ну! Показала билет:
Пе-да-го-ги-чес-кий факультет.
— Во!
Да, ситный духмяный и дыни в развале...
А мы учились и голодали.
— Вперед за коммуну!
— Даешь коммунизм!
— Учись и в работе не гнись, коммунист!..

5

Мне снится берез белоствольная чаща,
И листья годов облетают, шурша...
Наденька, Надя,
А юность-то наша,
Ей-богу, была хороша!

1958

БАЛЛАДА О МЕЧЕ

(Быль)

Был у России старый герб —
Орел когтистый и зловещий;
Над сонью изб, над синью верб
Чернели эти когти — клещи.
И вот, когда пора пришла,
И с Зимнего,
И с башни Спасской
Мы сбросили того орла,
Простясь с гербом России царской.

Зовет друзей Ильич и слово
К ним держит:
— А у нас — изъян:
Нам нужен герб России новой —
Страны рабочих и крестьян!..

Вот дан художнику наказ:
Нарисовать к таким-то срокам
Проект герба:
И чтоб высоким
И был бы светлым герб у нас.
И белый ватмана кусок
Был разрисован в нужный срок;
Художник Ленину творенье
Свое
несет на утвержденье.
Герба рисунок — как литой,
Как росы — свеж, как утро — молод:
Среди колосьев — серп и молот
И —
меч с насечкой золотой!

Берет рисунок осторожно
Ильич,
на стол кладет его;
Свое скрывая торжество,
Слов одобренья ждет художник.
Ильич рисунок так и сяк
Рассматривает соразмерно,
Подносит к лампе:
— Так, так, так!
Идея выражена верно.
Но — это что? Зачем вот это? —
Ильич промолвил не спеша,
И острие меча задето
Вмиг острием карандаша.
Ну, серп, ну, молот. И колосья...
Понятен замысел и прост.
Но меч зачем? Сюда он врос,
Что камень в прозелень покосья.
О камень, надо понимать,
И косу можно обломать!

Художник бледен: «Вот позор!..»
Вступает Свердлов в разговор:
— Великолепный герб, красивый,
И серп, и молот — нам слуга,
А меч — так это тоже символ:
Мол, мы страшны своим врагам,
Мол, мы сильны, дерзаем, смеем,
Имеем и военный дар,
И отразить всегда сумеем
Мечом зловражеский удар...
— Благодарю за разъясненье! —
Ильич смеется.
И — всерьез:
— Насчет врагов — другой вопрос,
Но меч тут лишний, тем не менее.
Да, батенька, идет война:
Белогвардейщина, Антанта...
Но ведь когда-нибудь да встанет
На рельсы мирные страна?
И если, в сущности, в детали
Чуть вникнуть — меч тут ни при чем:
Ведь государство мы создали
Не для бряцания мечом?

Расстроен намертво художник,
Он голос робкий подает:
— Да, вы правы... На то похоже —
Мой герб не тот, совсем не тот!
— Нет, почему же? Герб оставим.
Но это... Пусть глаза не ест! —
И на мече Ильич поставил
Карандашом солидный крест!

* * *

Да, по России шла война,
Война на юге, на востоке,
В тифу, в дыму, в боях жестоких
Рождалась новая страна.
Дымились кровью наши реки,
Был страшен бранной стали звон,
Но Ильичем в те дни навеки
Был мирный герб наш утвержден!

1960

МОИ ОКТЯБРИ

(Отрывки)

I

Был взлет ее яростно светел;
В знаменах, в порыве, в огне.
А я Революцию встретил
Мальчишкой в лесной стороне.

Был где-то Октябрь разузорен
Матросскою бравой братвой:
Шла битва, и выстрел Аврорин
Сигнально гремел над Невой.

Не звоном глухим колокольным,
А лязгом стальных якорей
Рождалась в бушующем Смольном
Эпоха моих Октябрей.

Там своды гудели бедово,
Кипели — и ярость, и страсть;
Там Ленина дерзкое слово
Открыло Советскую власть!

2

Мальчишки, мальчишки, мальчишки,
В труде утопив озорство,
Мы знали о всем понаслышке
(Не знали, верней, ничего!).

Небесная хмарь навесная
На землю угрюмо легла.
И станция наша лесная,
Казалось, спокойно спала.

Тянуло метелью с болота,
Твердел на речушке ледок...
Будил нас и звал на работу
Охрипший деповский гудок.

А только в рабочих казармах
Все было — и так, да не так.
И нет на перроне жандарма,
И красный полощется флаг.

Чугунки петляющий желоб.
Подъем. Переезд. Поворот...
И вот он — голодный, тяжелый,
Как смерть — восемнадцатый год.

3

Пылают кроваво закаты,
Составы на север идут...
Солдаты, солдаты, солдаты
В теплушках «Варяга» поют.

Лесов пулеметная лента
На дальней каемке зари.
В Архангельск пришли интервенты,
Чтоб наши убить Октябри.

Забыты кронциркуль и книжки.
Вперед — в огневой горизонт! —
Деповские наши мальчишки
С отцами рванули на фронт.

Летели седые метели,
Гремели лесные края.
И падали старые ели,
И падали наши друзья.

Все было: и смерти мгновенья,
И ярость святая в груди,
И холод, и голод, и рвенье,
И радость побед впереди.

В двадцатом — промчались по чащам!
Повержен навязчивый враг!
Пылал над Архангельском нашим
Багряный, как зарево, флаг!

4

Гудки паровозные глухо
Ложились на мерзлую гать.
Врагов мы сломили. С разрухой
Нас Ленин позвал воевать.

А время экспрессами мчится,
Быстрей и быстрей, что ни час...
— Учиться, мальчишки, учиться! —
Мы партии слышим наказ.

Учились, страдая и строя,
С отцами в строительство шли,
И первые тракторострои
Украсили лоно земли.

Мужали мальчишки упрямо
С огнем комсомольским в груди.
За нашими Октябрями
Весь мир неотступно следил...

1967

Алексей
Недогонов

(1914—1948)

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Черная судьба моих отцов
прямо начииается от бога.
По путям разбужеиных ветров
ты ушла, слепа и босонога,
от любви,
от жизии,
от людей
в тяжкие потемки — без возврата —
праведным иосителем идей
рыжего Никиты Пустосвята.
Это все — трагедия твоя.
И, живя за склоиами Урала,
ты слагала песни про края,
где твоя весна не умирала.
Кто она? Кому она сродии?

...Воды протекли.
Встают в тумане
желтые сивушиые огии.
Песии о Степаие-атамане.
Заговоры.
Лобные места.
Царские парады.
Эшафоты.
Золото свящеииого креста
и орлов недвижные полеты.
Так тумаи сгущается,
и в нем,
растеряв пути свои косые,
подвигами,
войиами,
огием
бредит деревяииая Россия.
Но в ответ из вытравленной мглы
только вой полуночного волка...

— Где твои двуглавые орлы?
— Где твоя тупая треуголка?

...Осень.
(И ленинская рука —
над башней броневика!)

Снова воды утекли в моря;
и передо мною, увядая,
встала родословная моя —
стреляная,
битая,
худая,
бородой поросшая,
в дыму,
вышла на дорогу — на прямую...

Что от родословной я приму?
Что для светлой радости приму я?

Я приму лишь только цвет крови,
только силу,
только звезды мира.
— Ты меня на битву позови, —
это будет именно для мира.
Я возьму товарищей,
свинца,
хлеба фунт
и песенку поэта.
У моих товарищей сердца —
из железа,
радости и света.
Мы возьмем свое наверняка!
Мы пройдем
с большим огнем заряда
по путям последнего парада!

Дайте башню для броневика!
Возникайте, бури,
если надо!

1934

ВОСПОМИНАНИЕ

Матери посвящаю

Я помню двадцатые годы:
станица,
за садом — река;
ее беспокойные воды
багровыми были слегка.

Тогда от Раздор до Ростова
летучие банды Краснова,
как хищные птицы, несли
и страх и погибель земли.

Но брат мой ушел к партизанам,
а через неделю всего
дороги покрылись туманом —
красновцы поймали его.

Летучие хищные птицы,
в долине оставшись одни,
на пятой версте от станицы
его расстреляли они...

И я вспоминаю ночного
осокоря скрип на ветру,
за окнами злого, степного,
летящего снега игру.

И синюю дымку рассвета,
и брата, что умер в бою...
То было когда-то и где-то,
у детства на самом краю.

1939

ЗАВЕЩАНИЕ

(Отрывок)

...Бьют копыта времен!
И путями сердцебиенья,
Площадями Восстаний
проходит Мое Поколенье,

потрясая богов
тишиною и бурей земною.
Пепел трех поколений
летит и звенит надо мною,
над водою морей,
над людьми,
над сырыми полями.
Пепел трех поколений
летит мировыми путями.

...Может, песни забудутся.
Но следы Моего Человека
будут ясно видны
под звездой двадцать пятого века.

Это будет в стране
не забытого мною потомка.
...Он найдет мой скелет.
Поразмыслит.
И скажет негромко
после опытов длинных,
познавши строенье скелета,
что широкую кость
только можно найти у поэта.
И прибавит,
взглянувши на череп
холодного цвета,
что глаза мои были
глазами большого поэта.

Ну, так что ж еще надо мне?

В середине двадцатого века
бьют копыта времен
над судьбой Моего Человека!

1935

ЗНАМЯ

— Быть беде!
— Подыматься бурям! —
восклицают дворцы. И вот
время пыток,

нагаек,
тюрем
по России, хрипя, идет.
— Быть беде! — восклицают боги.
— Быть беде! — повторяют дни.
И встает посреди дороги
песня:
«Боже, царя храни...»

Но прямым перекором ночи,
у империи на краю,
слышно:
сормовские рабочие
поднимают песню свою,
и летит она неустанно
сквозь казацких застав редут,
песню ту
подхватив, иваново-
вознесенские ткачи поют.

И летит она, молодая,
божьим пениям вопреки,
вдоль ночей,
по степям Валдая,
на донецкие рудники,
на московские баррикады,
на огонь боевых знамен...
Нам сегодня припомнить надо
славу
павших в бою имен.

— Встаньте, наши отцы!
Пред вами,
сочетая железный ряд,
с обнаженными головами
на ветру
сыновья стоят.
Встаньте, наши отцы!
Над вами,
чуть касаяся, на весу,
под неслышными облаками,
эскадрилья
гремит
вовсю.

Вы лежите, отдавши силы
во бессмертие всех боев.
Вашу почесть хранят могилы,
горем полные до краев.

Это вы
через все облавы
сонных сумерек
пронесли
знаменитое знамя славы
на равнины большой земли.

Мы его
к городским заставам,
колыхая, несем в руках
по московской весне,
по травам,
закипающим на дождях.
Так на всех площадях столицы,
проплываючи без конца,
первомайские бьют зарницы,
брызжет солнце,
поют сердца!

1940

Егор Нечаев

(1859—1925)

СВОБОДА

После грозного ненастья,
После скорби долгих лет —
Полный братского участья,
Неизведанного счастья,
Засиял свободы свет.

Стихли ропот, голос стона,
Гнев молчание хранит.
У поверженного трона
Драгоценная корона
Смятым чепчиком лежит.

Потряслися тюрем своды,
Двери сорваны с петлей,
Где поборники свободы
Выносили стойко годы
Пытки диких палачей.

Льются радостные звуки,
Не смолкая, там и тут.
Это дети слез и муки
В отворенный храм науки
Беспрепятственно идут.

Всех зовет их светоч знанья
С лаской матери родной;
Всюду праздник, ликованье.
Краше нет переживанья
Дней свободы дорогой!

1918 или 1919

ПРИВЕТ 7 НОЯБРЯ 1919 ГОДА

Века в оковах и плену
Посредством виселиц и стали
Владыки грозные держали
Порабощенную страну —

Детей труда и нищеты,
Гася в них мысли и мечты.

Но этот дар не потушить
Ни лютой казнью, ни тюрьмою,
Ни замуравленной стеною.
Они должны и будут жить,

Шумя потоком вешних вод,
Зовя всех страждущих вперед!

И, слившись в бурный океан,
За скорбь, обиды и гоненья
Рабы восстали для отмщенья,
Сметая все, как ураган.

И разом дрогнул старый мир,
Разбит насильников кумир.

Дыханьем радостным весны
На счастье русского народа
Пришла желанная свобода,
Воскресли рыцари-сыны.

Забыты скорбь и рабский страх,
Вся власть и право в их руках.

Пусть враг еще не сокрушен,
Он львицей раненою рыщет,
Предателей отчизны ищет,—
Но звон червонцев не силен.

И тает медленно их стан,
Как в утро раннее туман...

Еще нажим, еще напор
Несокрушимой рати властной —
День воли, радостный и ясный,
Безгранный мировой простор

Зальет потоками лучей
На благо вечное людей!

7 ноября 1919

Сергей Обрадович

(1892—1956)

* * *

Октябрьский ветер стонет глухо
Над перекрестками дорог,
Бредет ворчливою старухой,
Усталым шагом дряхлых ног.

Рукой морщинистою шарит
В шершавой заросли кустов
И в околдованном угаре
Рвет с воем телефонный столб...

Раскачивает ставень сбитый,
И с хохотом стучит в окно,
И с дикой злобой гложет плиты
В ночь настороженной Страстной.

И суетливо шепчет в уши
Красногвардейцу на углу:
— Товарищ!.. Слушай, чутко слушай
Вокруг глухую, злую мглу...

1919

ОКТЯБРЬ

Это ты, синеблузый, миллионноголовый!..
От стен седеющего Кремля
Под грузной поступью тяжелой
Закачалася земля...
И, забыв о молитвах и книгах Будды,
Магомета, Христа и прочих,
Вслушиваются страны в ураганные гуды
России рабочей.

И рыщет по дорогам Европы,
Не смыкая в огне воспаленных вежд,
Голодный миллиардоротый Ропот,
И бьется в городах громоголосый Мятеж...

Знаю; задыхается сердце Венгрии стоном,
Знаю: когтистой окровавленной лапой
Смят, сдавлен порыв Неаполя,—
Но вздрогнул трон золотого Дракона!

Но всюду, в судорожно извивающихся пожарах,
В дыму Нью-Йорка, Токио, Парижа,
На лондонских туманных тротуарах,
На древнеримской мостовой —
Октябрь, взор пламенеет твой!..
И мускулы и блуза к блузе ближе...

1920

СДВИГ

Сдвиг просветленный славя,
Душа не приемлет покоя.

В. Александровский

Это мы, это мы вскинем
Сегодня Грядущему мост!..
Солнце в бездонности синей —
Наш пылающий мозг...

К нам, к станкам, аппаратам!..
Партия мозолистых рук,
Слышишь: верным братом
Отзывается Запад и Юг.

Там, где под бег олений
Северные огни цветут,
О Коммуне, о Марксе, о Ленине
Заговорил якут.

И китаец к плечам Урала
Взором раскосым приник:
Интернационала
Поступь завидел старик.

В Америке, Англии, Франции,
В мире звучит о труде
Аппаратами радиостанций
Марсельеза наших сердец.

Бросим зовы в ток Эдисона:
И Австралии в огне гореть,
Африка знойно-сонная
Впишет в знамена «Со-Ре»...

«Сдвиг просветленный славя»,
Старое рушь и жги!
Все низвергающей лавой
В мире наши шаги.

1920

ИЗ ПОЭМЫ «РОССИЯ»

X

В язвах, в тифу, в холере —
Тысяча сотый день...
Но чем же, чем измерить
Пройденных высот ступень?!.

Мускулы голод гложет,
Сердце на знойном костре...
Но первым камнем заложено
Грядущее в Октябре...

Сравнивайте и мостите
Пропасти наций и рас!
Евангелие старых истин
Срывайте с прозревших глаз!..

Сердце кричать не устанет,
Ураганами не задушить
Ползающий крик восстаний
И взлет окрыленной души.

Сердцем Интернационала — Кремль,
Красным исходом — Москва.
Как в море, в мире не дремлет
России Девятый Вал...

Октябрь 1920 — август 1921

Петр Орешин

(1887—1938)

* * *

Вспыхнуло вешнее пламя,
Степи да небо кругом.
Воля, не ты ли над нами
Машешь высоким крылом?

Шире лесные просторы,
Ярче просторы земли.
Новые речи и споры
В поле жнецы повели.

Хижина светом объята,
Радость, как брага, хмельна.
Ходит по розовым хатам
Новая сказка — весна.

Стану сейчас на колени.
— Вольная, слава тебе!
Светлые вешние тени
Ходят по новой избе.

1917

УРОЖАЙ

Рожь шумит высоким лесом,
Нынче весело полям.
Солнце красное воскресло,
И идет, и светит нам.

Утро синью напоило
Наш ржаной медовый край.
— Выходи, ржаная сила,
Жать богатый урожай!

Синь — косой раздайся шире,
Сытой грудью развериись.
Мы ие даром в этом мире
Спелой рожью подиялись.

Не поймать седому долу
Песию красиую в полон.
Нива колосом тяжелым
Бьет косцу земной поклон.

Завтра рожь под дружным взмахом
Ляжет в длинные ряды,
И придется сытым птахам
На иочлег лететь в скирды.

Рожь вскипела, зазвоиила,
Взволновала сытый край.
— Выходи, ржаная сила,
Жать богатый урожай!

1918

ДАЕШЬ КОЛЛЕК

Борис
Пастернак

(1890—1960)

КРЕМЛЬ В БУРАН КОНЦА 1918 ГОДА

Как брошенный с пути снегам
Последней станцией в развалинах,
Как полем в полночь, в свист и гам,
Бредущий через силу в валяных,

Как пред концом в упадке сил
С тоски взывающий к метелице,
Чтоб вихрь души не угасил,
К поре, как тьмою все застелется.

Как схваченный за обшлага
Хохочущею вьюгой нарочный,
Ловящий кисти башлыка,
Здоровающейся в наручнях.

А иногда! — А иногда,
Как пригнанный канатом накороть
Корабль, с гуденьем, прочь к грядам
Срывающийся чудом с якоря,

Последней ночью, несравним
Ни с чем, какой-то странный, пенный весь,
Он, Кремль, в оснастке стольких зим,
На нынешней срывает ненависть.

И грандиозный, весь в былом,
Как визьонера дивинация [1],
Несется, грозный, напролом,
Сквозь неистекший в девятнадцатый.

Под сумерки тебе в окно
Он всею медью звонниц ломится.
Боится, видно,— год мелькнет,—
Упустит и не познакомится.

---

[1] Визьонер — человек, у которого бывают дивинации, то есть видения.

Остаток дней, остаток вьюг,
Сужденных башням в восемнадцатом,
Бушует, прядает вокруг,
Видать — не наигралась насыто.

За морем этих непогод
Предвижу, как меня, разбитого,
Ненаступивший этот год
Возьмется сызнова воспитывать.

1922

ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ

(Отрывок)

...Чем мне закончить мой отрывок?
Я помню говорок его
Пронзил мне искрами загривок,
Как шорох молньи шаровой.
Все встали с мест, глазами втуне
Обшаривая крайний стол,
Как вдруг он вырос на трибуне,
И вырос раньше, чем вошел.
Он проскользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Как этот, в комнату без дыма
Грозы влетающий комок.

Тогда раздался гул оваций,
Как облегченье, как разряд
Ядра, не властного не рваться
В кольце поддержек и преград.
И он заговорил. Мы помним
И памятники павшим чтим.
Но я о мимолетном. Что в нем
В тот миг связалось с ним одним?

Он был как выпад на рапире.
Гонясь за высказанным вслед,
Он гнул свое, пиджак топыря
И пяля передки штиблет.

Слова могли быть о мазуте,
Но корпуса его изгиб
Дышал полетом голой сути,
Прорвавшей глупый слой лузги.
И эта голая картавость
Отчитывалась вслух во всем,
Что кровью былей начерталось:
Он был их звуковым лицом.
Когда он обращался к фактам,
Он знал, что, полоща им рот
Его голосовым экстрактом,
Сквозь них история орет.
И вот хоть и без панибратства,
Но и вольней, чем перед кем,
Всегда готовый к ним придраться,
Лишь с ней он был накоротке.
Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому — страной.

Я думал о происхожденье
Века связующих тягот.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

1923 (1928)

К ОКТЯБРЬСКОЙ ГОДОВЩИНЕ

(Отрывок)

3

...Густая слякоть клейковиной
Полощет улиц колею:
К виновному прилип невинный,
И день, и ночь, и даль в клею.

Ненастье настилает скаты,
Гремит железо пласт о пласт,
Свергает власти, рвет плакаты,
Натравливает класс на класс.

Костры. Пикеты. Мгла. Поэты
Уже печатают тюки
Стихов потомкам на пакеты
И нам под кету и пайки.

Тогда, как вечная случайность,
Подкрадывается зима
Под окна прачечных и чайных
И прячет хлеб по закромам.

Коротким днем, как коркой сыра,
Играют крысы на софе
И, протащив по всей квартире,
Укатывают за буфет.

На смену спорам оборонцев[1] —
Как север, ровный Совнарком,
Безбрежный снег и ночь, и солнце,
С утра глядящее сморчком.

Пониклый день, сырье и быдло,
Обидных выдач жалкий цикл,
По виду — жизнь для мотоциклов
И обданных повидлой игл.

Для галок и красногвардейцев,
Под черной кожи мокрый хром.
Какой еще заре зардеться
При взгляде на такой разгром?

На самом деле ж это — небо
Намыкавшейся всласть зимы,
По всем окопам и совдепам
За хлеб восставшей и за мир.

---

[1] Оборонцы — так называли сторонников оппортунистического течения в рядах II Интернационала в годы первой мировой войны. В России русскими оборонцами называли правых эсеров, меньшевиков и их союзников — все они выступали в поддержку лозунга Временного правительства о «защите отечества» и о «войне до победного конца». Большевики во главе с В. И. Лениным выступали против, за перерастание войны между народами в войну против угнетателей, за социалистическую революцию в интересах трудового народа.

На самом деле это где-то
Задетый ветром с моря рой
Горящих глаз Петросовета,
Вперенных в небывалый строй.

Да, это то, за что боролись.
У них в руках — метеорит.
И будь он даже пуст, как полюс,
Спасибо им, что он открыт.

Однажды мы гостили в сфере
Преданий. Нас перевели
На четверть круга против зверя.
Мы — первая любовь земли.

Ноябрь 1927

* * *

Ты рядом, даль социализма.
Ты скажешь — близь? Средь тесноты,
Во имя жизни, где сошлись мы,—
Переправляй, но только ты.

Ты куришься сквозь дым теорий,
Страна вне сплетен и клевет,
Как выход в свет и выход к морю,
И выход в Грузию из Млет[1].

Ты — край, где женщины в Путивле
Зегзицами[2] не плачут впредь,
И я всей правдой их счастливлю,
И ей не надо прочь смотреть.

Где дышат рядом эти обе,
А крючья страсти не скрипят
И не дают в остатке дроби
К беде родившихся ребят.

---

[1] Млеты — селение на Военно-Грузинской дороге, за Крестовым перевалом.

[2] Зегзица — кукушка (имеется в виду плач Ярославны из «Слова о полку Игореве»: «Полечу,— рече,— зегзицею по Дунаеве»).

Где я не получаю сдачи
Разменным бытом с бытия,
Но значу только то, что трачу,
А трачу все, что знаю я.

Где голос, посланный вдогонку
Необоримой новизне,
Весельем моего ребенка
Из будущего вторит мне.

1931

ПРАВДА

Чего бы вздорного кругом
Вражда ни говорила,
Ни в чем не меряйся с врагом,
Тебе он не мерило.

Ни с кем соперничества нет.
У нас не поединок.
Полмиру затмевает свет
Несметный вихрь песчинок.

Пусть тучи пыли до небес,
Ты высишься над прахом.
Вся суть твоя — противовес
Коричневым рубахам.

Ты взял над всякой спесью верх
С того большого часа,
Как истуканов ниспроверг
И вечностью запасся.

Пусть у врага винты, болты,
И медь, и алюминий.
Твоей великой правоты
Нет у него в помине.

8 октября 1941

1917 — 1942

Заколдованное число!
Ты со мной при любой перемене.
Ты свершило свой круг и пришло.
Я не верил в твое возвращенье.

Как тогда, четверть века назад,
На заре молодых вероятий,
Золотишь ты мой ранний закат
Светом тех же великих начатий.

Ты справляешь свое торжество,
И опять, двадцатипятилетье,
Для тебя мне не жаль ничего,
Как на памятном первом рассвете.

Мне не жалко незрелых работ,
И опять этим утром осенним
Я оцениваю твой приход
По готовности к свежим лишеньям.

Предо мною твоя правота.
Ты ни в чем предо мной не повинно,
И война с духом тьмы неспроста
Омрачает твою годовщину.

6 ноября 1942

Андрей
Платонов

(1899—1951)

ПУТЬ В ГОРЫ

Поля бурьяном зарастали,
И зверь по чащам ликовал.
И мы пришли — зубцами стали
Плуг рвы и степи запахал.

Живое солнце в красных жилах
Дробило землю на куски,
Отцы ворочались в могилах,
Колосья вспухли, как соски.

Мир раскаленный был враждебен,
Спала машина в недрах руд.
Но человек родился гневен —
Его путь в горы долог, крут.

1918—1921

* * *

Познаны нами тайны вселенной,
В душах тревога молчит.
Мы осушили небесные бездны,
Солнце слова говорит.

Полон восторга пламенный город —
Люди, машины, цветы...
Каждый сегодня богом быть может,
Солнце над каждым горит.

Медный гудок заревел над планетой,
Пространства, подъемы нас ждут.
В жизни бессмертной, как в песне неспетой,
Звезды звенят и поют.

Солнце мы завтра расплавим,
Выше его перекинем мосты.
Как песком, мы мирами играем,
Песню мы слышим тихой звезды.

1918—1921

СУДЬБА

В звездной безутешной смертной тишине
После ветра, после птицы мы родились на земле...
Чуть в неуловимой тихой вышине
Радуется-стонет песня на селе.

Вечность мы обнимем вечером рукою,
Девушку испуганную, утреннюю тень.
Выйдет солнце громкое над большой рекою,
Никогда не смеркнется наш великий день.

Музыка на празднике гибелью гремит:
Кинулись товарищи в улицы на бой.
Далеко, за гибелью, спасенье летит
С пополам разрубленной, конченой судьбой.

* * *

Мы пройдем тебя до края,
Небо, тайна голубая.
Мы любовь, мы — мысль вселенной,
Звезд зовущих странник пленный.

Мы идем в темницы тайные,
Там красавица печальная
Не дождется часа светлого,
Будто песнь, никем не спетая.

1918—1921

Николай Полетаев

(1889—1935)

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Знамен кровавых колыханье
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье
В холодных и косых лучах.

Рядов сплоченных шаг размерный,
И строгость бледно-серых лиц,
И в высоте неимоверной
Гудение железных птиц.

Не торжество, не ликованье,
Не смехом брызжущий восторг —
Во всем холодное сознанье,
Железный, непреложный долг.

1918

* * *

Горят все в золоте ручьи,
Бегут, гремят, звенят весною,
На кочках черные грачи
Кричат, ругаются с водою.

Уж в глубине дворов везде
Снег почернел, ослаб и тает;
Мальчишки, по пояс в воде,
Галдят, грачам не уступая;

Все льет, и хлещет, и горит
Неизъяснимыми огнями,
И все поет, все говорит,
Все полно голубыми днями.

Весна, вся в ярко-голубом,
На тонком на девичьем стане,
За оглушнтельным станком
Ткет ослепнтельные ткани.

Ой, как нграют, как снуют
Повсюду золотые ннтн,
Как хочется на вольный труд,
На солнце из подвала выйти.

Пусть жаром вешнего огня
Лучи пронизывают тело —
Как высь, как жнзнь кругом меня,
Как жизнь моя заголубела!

1920

ПОЛЕТЫ РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Я с детства рвался плавать в небе,
В недостижимой вышнне,
Но мысль зудящая о хлебе
Подтачивала крылья мне.
Бывало, стиснет сердце злоба,
Сомнет бессильная тоска —
И вдруг сорвутся крышкн гроба,
И гроб летнт за облака.
Я забывал нужду и горе,
Что слаб, заброшен, бос н гол,
И плавал, плавал на просторе
Средь голубых и ясных волн.
Со мною облака и звезды,
Во мне поют, звенят мнры...
Но редок, резок вольный воздух
Для жнтеля гнилой норы —
И я с звенящей звездной высн
На землю упадал стремглав,
И нудных календарных чнсел
Меня охватывала мгла.
Я зубы стнскивал до боли,
Когда навалнвалн груз,
А в ушн пела снней волей
Звездами крапленная грусть.
И вот теперь, когда пропеллер
Вдруг затрещнт над головой,

Я рад, как будто сам все сделал
«Своею собственной рукой».
Как будто сам приделал крылья,
Ввинтил винты, связал концы,
Чтоб вам без страха и усилья
Лететь на звездные венцы.
Летите выше, выше, люди,
На Марс, на Орион, на Льва —
Но чтоб дышали вольно груди,
Чтоб не кружилась голова.
Спознайтесь вы с наукой гордой,
Как спознавались с молотком,
И в вольном небе стойте твердо,
Как у себя за верстаком.

1923

* * *

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?

1924

Александр
Прокофьев

(1900—1971)

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Бери любую погоду из всех залежалых погод.
На обморок пуль и крови идет девятнадцатый год.
Земля — темнота преисподней, на небе — ни огонька,
У нас выпадали зубы с полуторного пайка.
Тогда миллионы шатались, словно пижона трость,
Ты в гроб пойдешь — не увидишь, что видеть нам довелось!
Я всякую чертовщину на памяти разотру,
У нас побелели волосы, бубновые на ветру.
Нам крышей служило небо, туманы с боков и мгла,
Мы пили такую воду, которая камень жгла.
Мы шли от предгорий к морю — нам вся страна отдана,
Мы ели сухую воблу, какую не ел сатана!
Из рук отпускали в руки окрашенный кровью стяг,
Мы столько хлебнули горя, что горе земли — пустяк!
И все-таки, все-таки, все-таки нас ветер не доконал.
Ты в гроб пойдешь и заплачешь, что жизни такой не знал!
Не верь ни единому слову, но каждое слово проверь,
На нас налетал ежечасно многоголовый зверь.
И всякая тля в долине на сердце вела обрез,
И это стало законом вечером, ночью и днем,
И мы поднимали снова винтовки наперевес,
И мы говорили: «Ладно, когда-нибудь отдохнем!»
Бери запоздалое слово и выпей его до дна,
Коль входит в историю славы — единственная страна.
Ты видишь — она открыла прекрасную яшму лугов,
Но ненависть ставь сначала, а после веди любовь!
Проверьте по документам, которые не солгут,—
Невиданные однолюбы в такое время живут.
Их вытянула эпоха, им жизнь и смерть отдана,
Возьми это верное слово и выпей его до дна!
Стучи в наше сердце, ненависть! Всяк ненависть ощетинь,

От нас шарахались волки, когда мертвецы почти
Тряслись по глухому снегу, отбив на смерть потроха.
Вот это я понимаю, а прочее — чепуха!
Враги прокричали: «Амба!» —
«Полундра!» — сказали мы,
И вот провели Эпоху среди черноземной тьмы.
Зеленые, синие, белые — всякому козырю
в масть,
Но мы отстояли, товарищ, нашу
Советскую власть.

1930

* * *

Потомкам пригодится. Не откинут
Свидетельство мое земле отцов
О том, что не было ранений в спину
У нас, прошедших бурей молодцов.
Мы, сыновья стремительной державы,
Искровянили многоверстный путь.
Мы — это фронт. И в трусости, пожалуй,
Нас явно невозможно упрекнуть!
Мы знали наше воинское дело,
И с твердостью, присущей нам одним,
Мы нагрузили сердце до предела
Великолепным мужеством своим.
Была зима. А снег валился талым.
Была зима — и не было зимы,—
Все потому, что досыта металлом
Расплавленным поили землю мы.
Как памятники, встанем над годами,
Как музыка — на всех земных путях...
Вот так боролись мы, и так страдали,
И так мы воевали за Октябрь!

1932

МАТРОС В ОКТЯБРЕ

Плещет лента голубая —
Балтики холодной весть.
Он идет, как подобает,
Весь в патронах, в бомбах весь!

Молодой и новый. Нате!
Так, до ленты молодой,
Он идет, и на гранате
Гордая его ладонь.

Справа маузер и слева,
И, победу в мир неся,
Пальцев страшная система
Врезалась в железо вся!

Все готово к нападенью,
К бою насмерть...
И углом
Он вторгается в Литейный.
На Литейном ходит гром.

И развернутою лавой
На отлогих берегах
Потрясенные, как слава,
Ходят молнии в венках!

Он вторгается, как мастер.
Лозунг выбран, словно щит:
«Именем Советской власти!» —
В этот грохот он кричит.

«Именем...»
И, прям и светел,
С бомбой падает в века.
Мир ломается.
И ветер
Давят два броневика.

1933

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Промчался день, и ночь упала,
И на земле зажглась звезда,
Вокруг «Авроры» закипала
Темно-свинцовая вода.

И кто-то вдруг ее разгладил,
И начался не за горой,
А здесь, в грозовом Петрограде,
Великой эры день второй.

И широко врывался в семьи,
В дома его могучий свет,
А чтоб штыки вонзились в землю —
О мире принят был декрет.

Потом летел он через горы,
За перевал, за перевал, —
Ведь тем же днем радист
с «Авроры»
Его — всем! всем! — передавал.

1959

ШЕЛ ОКТЯБРЬ

Шел октябрь. Небо тучами черными хмурил...
Лес раздел, обнажил, оставляя голье.
...Революция — ветер.
Революция — буря.
Революция — сердце мое!

Ты водила меня и друзей по лесам и завалам,
Страшной огненной бурей, метелью слепила и жгла.
И порой, Революция, нелегко мне бывало.
Да, бывало.
А ты, Революция, шла.
По болотам, трясинам.
Я не знаю, как выжил, как выжил,
По такому бесхлебью, безводью,
По такому огню, как в аду,
Я твое, Революция, имя
На дорогах мне памятных выжег,
И его я на мурманских сопках,
На карельском граните найду.
И у стен Ленинграда, на Севере дальнем, в Норвегах,
Возле стен Киркенеса, у фьордов, холмов или гор
Я видал, Революция, как ты шла под огнем
Впереди по глубокому снегу,
И тебе ледовитые горы везде открывали простор.

Это ты, как положено, воинской славой героям,
В неисчисленных битвах
И схватках с врагами
Мужала, росла,
Стяг багровый,
Горящий от моря до моря,
Это ты над полками несла,
Это ты над полками несла.

Начало 60-х гг.

Виссарион
Саянов

(1903—1959)

РОВЕСНИКАМ

Семнадцатилетние мальчики,
Вы запомнили пули и топот,
Те дороги, которые юность,
Как дружную песню, вели,
В полуночных разведках,
В перестрелках накопленный опыт.
И вечерние дали
Завещанной вьюгам земли.

Знаю, в Смольном тогда
Вы стояли в ночном карауле,
И Ильич, улыбаясь,
Встречал из-за Нарвской ребят.
Наша юность прошла,
Эти годы давно промелькнули,
Но они посейчас в нашем сердце
Немолчно гудят.

Вместе с нами росли
И деревья высокого сада.
Мы не знали тоски,
Но кипело волненье в крови...
Вечерами теснятся дожди,
На рассвете приходит прохлада.
Поколение наше,
Ты меня трубачом назови.

Барабанщиком ставь
В ряд большого пехотного строя.
Я учу тебя песням.
Выдай на руки нынче ж ружье,
Чтобы вместе с тобой
По равнинам грядущего боя
На октябрьской заре
Пробивалося сердце мое.

То — совсем поутру,
То — в двенадцать часов пополуночи,
Проходя по путям,
Под раскаты грохочущих труб,
Я опять узнаю
Тех, которые больше не юноши,—
Мужская упрямая складка
Легла возле губ.

Я их вновь узнаю
Среди сабель и пик эскадронов,
В тихом дне типографий
И в сумраке угольных шахт,
Прохожу торопясь,
Только за плечи запросто тронув,
Как в походном строю,
По команде равняя свой шаг.

Сразу буря берет нас
И снова выносит на берег
Пятилетки, труда
И заводских ударных бригад.
Поколение наше
Берет все барьеры Америк,
Сто дорог впереди,
Ни одной не осталось назад.

Но, ровесники бури,
Сыновья трудового народа,
Если грянет война
И в полях заклубится метель,
Мы готовы опять
К перестрелкам большого похода,
Мы начистим штыки
И привычно скатаем шинель.

1929

С ТОБОЙ

Над городом стыли метели,
Горели костры на углу,
Баяны рабочей артели
Будили вечернюю мглу.

Опять загудели моторы,—
Не так ли и в те-то года
Вздымалася слава, которой
Уже не забыть никогда.

Ты вспомнишь: туман спозаранку,
Огни запричаленных барж,
Заставы ведут Варшавянку —
Трехкратного мужества марш.

Ты вспомнишь знамена над Пресней,
Бастующих станций огни...
Опять захлебнулися песней
Твои пролетевшие дни.

Птенцы, что ходили с «Авроры»,
Когда подымался прибой,
В спаленные бурей просторы,—
Родимые братья с тобой.

Где берег лег узкой полоской,
Немало в дыму боевом
Парней с бескозыркой матросской,
С простым комсомольским значком.

Встает молодая эпоха.
Походная слава горда.
Опять под тальянку, под грохот
Идут ветровые года.

1925, 1937

ОКТЯБРЬ

...И снова этот город дымный,
Грохочущий в стихе моем,
Каким он был, когда над Зимним
Перекликался Октябрем.

Мы выросли в крутые годы,
Когда, стряхнувши груз невольный,
Сталелитейные заводы
Уже равнялися на Смольный.

Тогда качалася земля,
Покорна радио Кремля.

И помним: проходили рядом
В просторы трех материков
Красногвардейскне отряды
И эшелоны моряков.

Тогда сердца стучали звонче,
Дробился грохот батарей,
Но ветер был упорным кормчим
В распутьях северных морей.

Прожектора гляделн зорко,
За нимн шли на поводу
Полки, тонувшие в махорке,
В густом пороховом чаду.

Когда Германия взметнулась,
Штыкн взъерошились, как шерсть.
О, если бы такую юность
Еще однажды перенесть.

Но на сталелитейном нынче
Наш ветер ширится, звеня.
Он каждой гайкою привинчен
К заботе будничного дня.

И так же в полдень полноводный,
Охватывая города,
Октябрь! врезается сегодня
Твоя железная страда.

1925—1931

ЗА НАРВСКОЙ ЗАСТАВОЙ В ПЕРВЫЕ ДНИ ОКТЯБРЯ

Ночь исторической была,
Ее в веках гремела слава,
Она костры кой-где зажгла,
И сохранить чуть-чуть тепла
Решнла Нарвская застава.

Уж очень холодно сейчас.
Едва лишь выйдешь, ветер сразу
В балтийский холод тащит нас,
Не подчиняется приказу
Красногвардейский штаб в ночи,
Ненастной, темной и туманной.
Порой бегут вокруг лучи —
Фонарик вдруг зажгли карманный.

И все же нынче не найти
Тут красоты необычайной.
Обыкновенный медный чайник
Сюда решили занести,
Сюда, где дым пороховой,
Где караулы по уставу
Оберегают всю заставу
Вот этой ночью грозовой.
Топилась печь. Картошка что-то
Уж очень долго на огне
Варилась... Вдруг прошел в ворота
Ильич... И сразу в тишине
Оборвались слова большие
И смолк нежданно чей-то бас.
Ведь то, что скажешь, всей России
Отсюда слышно в этот час.

И все растерянно глядели,
А старенький мастеровой
Промолвил: «Мы поесть хотели,
Садись, Ильич, садись, родной.—
Смущенно почесал затылок.—
Уж ты не очень-то серчай,
Тут есть приходится без вилок,
Руками прямо забирай».

Ильич в ответ: «А ведь с рассвета
Ни крошки не было во рту,
А что без вилки, так ведь это
По-фронтовому...» На посту
Стоящие вдвоем у дома,
Волнуяся по-молодому,
Друг другу шепчут впопыхах:

«Обрадуются же в цехах,
Ведь председатель Совнаркома
Сегодня сам у нас в гостях!»

Поел Ильич. Недолги сборы.
Пора и в путь. Со стариком
Он, прерывая разговоры,
Простился просто и потом
Спросил: «А власть-то мы удержим?»

Старик, подумав, говорит:
«Ответить вам могу теперь же,
Тут дело просто обстоит:
Раз взяли власть по нашей воле,
Так надо будет отстоять».

Ильич прищурился. Доволен
Его словами. И опять
Машина быстрая сквозь ветер
Несется городом ночным.
«С такими можно жить на свете!
Раз взяли — значит, отстоим».

1957

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

...А в московском Кремле еще Ленин
В те дни
Совнаркома готовил декреты,
И приходят сегодня на память они,
Все теплом его сердца согреты.

Помню, «Правду» берешь и читаешь статью,
Что написана им накануне,
И мечтаешь о том, чтобы юность свою
Всю отдать безраздельно коммуне.

Эти грозные годы давно отошли,
Но свежи и мечты и утраты,
И записаны в летопись Русской земли
Величавые, светлые даты.

И, как верный свидетель тех лет грозовых,
Неприметный участник походов,
Я оставлю потомкам правдивый мой стих,
Оживут в нем двадцатые годы!

1955

РЕВОЛЮЦИЯ

Я — твой поэт, Революция,
Я — твой поэт навсегда,
Везде твои песни льются
И светит твоя звезда.

Я шел за тобой без страха
И честно тебе служил,
И мощь твоего размаха
Всем сердцем я полюбил.

Я — твой поэт, огнеликая
И вечно глядящая вдаль,
Простая в труде, великая,
Чье сердце тверже, чем сталь.

В мужестве необоримом
Никто не сравнится с тобой,
И годы проходят мимо,
Исчезая в мгле голубой.

Родина и Революция
Навеки в слове одном,
И песни о них поются
В любимом краю родном.

Ты строишь светлые зданья,
Ведешь миллионы в бой,
У народа одно призванье:
Всегда быть вместе с тобой.

Тебе я служу, любимая
И светлая, до конца,
Вовеки непобедимая,
Как твоих сыновей сердца.

1957

Михаил Светлов

(1903—1964)

ГРЕНАДА

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную,
О дальней земле,
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И, Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украйна,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь,—
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход подымался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слыхали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погодя
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

1926

ЛИРИЧЕСКИЙ УПРАВДЕЛ

Мы об руку с лаской жестокость встречаем:
Убийца спасает детей и животных,
Палач улыбается дома за чаем
И в жмурки с сынишкой играет охотно.

И даже поэты беседуют прозой,
Готовят зачеты, читают рассказы...
Лишь вы в кабинете насупились грозно,
Входящих улыбкой не встретив ни разу.

За осенью — стужа, за веснами — лето,
Проносятся праздники колоколами,
Таинственной жизнью в тиши кабинетов
Живут управляющие делами.

Для лета есть зонтик, зимою — калоши,
Надежная крыша — дожди не прольются...
Ах, если б вы знали, как много хороших
На складках поэзии есть резолюций!

Ведь каждая буква из стихотворенья
В любой резолюции сыщет подругу,
Но там, где начертано ваше решенье,
Там буквы рыдают, запрятавшись в угол...

Суровый товарищ, прошу вас — засмейтесь!
Я новую песню для вас пропою.
Улыбка недремлющим красноармейцем
Встает, охраняя поэму мою.

Устало проходит эпический полдень,
Лирический сумрак сгустился над нами.
Вы слышите? Песнями сумрак заполнен,
И конница снова звенит стременами.

Ах, это, поверьте, не отблеск камина —
Теплушечный дым над степями заплавал.
Пред нами встает боевая равнина
Огромною комнатой смерти и славы.

Артиллерийская ночь наготове,
Ждет, неприятеля подозревая...
Атака! Я снова тобой арестован,
Тебя вспоминая в теплушке трамвая.

Суровый товарищ! Солнце заходит,
Но наше еще не сияло как следует.
Прошу вас: засмейтесь, как прежде, бывало,
У дымных костров за веселой беседою.

На нас из потемок, даруя нам песни,
Страна боевая с надеждой глядела...
Страна боевая! Ты снова воскреснешь,
Когда засмеются твои управделы.

Ты снова воскреснешь, ты спросишь поэта:
«Готова ли песня твоя боевая?»
Я сразу ударю лирическим ветром,
Над башнями смеха улыбки взвивая.

1926

БОЕВАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ

Гуди над батальоном,
Знакомая пальба,
Труби над батальоном,
Десятая труба.
Опять передо мною
Огонь и свинец,
Весь мир передо мною,
Как Зимний дворец...
Время свершает
Десятый полет,—
К британскому флоту
«Аврора» плывет.
Скоро над миром
Запляшет картечь,
Двенадцатидюймовая
Наша речь.
Снова встал у пушки
Старый канонир.
Что ты будешь делать,
Старый мир?
Снова ли затрубишь
В боевой рог
Или покорно
Ляжешь у ног?
Лошадям не терпится
Перейти вброд
Новый, тяжелый
Одиннадцатый год.
Ну, а мне не терпится —
В боевом огне
Пролететь, как песня,
На лихом коне.
Я пока тихонько
Сижу и пою,

Я пока готовлю
Песню мою...
Гуди над батальоном,
Знакомая пальба,
Труби над батальоном,
Десятая труба!

Ноябрь 1927

ПЕСНЯ О КАХОВКЕ

Каховка, Каховка — родная винтовка...
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет...

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза...

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка наша жила...

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

1935

ПЕРВЫЙ КРАСНОГВАРДЕЕЦ

Я вижу снова, как и прежде,—
Над взбаламученной Невой
В старинной дедовской одежде
Стоит озябший часовой.

Стоит он, изредка зевая,
Он слишком ровно держит штык;
Стоит он, не подозревая,
Что он — не прост, что он — велик.

Стоит, а подрастают дети,
И смолк отгрохотавший бой...
Смотри-ка: сквозь сорокалетье
Несется спутник над тобой.

Россия выдержала бурю,
Перешагнула все огни!..
Дай, я у штаба подежурю,
Пойди немного отдохни!..

Идет студентка над Невою,
Застенчива, мила, проста,
Она моложе ровно вдвое
Красногвардейского поста.

Далекие красногвардейцы!
Мы с вами вроде старики...
Погрейся, дорогой, погрейся
У этой тлеющей строки!

Висит над нами мирозданье,
Посеребренное зимой...
Мы расстаемся. До свиданья!
Тебе — в легенду. Мне — домой.

1957

РОССИЯ

(Отрывок)

...А время над миром голодным
Неслось и неслось неспроста,—
В истории Прага и Лондон
Свои занимают места.

— Трудиться нельзя безвозмездно!
Спасайте бездомных ребят! —
Тревожно партийные съезды
Ударили в русский набат.

Как труден, Россия, как горек
Был путь исторический твой!..
Но вот я уже не историк,
А битвы участник живой.

Да! Я принимаю участье
В широких шеренгах бойцов,
Чтоб в новое здание счастья
Вселить наконец-то жильцов!

Недаром я молодость отдал,
Россия, за славу твою,
Мои комсомольские годы
Еще остаются в строю.

Полвека я прожил на свете,
Но к юности все же тянусь,
Хотя подрастающим детям
Уже патриархом кажусь.

Спокойные пенсионеры
О прошлом своем говорят,
А рядом идут пионеры,
Как сто Ломоносовых в ряд.

Они электричество знают,
Грядущее зрят наяву,
Пред ними с любовью склоняет
Природа седую главу.

Пред ними дубы вековые,
Как верные стражи в пути...
По мирным просторам России
Идти бы еще да идти!

Не то чтобы в славе и блеске
Другим поколеньям сверкать,
А где-нибудь на перелеске
Рязанской березою встать!

1952

СОВЕТСКИЕ СТАРИКИ

Ольге Берггольц

Ближе к следующему столетью,
Даже времени вопреки,
Все же ползаем по планете
Мы, советские старики.

Не застрявший в пути калека,
Не начала века старик,
А старик середины века,
Ох, бахвалиться он привык:

— Мы построили эти зданья,
Речка счастья от нас течет,
Отдыхающие страданья
Здесь живут на казенный счет.

Что сказали врачи — не важно!
Пусть здоровье беречь велят...
Старый мир! Берегись отважных
Нестареющих дьяволят!..

Тихий сумрак опочивален —
Он к рукам нас не приберет...
Но, признаться, весьма печален
Этих возрастов круговорот.

Нет! Мы жаловаться не станем,
Но любовь нам не машет вслед —
Уменьшаются с расстояньем
Все косынки ушедших лет.

И, прошедшее вспоминая
Все болезненней и острей,
Я не то что прошу, родная,
Я приказываю: не старей!

И, по-старчески живописен,
Завяжу я морщин жгуты,
Я надену десятки лысин,
Только будь молодою ты!

Неизменно мое решенье,
Громко времени повелю —
Не подвергнется разрушенью,
Что любил я и что люблю!

Ни нарочно, ни по ошибке,
Ни в начале и ни в конце
Не замерзнет ручей улыбки
На весеннем твоем лице!

Кровь нисколько не отступала,
Я с течением лет узнал
Утверждающее начало,
Отрицающее финал.

Как мы людям необходимы!
Как мы каждой душе близки!..
Мы с рождения непобедимы,
Мы — советские старики!

1960

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Молодежь! Ты мое начальство —
Уважаю тебя и боюсь.
Продолжаю с тобой встречаться,
Опасаюсь, что разлучусь.

А встречаться я не устану,
Я, где хочешь, везде найду
Путешествующих постоянно
Человека или звезду.

Дал я людям клятву на верность,
Пусть мне будет невмоготу.
Буду сердце нести, как термос,
Сохраняющий теплоту.

Пусть живу я вполне достойно,
Пусть довольна мною родня —
Мысль о том, что умру спокойно,
Почему-то страшит меня.

Я участвую в напряженье
Всей эпохи моей, когда
Разворачивается движенье
Справедливости и труда.

Всем родившимся дал я имя,
Соглашаются, мне близки,
Стать родителями моими
Все старушки и старики.

Жизнь поэта! Без передышки
Я все время провел с тобой.
Ты была при огромных вспышках
Тоже маленькою зарей.

1961

Илья Сельвинский

(1899—1968)

О, ЭТИ ДНИ

О, эти дни, о, эти дни
И тройка боевых коней!
Портянка нынче мой дневник,
Кой-как царапаю по ней.
Не выбираю больше слов,
И рифма прыгает стремглав,
Поэму бы на тыщу глав,
Ей-богу, правда — без ослов.
Тата-тара, тара-тата...
Я еду, еду, еду, е...
Какие зори — красота!
Го-го, лихие, фью! оэ!
Под перетопот лошадей
Подзванивает пулемет,
И в поле пахнет рыжий мед
Коммунистических идей.
Деревню отнесло назад,
Бабенка: «Господи Исусь...»
Петух поет, закрыв глаза,
Наверно, знает наизусть.

1918

УЛЯЛАЕВЩИНА

(Отрывок из эпопеи)

Рушился мир из «сакса» и «севра» [1].
День
    вставал
            мглист.

---

[1] «Сакс» и «севр» — сокращенные, обиходные названия дорогих сортов фарфора, характерного для обстановки богатейших домов дореволюционной России (саксонский — производившийся в Саксонии (Германия) и севрский — из Севра (Франция) — фарфор).

Уже погодка серая от севера
Сыпала красный октябрьский лист,
Уже агитаторы железной речью
Наспех расковывали цеха,
Уже миллионы вставали навстречу
Ленину и ЦК:

Забойщики, вагранщики, сверловщики, клепальщики,
Строгальщики, чеканщики, крепильцы, гвоздари,
Тихони да бедовые, старики да мальчики
Из Питера, Самары, Твери.

Тут вправду мятеж, как солнце, варили.
Здесь революцию звали на «ты»
И говорили, говорили, говорили
За все за годы своей немоты.
О чем? Все о том же: по пунктам, по главам
Декрет обсуждали до дыр.
Здесь каждое слово о самом главном:
«МИР И ЗЕМЛЯ!», «ЗЕМЛЯ И МИР!»

А тут уж ворочался с Мазура и Стохода[1]
По гарям овсов да вик
В волдырях,
обмотанных
верстами
похода,
Обглоданный вшами
фронтовик.
Он шел домой безо всякой оказии,
Сам сказал он себе: «Вольно!»
Хватит с него хохотать обезволенно
В до смерти веселящем газе,
Будет с него по ночам тихонько
Плакать в усы от писем,
Когда завздыхает в окопе гармоника,
Трупным мешая крысам.

---

[1] **Мазур и Стоход** — места в Западной Белоруссии, где проходила в конце первой мировой войны линия восточного фронта.

И грозиая дума в душе завелась,
И вот —
вопреки поповским заветам —
Гряиул безбожный лозунг:
«ВЛАСТЬ
СОВЕТАМ!»

Он шел домой. Он деревии разбудит.
Держися теперича, орлеиа казна!
Лучше ли станет? Кто его зна...
А только того, что было,— ие будет.
Так хлынь с фроитов, шинельное море,—
Эх-ма!

Все, кто мерзли, все, кто мерли,
Безвинные смертиики — тьмущая тьма!
Астрахаиь,
Тула,
Рязаиь,
Самара,
Старая Руза,
Красный Кут,
Слегка отдуваясь облачком пара,
Идут, идут, идут, идут...
Если бы весь этот пар от дыхаиья
Сжать горизоиту в тиски —
Встал бы туман человечьей тоски,
Солице одурмаия.
Если бы каждый солдатский вздох
Спустить на долы и воды —
От урагаиа бы мир оглох,
Согнулись громоотводы.
Если б из каждого нерва могли
Высечь по искре хотя бы —
Ахиуло бы изверженье Земли!
Так
и родился
Октябрь.
Как бочка, где бродят хмель и вода,
Вспучась от газов, взрывает обруч,
Россия во чреве растила удар,
Разнесший ее стародавиий образ.
И дедкой за репку по пеие по той
Айда!..— катится иа ширмах «Петрушка»:

Паук-протопоп,
Крича про потоп,
Мешок-буржуй на пушке,
Да в Крым, да в Кемь, да на Урал
На палочке генерал...
Эй, яблочко,
Куды ж ты котися?
К нам в ревком попадешь —
Не воротися.

1924

НАША БИОГРАФИЯ

Итак, хлыстом мои губы выстегай,
Цепью и крючьями вытащи крик.
Как всякий поэт, я — сердце статистики:
Толпоголос мой голый язык.

И се аз глаголю: не эпилепсийщиной,
Дыхом толпы душа взмятена.
Свистами сверстников зубы насыщены.
Что ж я за племя? Обдумайте нас.

Мы, когда монархии (помните?) бабахали,
Только-только подрастали, среди всяких «но»
И нервы наши без жиров и без сахара
Лущились сухоткой, обнажаясь, как нож.

Мы не знали отрочества, как у Чарской в книжках,—
Маленькие лобики морщили в чело,
И шли мы по школам в заплатанных штанишках,
Хромая от рубцов перештопанных чулок.

Так, по училищам, наливаясь желчью,
С траурными тенями в каждом ребре,
Плотно перло племя наших полчищ
С глухими голосами, будто волчий брех.

И, едва успев прослышать марксизм,
Лишенные классового костяка,
Мы рванулись в дым, по степям по сизым,
Стихийной верой своей истекать.

И если бы этой вере — наука
Взамен утопических корневищ,—
Мы знали бы свой политический угол,
И не жег бы совесть шелудивый свищ.

Но выли плакаты, трибуны и газеты,
Все что-то знали, все были тверды,
А мы глотали и то и это
И не умели заплатывать дыр.

Мы путались в тонких системах партий,
Мы шли за Лениным, Керенским, Махно,
Отчаивались, возвращались за парты,
Чтоб снова кипеть, если знамя взмахнет.

Не потому ль изрекатели «истин»
От кепок губкома до берлинских панам
Говорили о нас: «Авантюристы,
Революционная чернь. Шпана...»

Какими ж зубами удержать свою ругань?..
Как вам втемяшить, что в гражданский угар
Мы мыкались в поисках неведомого друга,
В одном направленье видя врага;

Что, диаграммой истории владея,
От пролетариата не уйти нам теперь
По возрасту, по пульсу, наконец,— по идеям,
По своей, наконец, социальной судьбе?

Товарищи! Кто же там! Стоящий на верфи...
Вдувающий в паровозы вой! —
Обдумайте нас, почините нам нервы
И наладьте в ход, как любой завод,

Чтоб и мы имели право любить свою республику
Кровью, всерьез, без фальши, без опер,
И выйти из желтого кадра пухленьких
Честных плательщиков в Доброхим и МОПР.

1921—1925

ПИСЬМО К ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МИРА

(Копии на французском, немецком, английском, итальянском и испанском языках)

(Фрагменты)

Друзья!
Наши с вами анкеты
начинаются одинаково:
1917-й год.

Вы не согласны, коллега?
Кой-кто появился раньше,
а многие позже?
Неверно!
Сей магнетический год
притянул былое и грядущее.

В этот год
(до него ли,
позднее ль)
очень немногие люди,
носящие гордый титул
«интеллигент»,
знали,
что стоят у огромной зари,
наблюдая рождение эры;
что дыханье орудий—
это не просто действие формулы,
составляющей порох,
а тяжкая одышка Земли,
вползающей на новую орбиту.

Этот год
луженым басищем
грянул
в ухо
каждому,
что он, этот самый каждый,
непременно обязан быть счастливым...

...Не знаю, как мыслите вы.
А мы у себя в России
мыслим действием,

мыслим
борьбой за жизнь миллионов,
и эта борьба постепенно станет
творчеством счастья...

...Коллега!
На нас надвигается,
как ледниковый период,
всепланетный убой.
Кто жаждет его, коллега?
Вы?
Я?
Мы?

Еще на земле дымятся
обугленные руины,
при взгляде одном на которые
вы слышите плач
и стон;
еще метаном и толом
смердят огромные воронки,
в которых, бог весть по какой причине,
трава не хочет расти,—
а вас одевают в рясу
походного капеллана,
чтобы служить мессу
богу одиночества.
Коллега!
Хватит ли духу
понять, что полчеловечества
ныне ушло в подполье,
а в командорском кресле расселась
с дымом в зубах
Бомба?

Бомба ездит в «линкольне»,
Бомба диктует декреты,
Бомба на Бомбе женится,
бомбы рождают бомбы,
бомбы играют в гольф,
бомбы пишут стихи
и даже, осклабясь цифрами кода,
сочиняют сентенции:

«Мужик туп,
Рабочий глуп,
Интеллигент беззуб».
Ах!

Как жить, не подавая голоса,
когда царит фальшивый глас,
и только нюхать гладиолусы,
утонченно прищурив глаз?
А я, брат, не попячусь в логово,
брезгливо бормоча: «Крысье...»
Мне для себя не нужно многого.
Мне для народа нужно в с е!

Поднять на всей планете
гнев пролетариата,
зажечь возмущением сердце
мирового крестьянства,
овеять пламенем душу
колониальных рабов —
вот святая задача
всякого человека,
носящего гордый титул —
«и н т е л л и г е н т».
Согласны?

А если нет, коллега,
сожгите свои дипломы
и можете с полным правом
писать в интимных письмах
«корова» через «ять».

На кой вам понадобились
ваши пятерки?

1960

ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ 7 НОЯБРЯ 1967 ГОДА

(Отрывок)

1

Уж наплакался я, наревелся —
Вся жизнь прошла предо мной.
Я помню, как через рельсы
Шли дезертиры зимой.
Если ж в поезде, то в «обратном»,
Пренебрегши подвигом ратным:
Состояние армии было
До боли невероятным.

Шли дезертиры без музыки,
Порохом путь пропах.
Я помню драные смушки,
Оставшиеся от папах;
Раненых помню на дрогах
(Эмблему тех страшных годин) —
Их расстреливал на дорогах
Приказ номер один [1].

И вот они на параде...
Но правдой не покриви:
Представь себе истины ради
Шинели в бурой крови.
Плетутся. Но вот что странно:
Винтовки-то все же при них!
Какая здесь дума застряла?
Что за лозунг в сердце проник?

2

За ними кровные братья:
Объятая дивной мечтой,
Движется Красная гвардия,
Одетая кто во что:

---

[1] Приказ Керенского.

Польты, ватники, шкуры,
Шляпы, кепки, шлыки;
Литейщики,
                    слесаря,
                              винокуры
Идут, навесив штыки.

Идут, А рядом тальянки
О счастье голосят бойко.
И я среди них на тачанке
Свищу над лихою тройкой.
Горло перехватило...
Юность моя, ты вот!

3

А трубы рокочут.
                              И с тыла
Конармия плывет.
Безусые, усталые,
Отцы да сыновья,
А лошади как статуи,
Копыта их мохнатые
Как трели соловья.
А лошади летучие,
Изящные, могучие,
У них гривы дремучие,
А груди что у льва.

4

Дальше Отечественная пошла.
Солдаты в железных шлемах...
Я от поэзии в ранге посла
Гремел среди них о нацистских шельмах.
(Видно, не зря, свою армию радуя,
Бил я врага стихом, как винтовкой,
Если Геббельс по радио
Мне пригрозил веревкой.)

Идут войска, раздувая стяг,
Идут войска, что брали рейхстаг,
Войска, что в муках безмерных
Взросли до легенды земного шара,
И вижу я средь них бессмертных
Зою,
    Матросова
            и Лаара.

. . . .

1967

Дмитрий Семёновский

(1894—1960)

ТОВАРИЩ

Весенним дыханьем, нежданно и ново,
Меж нами промчалось заветное слово,
Заветное имя одно:
«Товарищ!»
Как песня, звучит нам оно.

То песня во славу труда-миродержца,
То мост, переброшенный к сердцу от сердца,
То братьям от братьев привет.
«Товарищ!» —
Прекраснее имени нет.

Из темных подвалов, из глуби подполья
Помчалось оно на простор, на раздолья
Кипящих толпой площадей.
«Товарищ!» —
То новое имя людей.

Лучистее взгляды, смелее улыбки.
И кажется: майским сиянием зыбким
Вся жизнь озарилась до дна.
«Товарищ!» —
Мы — сила, мы — воля одна!

1917

ЗНАМЯ

Знамя алое цветет
Над кипучею толпой
И зовет ее вперед,
На великий грозный бой.

Это знамя создал ткач
И работница-швея,
Цвет его, как кровь, горяч
И искусна вязь шитья.

Ловки пальцы у швеи,
Взоры — звезды в синей мгле,
Пальцы тонкие свои
Предала она игле.

Низко гнула тонкий стан,
Вышивая вязь свою:
«Пролетарии всех стран,
Слейтесь в братскую семью!»

И когда ее игла,
Засверкав по кумачу,
В алом поле разожгла
Литер красную парчу,—

Знамя подняли мы, чтоб
Каждый труженик прочел,
Что народ похож на сноп
И на рой согласных пчел.

Знамя красное горит,
Пышет пламенным платком
И с народом говорит
Огнецветным языком.

1917

ЯРОСЛАВЛЬ

Скажи: Ярославль — и в груди загудит
Торжественный благовест медный.
Он девять столетий на Волгу глядит,
Дитя старины заповедной.

Не стерли века ни мечом, ни огнем
Тот город, взнесенный высоко,
И бархатным ропотом слава о нем
Плыла над Поволжьем далеко.

Но стоит веков восемнадцатый год:
Грозой потрясала осада
Окопы над Волгой, восстанья оплот,
С ним стены старинного града.

Осыпала звезды с лазоревых глав,
Над медью церквей провизжала,
Но, древнюю нашу красу расплескав,
О правде и счастье вещала.

И смута смирилась. Развеян мятеж,
Как пепел сожженной соломы.
Лишь раною светится каждая брешь,
Лишь язвами ноют проломы.

Я был на погосте размолотых стен,
В гробницах строений разбитых,
Я видел покорность захваченных в плен
И сон мертвецов незарытых.

Стоял над притихшей речной шириной,
Глядел в заревые туманы,
А Волга лизала кровавой волной
Изрытого берега раны.

1918 (1958)

ЛЕНИН

Зерно, в сырой земле почив,
Ростком из мрака прокололось,
И на просторе светлых нив
Зазолотился первый колос.

Он умер, вождь народных масс,
Людского горя враг суровый.
Но мысль его в умах у нас
Рождает всходы правды новой.

Придет пора всемирных жатв,
Пора обилия и света,
И под серпами задрожат
Колосья золотого лета.

1924

* * *

Стоит жить на белом свете —
Мир воистину хорош.
Синь ясна, подпасок-ветер
В перелески гонит рожь.

Залетит в кустарник частый,
В паутинный холодок,
И с березки голенастой
Рвет истрепанный платок.

Я шатаюсь у опушек,
Музу светлую зову,
С грустью слушаю кукушек
Заунывную молву.

Милы мне земные шири.
Стоит жить! И жить затем,
Чтобы счастье в этом мире,
Как весна, пришло ко всем.

1926

Вадим Стрельченко

(1912—1942)

РОДИНЕ

(Надпись на книге)

Трижды яблоки поспевали.
И, пока я искал слова,
Трижды жатву с полей собирали,
И четвертая всходит
Трава.

Но не только сапог каблуками
Я к земле прикасался.
И жил
Не с бумагами да пузырьками
Черных, синих и красных чернил!

Но, певец твой, я хлеба и крова
Добивался всегда не стихом,
И умру я в бою
Не от слова,
Материнским клянусь молоком.

Да пройду я веселым шагом,
Ненавистный лжецам и скрягам,
Славя яблоко над землей!

Тонкой красной материи флагом
Защищенный, как толстой стеной.

1935

ЧТОБЫ!

Чтоб воришка свои позабыл дороги,
Даже колоса в поле
Украсть не мог!
Чтоб лопата хозяина на дороге
Охраняла,
А не пес и замок!

Чтоб над вывесками, парусами, станками
Был работник славен в труде!
Ибо каменщик —
Это не только камень,
А рыбак —
Не только сети в воде.

Чтобы от базара, от клятвы лживой,
Мелких денег, схваченных без труда,—
Сор да крошки остались,
И торопливо
Унесли бы их птицы навсегда!

Чтобы монеты
Не знаком наживы ржавели,
А сияли орденами труда!

Чтобы, писком начатая в колыбели,
Стоном жизнь
Не кончалась никогда!

Чтоб делить —
Только зиме и лету
На державы землю! А если нет —
Расплывемся по небу,
Разбив планету
На множество маленьких злобных планет!

Вот зачем
Мы идем по земле, торжествуя,
Вот о чем трубит боевая медь.
...И на этой зеленой земле не могу я
Равнодушно, как нищий уличный, петь!

1935

СЛАВА

Славить будем всех,
на чьих гербах —
Ни орлов, ни филинов,
ни псов,—
Только колос,
срезанный в полях,

Только серп и молот
    их отцов!
Наберем пшеницы
    спелой горсть
И прославим
    пахаря труды!
Он прошел за плугом
    столько верст,
Что дошел бы
    даже до звезды!
Столько на земле
    собрал плодов,
Что не хватит
    на земле столов.
Над зерном не вейся,
    птичий свист!
Розы — пекарю,
    его труду.
Хлеб его
    да будет свеж и чист,
Как разрезанное
    яблоко в саду!
Эй, сапожнику
    желаем сил:
Сапоги такие
    пригони,
Чтобы путь
    меня не устрашил,
Чтоб лениво я
    не лег в тени!
Железнодорожник!
    Сколько стран
Ты прошел
    чрез горы и ручьи!
Так шагает
    только великан.
Подари мне
    сапоги свои!
Авиатор милый!
    Стало сном,
Что тебя ходить
    учила мать.
Что гонялся ты
    за мотыльком

И за птицей —
    и не мог догнать...
Музыкант!
    Вооружись трубой.
Легче бы
    давалась мне борьба,
Если б с детства
    пела надо мной
Уводящая вперед труба.
    Слесарю — румянец и любовь.
Пусть не ест
    его железа ржа,—
Чтобы враг
    порезал руки в кровь,
Тронув даже
    рукоять ножа!
Прославляю всех,
    на чьих гербах —
Ни орлов, ни воронов,
    ни львов,—
Только колос,
    срезанный в полях,
Серп и молот
    испокон веков!

1936

Александр Твардовский

(1910—1971)

СТРАНА МУРАВИЯ

(Отрывок из поэмы)

— Мой дед родной — Мирон Фролов —
Нас, молодых, бодрей.
Шестнадцать пережил попов
И четырех царей.

Мы, как подлесок, все под ним
Росли один перед другим.
И, приподнявшись от земли,
Все кланялись ему.
И шли в заводы, в шахты шли,
В солдаты и в тюрьму.

Шли, заполняли белый свет,—
Жить ни при чем в семье.
Брели,— и где нас только нет,
Фроловых, на земле!

Живут в Москве, и под Москвой,
В Сибири от годов.
Есть машинист, есть летчик свой,
Профессор есть Фролов.

Есть агроном, есть командир,
Писатель даже есть один.

И все — один перед другим,—
Хоть на меня смотри,—
Росли под дедом под своим,
В него — богатыри.

Шесть ран принес с гражданской я,
Шесть дырок, друг родной.
Когда б силенка не моя —
Хватило бы одной.

По всем законам — инвалид,
Не плуг бы мне — костыль...
А после здесь же был я бит,
Добро что богатырь.

Делил луга, взимал иалог
И землю нарезал,
И свято лииию берег,
Что Леиии указал.

Записки мне тогда под дверь
Подсовывал Грачев:
«Земли себе сажень отмерь
И доски заготовь».

Фроловы были силачи.
Грачевы были богачи.

Грачевы — в лавку торговать,
Фроловы — сваи забивать.
Грачевы — сало под замок,
Фроловы — зубы иа полок.

Мой враг до гроба и палач,
Вот в этот деиь и час,
Где ты иа свете, Степка Грач,
И весь твой подлый класс?

И в смертиый срок мой вспомню я,
Как в милости твоей
Просить ходила мать моя
Картошек для детей.

Как побирушкой робко шла
По дворне по твоей,
Полкан Иваиычем звала
Собаку у дверей...

Да я и ие про то теперь...
За землю мстил Грачев.
Земли, так и писал, отмерь
И доски заготовь.

Подстерегли меня они
В ночь под Успеньев день —
Грачевы, целый взвод родни
Из разных деревень.

Жилье далеко в стороне,
Ночь, ветки по глазам.
И только палочка при мне,—
Для сына вырезал.

И первый крикнул Степка Грач:
— Стой тут. И — руки вверх!
Не лезь в карман, не будь горяч —
Засох твой револьвер...

Сдавай бумаги, говорят,
Давай отчитывайся, брат!

Стою. А все они с дубьем,
Я против банды слаб.
Ну, шли б втроем, ну, вчетвером,
Ну, впятером хотя б...

Лощинка, лес стоит немой,
Тишь-тишина вокруг.
Кричать? — Кричать характер мой
Не позволяет, друг...

А тени сходятся тесней,
Минута настает.
И тех, которые пьяней,
Пускают наперед.

Троих я сбил. А сзади — раз!
И полетел картуз...
И только помню, как сейчас,
За голову держусь.

Лежу лицом в сырой траве,
И звон далекий в голове.

И Грач толкает сыновей:
— Скорей! Грех, господи... Скорей!..

Да, помню точно сквозь туман,
Прощался я: «Сынок!..
Прости, что палочку сломал,
Подарок не сберег.

Прощай, сынок. Расти большой.
Живи, сынок, учись,
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!..»

Потом с полночи до утра
Я полз домой, как мог.
От той лощинки до двора
Кровавый след волок.

К крыльцу отцовскому приполз,
И не забуду я,
Как старый наш фроловский пес
Залаял на меня!

Хочу позвать: — Валет! Валет!..
Не слушается рот.
Ты говоришь, на сколько лет
Такая жизнь пойдет?..
Так вот даю тебе ответ
Открытый и сердечный:
Сначала только на пять лет...
— А там?..
— А там — на десять лет.
— А там?..
— А там — на двадцать лет.
— А там?..
— А там — навечно...
— И это твердо, значит?
— Да.
— Навечно, значит?
— Навсегда...

Эй, друг родной, сказать любя,
Без толку носит черт тебя!..

Да я б на месте на твоем,
Товарищ Моргунок,—
Да отпусти меня райком —
Я б целый свет прошел пешком,
По всей Европе прямиком
Прополз бы я, проник тайком,
Без тропок и дорог.
И правду всю рабочий класс
С моих узнал бы слов:

Какая жизнь теперь у нас,
Как я живу, Фролов,
И где б не мог сказать речей,
Я стал бы песню петь:
«Душите, братья, палачей,
Довольно вам терпеть!»
И шел бы я, и делал я
Великие дела.
И эта проповедь моя
Людей бы в бой вела.
И если будет суждено
На баррикадах пасть,
В какой земле — мне все равно,—
За нашу б только власть.

И где б я, мертвый, ни лежал,
Товарищ Моргунок,
Родному сыну завещал:
Иди вперед, сынок.

Иди, сынок. Расти большой.
Живи, сынок, учись.
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!

1934—1936

МОЛОДОСТЬ

Вчера еще были и мы молодежь,
Да время торопит, не балуя.
Едва на четвертый десяток свернешь —
И сказано: годы немалые.

Но время для нас, для страны — времена,
Века из веков озаренные.
В четвертый десяток вступает страна,
Октябрьской бурей рожденная.

И мужества возраст ей впору как раз,—
Страницы тех лет перелистаны.
И старше она уже многих из нас,
Но всех нас моложе поистине.

Моложе. И будет моложе вовек
В своем недряхлеющем мужестве.
Так молод бывает всегда человек,
Который с грядущим в содружестве.

И молодость родины — дело и мысль,
Что Лениным нам заповеданы,
То шум городов, что при нас поднялись
На землях, до нас не разведанных.

То слава победная наших полков —
Нетленная родины молодость.
То зелень густая столетних дубов,
Пробившихся нынче из желудя.

То тяжкий бетон величавых плотин
На реках, надежно обузданный.
И молодость родины — ты, гражданин,
Работник, не знающий устали.

О родина, гордость и радость моя,
Бескрайны края твои мирные,
Но слава, но правая правда твоя —
Сегодня намного обширнее.

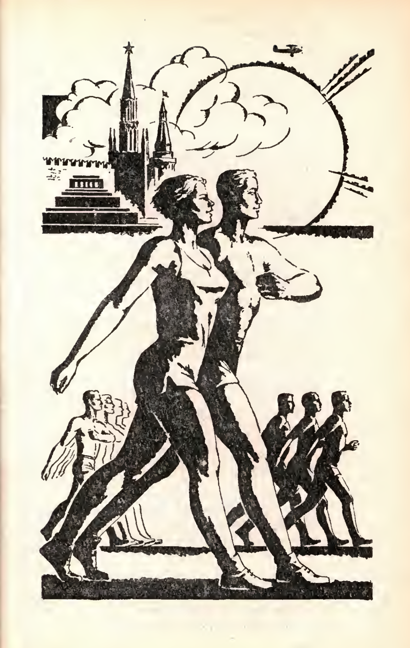
И встретить готовы любую напасть
Твой доблестный опыт и выучка.
Как славная в битвах гвардейская часть,
Ты шествуешь миру на выручку.

7 ноября 1948

ПАМЯТИ ЛЕНИНА

(Отрывок)

. . . .
Не тысяча лет миновала
С той памятной миру зимы,
Когда — от велика до мала —
Остались без Ленина мы;
Когда с ним столица прощалась
И каждое наше село.
Не тысяча лет насчиталась,
Но, может быть, больше прошло...
Я помню, в суровом молчанье,
С застывшею горечью лиц
Из школьного зданья сельчане
В тот вечер домой разошлись.
И вот уже дверь сторожиха
Тихонько впотьмах заперла.
И стало пустынно и тихо
В том классе, где сходка была;
Где я по погоде жестокой
Остался один на ночлег,
Тринадцатилетний, далекий
Теперь от меня человек —
В ушанке, в суконной поддевке,
Расчетливо сшитой на рост.
Но память об этой ночевке
Я через все годы пронес...
Синели в окошке сугробы
Под лунным морозным лучом.
И вот я как будто у гроба
Остался один с Ильичем.
И страшным ничто не казалось
Мне в эти часы одному,
Но острая горькая жалость
Меня охватила к нему.
Пусть в давнюю эту годину
Я был еще попросту мал.
Я книжки его ни единой
Еще и в руках не держал.
Я видел его на портрете,
Я слышал от старших о нем
Не больше, чем сверстники-дети
В краю захолустном моем.

Но помню, от горя слабея,
Я с чувством единственным лег,
Что я его больше жалею,
Чем кто бы то ни было мог.
И что при нужде неминучей,
Как смерть ни страшна самому,
Уж лучше бы мне эта участь,
Но только она б не ему.
И если такою заменой
Уже не вернуть ничего,
Тогда я хочу непременно
Погибнуть за дело его.
Я буду служить ему честно,
Я всю ему жизнь посвящу,
Хотя и не будет известно
О том никогда Ильичу.
С горячей и чистой любовью
Я клятву свою произнес.
И сумка моя в изголовье
Намокла от радостных слез.
И, к ней приникая устало,
Я так и уснул до утра.
Проснулся — уже рассветало,
Дрова принесли со двора.
А там свирепела погода,
Со стоном по улице шел
Январь незабвенного года...

В тот год я вступил в комсомол.

1948—1949

О ЮНОСТИ

Мы знаем грядущему цену
И знаем, что юность права
Не как молодая трава,
Что старой приходит на смену,
Чтоб так же отжить до зимы.

Нет, юность с другою задачей
В наш след заступает горячий,
В то дело, что начали мы,
К заветной направившись цели.

Давно ей на том же пути
За нами, но дальше идти,
Исполнить, что мы не успели,
И вспомнить, возможно, о нас

С вершины иных пятилеток —
О наших героях, поэтах,
Министрах — с улыбкой подчас.

Но пусть она, юность родная,
Поднявшись стремительно ввысь,
Не вздумает там занестись,
Отметки отцам выставляя.

Нет, пусть она в душу возьмет,
Что в славе ее безграничной
Мы все же повинны частично
И знали о ней наперед.

И знали о ней, и мечтали,
Когда еще были юнцы,
А ранее — наши отцы
Смотрели в те самые дали.

И, подвиг свершая один
За времени навесью дымной,
Без нас они брали свой Зимний,
А мы еще с ними — Берлин.

Ей, юности, также известно,
Что без нее для Земли
Урало-Кузбасс возвели,
А Волгу впрягаем совместно.

И пусть еще юность учтет,
Что следом за нею иная,
Грядущая юность идет,
Ее на работе сменяя,
Неся назначенье свое.

А нам — так и той не завидно,
А нам и ее уже видно —
И мы не старее ее.

1951

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

(Из поэмы)

* * *

За годом — год, за вехой — веха.
За полосою — полоса.
Нелегок путь.
Но ветер века —
Он в наши дует паруса.

Вступает правды власть святая
В свои могучие права,
Живет на свете, облетая
Материки и острова.

Она все подлинней и шире
В чреде земных надежд и гроз.
Мы — это мы сегодня в мире,
И в мире с нас
Не меньший спрос!

И высших нет для нас велений —
Одно начертано огнем:
В большом и малом быть, как Ленин,
Свой ясный разум видеть в нем.

С ним сердцу нечего страшиться,
И в нашей книге золотой
Нет ни одной такой страницы,
Ни строчки, даже запятой,
Чтоб нашу славу притемнила,
Чтоб заслонила нашу честь.

Да, все, что с нами было,—
Было!
А то, что есть,—
То с нами здесь!

И все от корки и до корки,
Что в книгу вписано вчера,
Все с нами — в силу поговорки
Насчет пера
И топора...

И правда дел — она на страже,
Ее никак не обойдешь,
Все налицо при ней — и даже
Когда молчанье — тоже ложь...

Кому другому, но поэту
Молчать потомки не дадут,
Его к суровому ответу
Особый вытребует суд.

Я не страшусь суда такого
И, может, жду его давно,
Пускай не мне еще то слово,
Что ёмче всех, сказать дано.

Мое — от сердца — не на ветер,
Оно в готовности любой:
Я жил, я был — за все на свете
Я отвечаю головой.
Нет выше долга, жарче страсти
Стоять на том
В труде любом!

Спасибо, Родина, за счастье
С тобою быть в пути твоем.
За новым трудным перевалом —
Вздохнуть
С тобою заодно.
И дальше в путь —
Большим иль малым —
Ах, самым малым —
Все равно!

Она моя — твоя победа,
Она моя — твоя печаль,
Как твой призыв:
Со мною следуй,
И обретай в пути,
И ведай
За далью — даль.
За далью — даль!

1950—1960

Николай Тихонов

(1896—1979)

ПРОЛЕТАРИЙ ГОВОРИТ

(Из поэмы)

...Дать человеку человечность,
Мечте — захват безумных крыл,
Вести из временного в вечность
И к небу, к небу — из могил.

Открыть все рынки и подвалы,
Все двери настежь: ешь и пей!
Ввести в разубранные залы
Убогой улицы детей.

Смотреть, смеяся тихим смехом,
Как полны счастья, как легки,
Как рады солнечным потехам
Их глаз святые васильки.

Нет моего. Всё ваше, ваше,
Кто вин изысканных знаток?
Другой их пил из вашей чаши,
Другого нежил пряный сок.

Зачем, дитя, ты в жалком черном?
Бери сверкание парчи.
Смотри, как ловко и узорно
В цветах здесь вытканы лучи.

О мать, ты потеряла сына,
Не плачь, здесь все твои сыны,
Они почтут твои седины
Своими песнями весны.

Старик, ты хмур — боишься ночи?
Зачем молчанье и тоска?
Я сам имею глаз пророчий,
Я сам старее старика.

Ты хмур, что пали эти храмы?
Ты зол,— дворцы в руках чужих?
Кто был согбен — тот ходит прямо,
Нет больше нищих и слепых.

Все чуда разом совершились,
Как все расплавились венцы,
За всех страдали, и молились,
И гибли деды и отцы...

Кто духом был отважней прочих,
Знал лишь могильные огни,
Всегда безжалостные ночи
И злом отравленные дни.

И саван мутного рассвета
С лица земного я сорвал,
И скорбь погасла, как комета,
И ужас пал и задрожал.

И властный голос окрыленно
На все края сказал: твори!
И дети подняли короны
В пыли смеющейся зари.

Усталых спины разогнулись,
Вздохнула солнцем красота,
И мне за это улыбнулись
Детей хрустальные уста!

1918

* * *

Огонь, веревка, пуля и топор,
Как слуги, кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.
Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,

Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

1921

* * *

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз приносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в перекличке!
Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным, сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

1921

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат,—
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан».

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой:

«Не все ли равно,— сказал он,— где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

1919—1922

САМИ

Мариэтте Шагинян

1

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеком.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет: спасибо.
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами,—
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом,—
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от году.

2

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра,
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою нету.

И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому,
И, чего не случалось ни разу,—
Мул не кормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.
Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
«Где ты был, павиан бесхвостый?» —
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
«Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше,—
Без дорог заблудился в долинах,—
Как котенок слепой на крыше».
«Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней.
Я властитель твой, обезьяна!»

4

«Тот, далекий, живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Ленни[1].
Он дает голодным корочку хлеба.
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом.
И совсем не дерется стеком.
Сами — из магратского рода,
Но свой род для него уронит:
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить ему пони.

[1] Так индийцы произносят имя Ленин.

И за службу даст ему Ленин
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной,—
Сами всех сагибов погубит».

5

«Где слыхал ты все это, несчастный?»
Усмехнулся Сами лукаво:
«Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.
У купцов весь мир на ладони:
Они знают все мысли судра,
И почем в Рохилькэнде кони,
И какой этот Ленин мудрый».—
«Уходи!» — сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,
И молился далекому Ленину,
Непонятному, как йоги,
Чтоб услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы,—
Даже птице быстрей зарницы,
И она б от дождей размокла.
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная сагибов телега.

7

Так далеко был этот Ленин,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами.
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра,

Вечер пролил на стан его черный
Благовонный полные ведра,
Будто снова он родился в Амритсаре —
И на этот раз человеком,—
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стеком.

1920

* * *

> «Когда возникнул мир цветущий
> Из равновесья диких сил...»
>
> *Баратынский*

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Осветить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут,—
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

1920

* * *

Длинный путь. Он много крови выпил.
О, как мы любили горячо —
В виселиц качающемся скрипе
И у стен с отбитым кирпичом.

Этого мы не расскажем детям,
Вырастут и сами все поймут,
Спросят нас, но губы не ответят
И глаза улыбки не найдут.

Показав им, как земля богата,
Кто-нибудь ответит им за нас:
«Дети мира, с вас не спросят платы,
Кровью все откуплено сполна».

1921

БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: «Коня!» —
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук.
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма, летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

Но не птица сердце коня, не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага — прыжок, и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал,

Он дышал, как дырявый мешок.
Вокзал сказал ему: «Хорошо».

«Хорошо»,— прошумел ему паровоз
И синий пакет на север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу, колесо к колесу.

Шестьдесят верст, семьдесят верст,
На семьдесят третьей — река и мост,

Динамит и бикфордов шнур — его брат,
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост,
Комендант прост, и пакет прост,

А летчик упрям и на четверть пьян,
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударили в небо четыре крыла,
И мгла зашаталась, и мгла поплыла.

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отваливается голова,
Тула мелькнула, плывет Москва.

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту,

С размаху земля навстречу бьет.
Путая ноги, сбегался народ.

Сказал с землею набитым ртом:
«Сначала пакет — нога потом».

Улицы пусты, тиха Москва.
Город просыпается едва-едва.

И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи и в крови запеклось,
И человек разорвал его вкось,

Прочел, о френч руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер.

«Оно опоздало на полчаса,
Не нужно, я все уже знаю сам».

1922

ПЕСНЯ ПАРТИЗАН-ГОРЦЕВ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В старину скакал мюрид тут Шамиля,
Газавата шашкой горы шевеля.

Нынче шашки наши светят, как заря,
По горам идут мюриды Октября,—

По горам, винтовки черные неся,
Над врагами словно коршуны вися.

Люты белые, как волки той зимой,
Они крашенные злобой как сурьмой,

Они белою расшитые каймой,—
Вспомни: много ли вернулось их домой?

Как на птичьем пире сокол-тамада,
Белым — ворона мы дали тамадой,

Били пулей прямо в сердце их тогда,
Били плечи их мы каменной бедой.

Чтобы камень их как молотом ломал,
Чтобы холодом обвал их обнимал,

Чтоб каленая сточила их вода,
Чтоб им в горы не вернуться никогда.

1919 — 1941

(Отрывок)

1

Я помню ту осень и стужу,
Во мраке бугры баррикад,
И отблеск пожарища в лужах,
И грозный, как ночь, Петроград!

И в ночь уходили мужчины
С коротким приказом: Вперед!
Без песен, без слов, без кручины
Шел питерский славный народ.

И женщины рыли толпою
Окопы, о близких шепча.
Лопатой и ржавой киркою
В тяжелую землю стуча.

У них на ладонях темнели
Кровавых мозолей следы,
Но плакать они не умели —
Как были те люди горды!

И как говорили без дрожи:
«Умрем, не отступим назад.
Теперь он еще нам дороже,
Родной, боевой Петроград!

За каждый мы камень сразимся,
Свой город врагу не сдадим...»
И теми людьми мы гордимся
Как лучшим наследьем своим!..

1941

КОСТЕР У СМОЛЬНОГО

На пороге немыслимых дней,
Там, где Смольный стоял, как гора,
Был солдат из рабочих парней,
И задумался он у костра.

Он глядел в этот жаркий костер
И за огненный видел порог,
Что костер этот пламя простер
В бесконечность походных дорог.

Осветил небывалые дни,
И горела на шлеме звезда,
И горели биваков огни,
Нестерпимо большие года.

Пусть они отсверкали в былом,
Все казалось, что снова стоит
У сибирских костров, над Днепром,
Там, где город далекий — Мадрид.

В сорок пятом окончился шквал.
Полон чувством единым одним,
Уж в Берлине стоял генерал,
И костер догорал перед ним.

И в костре том, на майской заре,
Он узнать уголек был не прочь
От костра, что когда-то горел
Перед Смольным в Октябрьскую ночь!

1967

* * *

Я много жил,
И лет уж мне немало,
Но радоваться, право,
Есть чему —
Я видел жизни
Новое начало
И всей душою
Следовал ему.

По-новому
Вся мира жизнь открылась,
И в книге века
Начат новый лист.
И в языке планеты
Утвердилось
За словом Л е н и н
Слово к о м м у н и с т.

Клич «За свободу»
Все народы сблизил,
И клич «За мир»
Заставил их прозреть,
Прокляв фашизм,
Который их унизил,
Сломав его,
Рабовладельца, плеть,—

Они морями крови
Заплатили
За право жить
И вольностью дышать.
Они своих героев
Породили,
Бессмертных,
Как народная душа!

И человек
В грядущее поверил,
Стремящегося
Видел я его,
Как изгонял он
Дух раба и зверя
Из темных ям
Сознанья своего.

И, Партией великою
Ведомый,
Жил человек,
И он живет не зря,
В горах, в лесах, в полях —
Он всюду дома,
И города он строит,
И моря.

И в космосе
Встречается с друзьями,
Как и с друзьями
На земле своей,
Где я живу
И молодею с вами
И молодеть
Хочу повеселей!

1976

Иосиф
Уткин

(1903—1944)

ОКТЯБРЬ

Наш старый дом, что мог он ждать?
Что видел он, мой терем дивный?
Покой снегов,
Тоску дождя,
Побои бешеного ливня.

И думалося — будут дуть
Печаль и ветер бесконечно
В его березовую грудь,
В его развинченную печку.

Но этот день
Совсем иной,
Еще невиданный доныне,
Он сделал осень нам — весной
И холод сделал нам теплынью!

В сыром углу,
Сырой стеной —
Где только мыши были прежде —
Величественно предо мной
Прошли возможные надежды.

И в этот день
Больная мать
Впервые, кажется, забыла
чужих и близких проклинать;
Чужим и нам
Просить могилы.

Наш старый дом, что мог он ждать?
Что видел он, мой терем дивный?
Покой снегов,
Тоску дождя,
Побои бешеного ливня.

В перчатках счастье — не берут.
Закрытым ртом — не пообедать.
Был путь мой строг,
Был путь мой крут,
И тяжела была победа.

Но в прошлом рытвины преград.
И слышал я,
Соседки ныне
Моей старушке говорят
Об умном и хорошем сыне.

1925

ВСТУПЛЕНИЕ

Вспомним,
как жили,
грошей не копя,
Платы
не зная,
в карманах
не шаря...
Жизнь
по душам,
за душой —
ни копья,
Кроме
земного шара.
Кроме одной
дорогой
стороны
С песней
до звездных
вышек!
Чем мы
богаты?
Тем, что —
стройны.
Счастливы?
Тем, что
дышим.

Тем, что —
по бабушке
не родня —
Мы
побратались
до гроба.
Я —
за тебя,
ты —
за меня.
И за Республику
оба...
Что же ты
песню
на хитрую
речь
Стал перестраивать,
сверстник?
Надо,
товарищ,
любить
и беречь
Наши
военные
песни.
Надо беречь —
чтобы пела
и жглась
И никогда
не скользила
По голубой
гололедице глаз
Наша
гражданская
сила.
Чтобы
и в песнях
любимой страны
Брали
все выше
и выше!
Чем мы
богаты?

Да тем, что —
стройны,
Тем, что
живем
и дышим.
Тем, что —
по бабушке
не родня —
Мы
побратались
до гроба.
Я —
за тебя,
ты —
за меня.
И за Республику
оба!

<1929>

О ЮНОСТИ

Мне говорят:
Мол, мы не дышим маем,
Мол, юности расцветок не берем.
Ах, чудаки!
Они не понимают:
Мы юношествовали с Октябрем.
Быть современником
Огромной славы: Ленин,
Включать в артерии
его
высокий ток!
Кто был моложе нас?
Какое поколенье?
Кто?

Мне говорят:
Учитесь трелям Фета,
Льют соловьи,
Грохочет водоем;
Ах, чудаки,
Друзьям, как эстафету,
Мы, умирая,

Песнь передаем.
И эта песнь простреленной, пропетой,
Как кольт,
Как молоток, в работе под рукой.
Какой, скажите мне,
Из всех поэтов
Был больше нас поэт?
Скажите мне,
Какой?

Мне говорят:
История с колена
Вам метит в грудь...
Враг жив... не позабудь...
Ах, чудаки!
Все наше поколенье
Над баррикадами поднять готово грудь.

Нас и не грел
Камин благополучья,
В сибирских рудниках
Нас шлепал адмирал.
Но рабский страх
Нас никогда не мучил.
И никогда
Осмысленней и лучше
Никто еще
Не жил,
Не умирал!..

<1930>

ПЕРЕД КАРТОЙ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

Грядущего карта — груба:
Чего там на Маркса коситься!
Давайте
Построим
Свои отруба
С бордюрчиком русского ситца!
«Чего там,— толкуют
Кривые умы,
Мечтатели правого крена,—
Вчера — Рябушинский,

Сегодня — мы
Едим
Поросенка с хреном.

Октябрь — это
Классовый мир,
Покой...»
Довольно, философы, каркать!
Мы видим совсем,
Совсем не такой
Грядущего нашего карту.

Не в ситце березок,
Не в русском овсе
На старокалужском насте,
Грядущее видим
На светлом шоссе
Электриков-энтузиастов.

Нас каждого
Голод и холод прожег,
Над каждым ворон покаркал,
И кровью пропитан
Каждый флажок
Этой великой карты!

Но мы понимаем:
Не сразу,
Не вдруг,
Не поднятым кверху бокалом,
А вскинутой волей
Мильонов рук
Берется сияние вольтовых дуг
С высоким октябрьским накалом!

1930

* * *

У витрины световой Госторга
Вспомнил я, увидел с высоты
Молодость в солдатских гимнастерках
Неправдоподобной простоты.

Вот они стоят передо мною,
Юноши в семнадцать — двадцать лет,
Неприступной и живой стеною
Ныне воспеваемых побед.

Босые, нечесаны, небриты...
Но щетиной этих юных лиц
Были, как штыками, перерыты
Все обозначения границ.

Без сапог, в задрипанных обмотках,
Сквозь огромный азиатский дождь,
С песней, с матом, с кровью в сердце...
Вот как
Шла к бессмертью наша молодежь!

Шла, чтобы, наголодавшись вдосталь,
Занимая Керчь или Тагил,
Обрести последнее удобство
Братских достопамятных могил.

От Владивостока и до Польши
Проведен пунктир кровавый — тел.
Но спроси, поставь любого — больше
Ничего никто и не хотел!

Да и так ли мало быть пунктиром
Или историческим звеном
Между старым
И грядущим миром?
Мы и не мечтали об ином!..

Но, трудясь до белого каленья,
Зной крепя и плавя мрамор зйм,
Мы откроем новым поколеньям
Дверь в грядущее,
Как двери в магазин.

Сентябрь 1933

ПЕСНЯ СТАРОГО РАБОЧЕГО

1

Когда
я стану
стариком,
Мой сын
придет
и спросит:
«Скажи мне,
где,
отец,
при ком
Ты был
семнадцатую осень?»
«Мой сын,
я дрейфить
не привык,
Я вел
на Смольный
броневик...»

2

Когда
я стану
стариком,
Перебирая
даты,
Сын спросит:
«Где, скажи,
при ком
Ты был, отец,
в двадцатом?»
«Мой сын,
мне домом
был окоп,
Мы с Фрунзе
брали
Перекоп».

3

Когда
я стану
стариком,
Сын спросит:
«А постой-ка,
Скажи мне,
где, отец,
при ком
Ты был
на штурмах
стройки?»
«Для нас
был все
фабричный дым:
Я был
рабочим
рядовым...»

4

И спросит
сын меня
тогда,
Окинув
старость
взглядом:
«Скажи,
а где ж
за все года,
Отец,
твоя
награда?..»
«Ты — сын,
ты — новый человек,
Ты оправдал
мой труд,
мой век...»

1930

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Мальчишку шлепнули в Иркутске.
Ему семнадцать лет всего.
Как жемчуга на чистом блюдце,
Блестели зубы
У него.

Над ним неделю измывался
Японский офицер в тюрьме,
А он все время улыбался:
Мол, ничего «не понимэ».

К нему водили мать из дому.
Водили раз,
Водили пять.
А он: «Мы вовсе незнакомы!..»
И улыбается опять.

Ему японская «микада»
Грозит, кричит: «Признайся сам!..»
И били мальчика прикладом
По знаменитым жемчугам.

Но комсомольцы
На допросе
Не трусят
И не говорят!

Недаром красный орден носят
Они пятнадцать лет подряд.

...Когда смолкает город сонный
И на дела выходит вор,
В одной рубашке и в кальсонах
Его ввели в тюремный двор.

Но коммунисты
На расстреле
Не опускают в землю глаз!
Недаром люди песни пели
И детям говорят про нас.

И он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым:
Лицом вперед,
Обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

1934

Николай Ушаков

(1899—1973)

НОЧЬ НА 25-е

Дождь дымился в эту ночь
пересевом пыли.
Толкачи скользили прочь,
путались
        и выли.

А депо кипело.
                Там —
в паровозном зале
растревоженным цехам
ружья раздавали.

Шли цеха за счастье в бой,
разливаясь наспех,
    как прорвавшийся прибой,
    захлестнувший насыпь.

И над миром грянул гром!..
К утру подморозило,
небо глянуло серо —
как стальное озеро.
    Утром шли на тихий Дон
    папахи лохматые.
    Выпал снег,
    и таял он.
    Было 25-е.

Ноябрь 1925

ЗИМНИЙ

Все дрова,
            дрова рядами.
Мокрый от дождя торец.

За дровами,
за дождями,
как серебряный,
дворец.

Ну, и клетка золотая —
прошлого последний день!
Ну, и лестница крутая —
за ступенями ступень!

А по мраморной крутой
все солдаты,
все матросы...
А по клетке золотой
ходит гул многоголосый...
А по темной,
по волне —
белопенной,
белогривой,—
по широкой,
по Неве —
катерок вольнолюбивый.

Над волною возникает,
исчезает за волной.
Вышел в море,
одевает
алым флагом
шар земной.

1966

КРЕМЛЬ

Вдруг вспыхнет полночь куполами,
кольчугой полыхнет икон,—
красногвардейскими кострами
Кремль озарен,
Кремль изменен.

Огни и тени пролетают.
а башни,
въезды
и мосты
от тех костров
приобретают
иные грани
и черты.

Как бы могучее движенье
в туманах различает глаз,
как бы идет перемещенье
огромных глыб,
тяжелых масс.

Куранты всполохом охватит
и две стрелы
вдруг став одной,
начнут на жарком циферблате
и новый день,
и век иной.

1966

Филипп Шкулёв

(1868—1930)

МЫ КУЗНЕЦЫ, И ДУХ НАШ МОЛОД...

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастию ключи!
Вздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи!
Мы светлый путь куем народу,
Мы счастье родине куем...
В горне желанную свободу
Горячим закалим огнем.
Ведь после каждого удара
Редеет тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.

1912

ПАМЯТИ БОРЦОВ, ПАВШИХ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 г.

Шли они шумной столицей
Дружно и ночью и днем,
Были отважны их лица,
Очи пылали огнем.

Шли они стройно рядами,
Смело и гордо вперед,
Храбро сражаться с врагами
За пролетарский народ.

Шли, не смыкаючи вежды,
Кровь молодую пролить,
С полною в сердце надеждой
Злого врага победить.

Зная, на алой их крови
Солнце свободы взойдет
И на распаханной нови
Бедный воспрянет народ...

Думы, мечты их свершились
Год лишь один миновал,
Слуги Ваала свалились,
Рухнул злодей-капитал.

Сила буржуев, как гуннов,
Рушится, гибнет, гниет,
Царство Великой Коммуны
Всюду со славой грядет.

Пахарь-бедняк и рабочий,
Славной Коммуны оплот,
Гордо вперяючи очи,
Соколом смотрит вперед.

Смелы их смуглые лица,
Дышит отвагою грудь,
Счастьем свобода-зарница
Их озаряет весь путь.

1918

ГИМН КОММУНАРОВ

Мы, дети сильные Коммуны,
На свете любим правду, труд,
В душе и сердце вечно юном
Порывы светлые живут.
Поля, леса, луга и нивы
Наш дружный труд благословят,
Трудом мы рук своих счастливы,
В труде мы видим жизни клад!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы счастье и благо людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

У нас у всех одна забота,
Одной мечтою мы горим:
Гнилые тундры и болота
Мы в сад цветущий превратим...

И голод нам тогда не страшен
Средь сел и красных городов,
Когда заблещут ленты пашен
Червонным золотом хлебов...

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары!
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы счастье и благо людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

Расти, цвети, Коммуна, краше
Под ярким пурпуром знамен,
На страх врагам, на счастье наше,
Во благо будущих времен!
Мы за Коммуну все стеною
Пойдем от плугов и станков,
И силой рати трудовою
Во прах сотрем своих врагов!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы благо и счастье людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

Хвала труду и каплям пота,
Хвала мозолистым рукам,
Хвала всем любящим работу,
Хвала восставшим беднякам.
Хвала и пашням и заводам,
Взрастившим храбрых сыновей,
Хвала погибшим за свободу
В объятьях тюрем и цепей!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы благо и счастье людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

Октябрь 1918

ОКТЯБРЬ

Октябрь пронесся
Над Русью шквалом,
С громовой силой,
В сияньи алом.

В дымящем вихре
Истлели троны,
Как пыль, исчезли
Царей короны.

Метались в страхе
Дворцы, чертоги,
И в прах свалились
Былые боги...

Октябрь сильнее
Грозы, вулканов,
Взмутил народы
За океаном.

Октябрь в плавильне —
Старинный город
Спаял могуче
И серп и молот.

1918

Павел
Шубин

(1914—1951)

ВО СЛАВУ РАЗВЕДЧИКОВ

Врастая с костями в домашние вещи,
На пуховиках от озноба дрожа,
Немало поэтов прилично
клевещут на всех.
Теплотою квартир дорожа:
«Как будто зовущи
Зеленые пущи,
Земной тихоход
На свободу отпущен;
Ему, как немногим,
В глухие отроги
И к сердцу земному
Открыты дороги.
Всего: поступиться
Периной да шпицем,
И книзу с четвертой
Площадки спуститься,
Минуя свой дворик,
Где воздух так горек,
Где дремлет
В тулуп упакованный дворник.
На волю! И сразу,
Доступная глазу,
Стозвездная полночь
Легла бы рассказом,
Как шлях, по пути
В Кременчуг и Путивль,
Как песня,
Которой конца не найти.
Сквозь ветер, сквозь ливень,
В тяжелом наливе
Хлеба зашумели б
С Полтавы до Ливен,
И, хору их вторя,

На гулком просторе
Вздохнули бы степи
От моря до моря
Под клекот орлиный,
Под посвист ветров
Ночами скитаний,
Стоянок, костров,
Глухим океаном,
Где жить великанам...
Но мы — тихоходы,
Земля велика нам.
И где нам до страсти
Рискованных странствий —
Нас солнце не греет,
Нас душит пространство,
Нам буря грозна,
Словно волчья грызня,
И ветер палящий —
Не ветер — сквозняк.
Просторы пустуют,
Закрыты вчистую».
Неправда, товарищи!
Я протестую!
Отряды уже
До глухих рубежей
Идут под дорогам
Былых мятежей,
По снежным заносам,
По дикому ворсу
Травы — за Чапаем,
За пламенным Щорсом,
Плывут корабли
В полуночной дали
Сквозь льды, сквозь туманы
До края земли;
Удар принимая
В открытые груди,
Ведут их бесстрашные,
Гордые люди.
Они не забыли
Недавние были:
Отцы наши
Кровью за землю платили,
Чтоб дети, как в сказке,

Смогли, осмелев,
Стоять по-хозяйски
На этой земле.
А если меж старых,
Семейственных, ярых
Реликвий живут еще
Люди в футлярах,
То разве для них,
Погребенных в пыли,
Весельем наполнена
Чаша земли?..

1935

* * *

В который раз идти на перепутья,
Следить, нахохлясь, в небе журавлей
И ощущать,
Как коршун в клетке — прутья,
Всю горечь неумелости своей;
Приглядываться ко всему земному,
Разгадывая каждое зерно,
И видеть то, что с детских лет знакомо
И понято в отдельности давно:
Черемуха растет на косогоре,
Уходят в пойму выводки зайчат;
Что рожь цветет,
Что летний день просторен,
А молодые яблоки горчат.

Но и мои далекие потомки
Увидят и услышат наяву,
Как рожь цветет, как свищет ветер тонко
И мнут зайчата мокрую траву.

А я, носивший к Днепрострою камень,
Я видел от Кремля в полуверсте
И лирика с трахомными глазами,
И первый трактор, уходящий в степь.

И все, что было,
Все, что есть сегодня,
Соленым ветром бьющее в глаза,
Уходит в море, поднимая сходни,
Чтоб никогда не приходить назад.

Я, современник этого,
До слова
Ответственный за звон строки моей,
Я должен чуять запах этих дней
В невыразимой сложности живого.

1935

* * *

Так же прекрасна была земля
В дивном серебряном блеске...

Н. В. Гоголь

Опять передо мною
Кривою тропою
Кленовый лесок
Подошел к водопою,

Где слева и справа
Безвестные травы
В вечернем логу
Стерегут переправу;

И берег так дик,
И река на пути,
И кленам
В просторную степь не уйти.

А здесь на отвале
И мы вырастали,
Как стая кленков
На обугленном пале,

Пока не ушли
По следам батальонов
От брошенной шахты,
От детства, от кленов.

Бездомными днями,
Чужими огнями
Кружилась страна,
Как волчок под ногами,

И вот за Уралом,
Где поезд мотало,
Троих желторотых
Разбило о шпалы,

Чтоб сумрачным кленам,
Другим, незнакомым,
Стоять и не плакать
Над склепом зеленым,

Чтоб перьями дымными
И голубыми
Высокие тучи
Летели над ними,

И кровная память
Жила между нами
Навеки — как песня,
Навеки — как знамя.

Не так это просто —
Сквозь снежные версты
Качаться под ветром
Холодным и острым,

Чтоб здания города
Просто и гордо
Дышали у северных
Хмурых фиордов.

Не так это просто —
Слепящие версты
Песков проходить
По пустыне отверстой,

Чтоб вырос веселый
Зеленый поселок
Под дьявольским солнцем
В степи невеселой.

Без прав, без дипломов,
В тайгу, в буреломы
Несли мы приказы
Своих исполкомов

И делали дело
Неплохо, пожалуй,
Работали
И умирали без жалоб,

Чтоб новая молодость
Встала за нами —
Как наша работа,
Как слава, как знамя.

1936

ЭСТАФЕТА

Всадник скрылся в пшенице
Возле низких ракит,
Только шапка, как птица,
Над пшеницей летит.

И погоня от брода
По летящей, по ней,
Бьет, не спешившись, с ходу,
С запаленных коней.

Как сквозь дымку все это,
Как во сне оживет:
Степь Задонская. Лето.
Восемнадцатый год.

И высокий, сутулый,
С темной мукой в глазах,
Навзничь брошенный пулей,
Неизвестный казак.

С боязливою лаской —
Чувством теплым одним —
Два дружка, два подпаска
Наклонились над ним.

Смерть его распростерла,
Словно крест, у межи,
Кровь толчками из горла
С тихим свистом бежит;

И не слышно ни слова,
И дыхания нет,
Лишь из пальцев лиловых
Чайкой рвется пакет.

А куда его надо
И кому передать? —
Не случилось ребятам
Научиться читать.

Но сияние алой
На папахе звезды
Больше слов рассказало
Пастухам молодым.

И, дорогу срезая
По широкой кривой,
Старший, набок сползая,
Поскакал к Таловой.

Там за волю сражаться,
Как своих сыновей,
Вел полки богучарцев
Василенко Матвей.

Ой вы, дальние дали,
Ветра вольного гик!
...А второго пытали
Лютой пыткой враги.

Рыжий сотник глумился:
«Что ж ты, милый, молчишь?
Где товарищ твой скрылся?
Не видал, говоришь?»

И нагайка, змеею
Завиваясь к концу,
Била, бешено воя,
По глазам, по лицу...

И ни слова, ни знака.
Сотник вскинул клинок:
«Что же, скажешь, собака?»
Но молчал паренек.

Словно в поле ромашка
Под свистящей косой,
Пал он, срезанный шашкой,
Непокрытый, босой...

Гей вы, степи, далече
Ваш дымится восход!
Смертной пулею мечен
Восемнадцатый год.

Таловая и Лиски,
Воронцовка, Бахмут!
Поименные списки
Павших не перечтут.

Но об этом подпаске
Есть: «Погиб за народ
Васька Савинков. Ваське
Шел пятнадцатый год».

1938

СОДЕРЖАНИЕ

П 41 **Поэты — Революции** / Сост. и вступ. ст. Ф. Бурташова; Ил. В. Горелова.— М.: Правда, 1987.— 576 с., ил.

Этот сборник выходит к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В него включены произведения русских поэтов, созданные в первые десятилетия Советской власти. Наряду с широко известными именами (В. Маяковский, А. Блок, С. Есенин, В. Брюсов) в книге представлены поэты, мало знакомые широкому кругу читателей (Д. Алтаузен, В. Кириллов, А. Вермишев и др.).

П $\frac{4702010200-1346}{080(02)-87}$ 1346—87 84 Р 7

ПОЭТЫ — РЕВОЛЮЦИИ

Русская поэзия
первых десятилетий Советской власти
о Великом Октябре

Составитель
Феликс Анатольевич Бурташов

Редактор Е. М. Кострова

Художественный редактор И. С. Захаров

Технический редактор Т. Б. Слизун

ИБ 1346

Сдано в набор 12.12.86. Подписано к печати 11.06.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.отт. 30,66. Уч-изд. л. 29,50. Тираж 100 000 экз. Заказ № 0009. Цена 2 р. 80 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Кузбасс» Кемеровского обкома КПСС. 650066, г. Кемерово, Октябрьский пр., 28.

